

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА  
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

# СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

ВЫПУСК 4

Межвузовский сборник



ЛЕНИНГРАД  
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
1994

Печатается по постановлению  
Редакционно-издательского совета  
Ленинградского университета

В статьях сборника (вып. 3 вышел в 1979 г.) рассматриваются вопросы фонетики, грамматики и лексики современных севернорусских говоров в их историческом развитии и в сопоставлении с другими русскими и славянскими диалектами. В основе статей — богатый материал современной диалектной речи и памятников среднезековой письменности, проливающий новый свет на историю заселения русского Севера и Северо-Запада, проблемы истории языка и истории народа.

Для филологов-русистов, историков, этнографов, специалистов по исторической географии, краеведов.

Редакционная коллегия: проф. А.С.Герд (отв. редактор),  
проф. В.В.Колесов (отв. редактор), проф. Н.А.Мещерский, проф.  
Р.Р.Палагина, доц. Л.А.Ивашко, доц. Т.Г.Доля, доц. Ф.Л.Скитова,  
доц. В.И.Трубинский

Рецензент: д-р филол. наук, ст. науч. сотр.  
Ин-та рус. языка АН СССР В.Л.Дерягин

ИБ № 1874

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Выпуск 4

Редактор А.Н.Ельчева Художественный редактор А.Г.Голубев  
Технический редактор Е.И.Веселова  
Корректоры Н.М.Каплинская, Н.П.Подгородецкая

---

Подписано в печать 28.04.84. М-25326 Формат 60x84 1/16.  
Бумага тип. № 2 Печать офсетная. Усл.печ.л. 11.62.  
Усл. кр.-отт. 11.79. Уч.-изд.л. 11.33. Заказ 5577  
Тираж 876 экз. Цена 1 р. 70 к.

Издательство ЛГУ им.А.А.Жданова  
199164, Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9

---

PC

С - 4602010000 - 097 146-84  
076(02) - 84



Издательство Ленинградского  
университета, 1984 г.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

С каждым годом все более активными и эффективными становятся совместные коллективные усилия по дальнейшему изучению русских говоров на севере и северо-западе Европейской части РСФСР. Ленинградский университет и Псковский педагогический институт продолжают работу над Псковским областным словарем, кафедры русского языка восьми вузов РСФСР в Ленинграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Вологде, Череповце, Кирове, Костроме, а также отдельные авторы из Калугина, Ярославля, Пскова заняты созданием сводного дифференциального Словаря русских говоров Карелии и смежных районов сопредельных областей, собраны богатые материалы по топонимике Псковщины, Прионежья, Заонежья, Обонежья и Поморья. Начато полевое изучение северо-русской духовной культуры. Постепенно расширяется фонд магнитофонных записей и текстов их дешифровки по разговорной речи поселков городского типа и крупных совхозных центров в Карелии и в Мурманской области. Большую работу проводят наши коллеги из Московского университета и Архангельского педагогического института по созданию Архангельского областного словаря, в Вологде подготовлен Словарь восточновологодских говоров, начато лингвогеографическое обследование восточной Вологодчины, продолжается углубленное полевое обследование русских говоров Коми АССР (Сыктывкарский университет, Коми педагогический институт), а также работы по созданию Словаря русских говоров низовий Печоры. Серьезное значение имели конференции диалектологов в Вологде (1979, 1983 гг.), Череповце (1982 г.), весьма существен вклад и собственно индивидуальных исследований (диссертации, книги, статьи, доклады отдельных авторов).

Одновременно неотложной задачей всех диалектологов, занятых изучением русского Севера и Северо-Запада является продолжение собирания массовых материалов по лексике русских го-

воров в Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, Ярославской, Новгородской, Калининской, Псковской и Ленинградской областях, в КАССР и в Коми АССР. С каждым днем все больше меняется лингвистический ландшафт на севере Европейской части СССР, все меньше остается мелких населенных пунктов, поселков, десятилетиями служивших идеальной опорой в работе многих поколений диалектологов и целых экспедиций.

Так, например, за последние 15 лет неизнааемо изменился облик Заонежья, Карельского Беломорья, запада Ленинградской области, Мурмана, окрестностей Череповца. В этой связи особое и самостоятельное значение сегодня приобретают: а) всемерное количественное, качественное и организационное совершенствование местных картотек диалектной лексики в Петрозаводске, Архангельске, Вологде, Кирове, Череповце, Пскове, Новгороде, Калинине и фундаментальных сводных картотек по лексике северных и северо-западных русских диалектов в Московском и Ленинградском университетах; б) создание отдельных картотек по микротопонимике и антропонимике, по названиям жителей по их местности; в) полевая работа по картографированию данных; г) создание местных региональных собраний магнитофонных записей текстов. Со временем эти картотеки превратятся в фонды уникальных материалов, на основе которых можно будет развертывать все новые и новые исследования. При этом следует особо подчеркнуть значение массовых и неоднократных фиксаций каждого слова, каждой формы во множестве разных контекстов, а сами картотеки, по возможности, должны создаваться на недифференциальной основе.

Перспективным также является выделение отдельных опорных локальных узлов с переходом в последующем к многолетнему и неоднократному их обследованию, разработка специальных тематических программ.

Весьма важным является бережное сохранение стационарного регулярного характера таких картотек. Как известно, из разных форм хранения материалов наиболее уязвимы в этом отношении картотеки и фонды архивов. В конечном счете именно картотеки по лексике говоров отдельных областей дают наиболее полное представление о языке региона, о мире духовных представлений, обычаях и традициях североруссов, о психологии восприятия ими ок-

ружающей природы, об отношении к труду, верованиям. Никакой словарь никогда не может вобрать в себя все богатство картотек, и в этом их непрекращающее самостоятельное национальное культурно-историческое значение.

Давно настало время подумать о формах кодификации и официальной регистрации картотек. По-видимому, целесообразно было бы привязать их к фондам редких книг и рукописей. Необходим сводный аннотированный каталог существующих словарных картотек.

Не менее важной задачей как филологов, так и историков и краеведов на севере и северо-западе России является дальнейшее открытие, описание, публикация и изучение памятников местной региональной письменности, создание аннотированных справочных описей, словоуказателей и индексов разных типов.

В статьях этого сборника, как и в предыдущих выпусках, рассматривается круг проблем морфологии, лексики, фразеологии и синтаксиса собственно северорусских говоров и тех диалектов, которые исторически в своей основе являются северорусскими по своему типу (новгородские, частично псковские) и которые лишь позднее испытали на себе влияние иных диалектных зон.

Ряд статей содержит материалы по исторической диалектологии. В статьях сборника данные северных и северо-западных русских диалектов рассматриваются через призму других русских говоров и в свете тех общих тенденций, которые характерны для современной разговорной речи в целом. Четвертый выпуск сборника "Северорусские говоры" продолжает традиции предшествующих выпусков — традиции углубленного изучения речи русского Севера и крайнего Северо-Запада РСФСР.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ  
В СЕВЕРНОРУССКИХ И КАМНОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ  
(именительный падеж множественного числа)

Выявляя особенности склонения имен существительных типа жеребята, жеребенки, С.П.Обнорский еще в 1931 г. обратил внимание русистов на необходимость сопоставления подобных словоформ на широком диалектном материале. Приведя для этого показания говоров, далеко отстоящих друг от друга, он писал: "Лъбопытно указание наблюдателей с двух противоположных концов великорусской территории, относящееся к взаимному употреблению форм на ата и на енки. Таково, с одной стороны, сведение из Пудожского у. Олонецкой губ., с другой стороны — из Суджанского у. Курской губ. Оба они гласят одно и то же".<sup>1</sup> Но в 30-е годы широкий сопоставительный анализ был почти невозможен из-за недостаточной изученности морфологического строя русских народных говоров. В настоящее время, когда собран богатейший диалектный материал разных регионов, когда отдельные из них описаны с достаточной полнотой, вопрос о сопоставительном изучении их приобрел особую значимость. Подобное исследование перспективно, так как позволяет "достаточно ярко показать как близки, так и дальние морфологические взаимосвязи отдельных диалектов и, что, может быть, еще важнее, представить факты взаимной противопоставленности диалектов".<sup>2</sup> Изучение диалектной системы русского языка в указанном аспекте целесообразно вести не на уровне целостных диалектных группировок, а диффе-

<sup>1</sup> О б н о р с к и й С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Л., 1931, с.147.

<sup>2</sup> Г е р д А.С., К а п о р у л и н а Л.В., Р у с к о в а М.П., Ч е р е п а н о в а О.Ч. Севернорусское именное склонение на общеславянском фоне (материалы к истории славянского именного склонения). — В кн.: Севернорусские говоры. Вып.2. Л., 1975, с.24.

ренцированно, на уровне отдельно взятых локальных центров (узлов), перенося от одной конкретной диалектной макрорегионов к другой, от одного локального узла к другому.<sup>3</sup>

Цель данной работы – сопоставление форм им.п. мн.ч. имен существительных севернорусских (карельских) и южнорусских (восточнообрянских) говоров.<sup>4</sup> Брянские говоры привлечены не во всей совокупности, потому что они весьма неоднородны по своим грамматическим показателям. Кроме того, более детально описаны говоры восточной Брянщины, которые в диалектологической науке признаны составной частью южнорусского наречия, в то время как вопрос о западнобрянских говорах остается открытым.

Учитывая аспект исследования и опираясь на теоретические установки современной диалектологии, в работе выявляется не только то специфическое, что отличает русские говоры от русского литературного языка, но и то, что их объединяет с ним, ибо говоры составляют неразрывное единство с общенациональным языком. Поэтому для объективного освещения склонения важен не дифференцированный, а полный принцип описания падежных форм.

1. В севернорусских говорах существительные м.р. на твердый согласный в им.п. мн.ч. имеют флексию -и, после заднеязычных -и, в ударном и безударном положении. Эти флексии наблю-

<sup>3</sup> См.: Герд А.С. 1) По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии. – В кн.: Севернорусские говоры. Вып.2. Л., 1975, с.187-192; 2) К типологии славянского регионального словообразования. – В кн.: Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976, с.36-47; Русков в а М.П. Из сопоставления склонения имен существительных в севернорусских диалектах и юнославянских языках. – В кн.: Вопросы грамматического строя... с. 63-73.

<sup>4</sup> Список обследованных районов и населенных пунктов: Карельская АССР: Медвежьегорский район (Афонино, Габсельга, Данилово, Лосское, Тихвин Бор, Челмужи); Пудожский район (Губа, Гакугса, Канзановолок, Колово, Корбозеро, Пелусозеро, Песчаное, Семеново, Сумозеро, Черново). Брянская область, районы: Бравовский (Веженка, Городище 1-е, Крупец, Хутор Холмецкий); Брянский (Глинищево, Добринь, Журиничи, Кабаличи, Переторги, Строительная Слобода, Хотылево, Чернетово); Жуковский (Никольская Слобода, Овстуг, Саково); Каравеевский (Верхополье, Ревное); Клетнянский (Акуличи, Лутин); Комаричский (Евдокимовка, Радогощь); Навлинский (Борщево, Ворки, Гладское); Севокий (Хильель); Суземский (Денисовка, Чухраи); Трубчевский (Гнилево).

даются как в односложных существительных, так и в тех, которые состоят из двух и более слов: гόды (Чёлмужи), волосы, инженеры, сваты (Корбозеро), комари, пуховики, пудги (Пелусозеро), столы (Губа), столбы (Семеново), хуки (Габсельга) и др. Флексия -ы в говорах получила более широкое распространение, чем в литературном языке: она прослеживается у существительных, которые в литературном языке употребляются с флексией -а, например, господы (Тихвин Еор), глазы (Сумозеро), болосы (Габсельга) и др. Существительное сын в говорах, как и в литературном языке, может выступать в двух вариантах формах — сыны и сыновья. Но в литературном языке эти формы различаются и по значению, и по стилистической окраске (ср. сыны отечества и сыновья в значении родства). В диалектной речи семантическая и стилистическая дифференциация у приведенных словоформ отсутствует, обе они употребляются только в значении родства: Все сыны ко мнё ездят (Корбозеро), Што сыны, што сыновья — одно (Габсельга).

Южнорусские говоры в употреблении флексий -ы, -и обнаруживают большое сходство с севернорусскими. В брянских говорах формы на -ы, -и наблюдаются также шире, чем в литературном языке. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют следующие примеры: рукавы (Кабалычи), глазы (Глинищево), домы (Овстуг), лесы, поля (Ворки), ветры, луги (Саково), брать (Радутино), вечери (Снопоть), городы (Азаровка), боки (Ущерпье) и др.

2. Широкораспространённой флексией им.п. в говорах Карелии является ударная флексия -а (-я). Наблюдается она у существительных и с односложной и с неодносложной основами. В севернорусских говорах о этой флексией зафиксированы слова, которые 1) в литературном языке употребляются только с флексией -а: леса (Корбозеро, Пелусозеро), луга (Семеново), дома (Габсельга), холода (Афонино), жернова (Пелусозеро), повара (Габсельга, Губа), меха кузибчице (Пелусозеро), рукава (Чёлмужи, Габсельга) и др.; 2) в литературном языке имеют колебания в использовании флексий -а (-я) или -и (-и): лагеря (Песочноз., Черново), штабеля (Чёлмужи), учителя (Габсельга), договора (Афонино) и др. Кроме того, в карельских говорах отмечены сло-

ья, которые проявляют неустойчивость в использовании флексий -а (-я) и -и (-и): глаза́ (Корбозеро, Полусозеро) и глázы (Корбозеро, Сумозеро), полога́ и лóлоги (Тихвин Бор), стога́ и стóги (Пелусозеро), хода́ и ходы́ (Чёлмужи). Количество примеров параллельного употребления указанных флексий довольно ограничено.

Как показывает материал, формы на -а (-я) употребляются в северорусских говорах шире, чем в кодифицированном языке.<sup>5</sup> Номинативные формы на -а (-я) предпочтительнее у слов с предметным значением, реже у слов, называющих лицо по профессии (ср. учитељ), в единичных случаях наблюдаются у слов иноязычного происхождения, пришедших в бытовой язык носителей говора из профессиональной речи (ср. штабель).

Аналогичные показания находим и в южнорусских говорах. Формы на -а (-я) у имен существительных м.р. зафиксированы в идентичных с северорусскими говорами условиях. Они наблюдаются в таких же двух группах слов: 1) дома́ (Чернетово), глаза́ (Ревное), берега́, рукава́, городá (Ворки), холода́ (Добрунь) и др.; 2) лагерá (Чернетово), докторá (Ревное), учитељ (Добрунь), договорá (Овстуг), тракторá (Комаричи), года́ (Почеп) и др. Заметим, что лексически слова второй группы и в северорусских и южнорусских говорах совпадают. Этот факт представляет безусловный интерес в том плане, что свидетельствует о большом влиянии на диалектную речь любого региона литературного языка, для которого характерны вариантные образования с флексиями -а (-я) или -и (-и) в определенной, ограниченной группе слов. Как и в карельских говорах, на Брянщине известны случаи параллельного использования номинативных форм с флексиями -а (-я) и -и (и): шоферá и шоферы, колодезя́ и колодези (Евдокимовка), хуторá и хúторы (Овстуг) и др.

3. В отличие от говоров Карелии в брянских говорах, как и во всем южнорусском наречии, процесс распространения форм им.п. мн.ч. с флексией -а (-я) оказался более широким и активным. Это выражалось в том, что он охватил имена не только м.р.,

<sup>5</sup> Сверка номинативных форм на -а (-я) проводилась в соответствии с данными "Русской грамматики" (т.1. М., 1980, с.497-498).

но частично и ж.р. третьего склонения и мягкого варианта первого склонения: матеря (Ворки, Саково), скатерть (Веженка, Чернетово), четверть (Радогошь), яблоня, часть, деревня (Гладское), церквя (Чухраи), пристань (Монастырщце) и др. Эти формы на Брянщине встречаются в основном в восточных, отчасти центральных районах.

4. Существительные с суффиксами -ин, -анин (-янин), -чанин, обозначающие лиц по месту их рождения, народности, социальной принадлежности, образуют форму им.п. мн.ч. без суффикса единичности -ин с различными флексиями в северно-русских и южнорусских говорах. Это объясняется тем, что в истории русского языка данные существительные претерпели значительные преобразования и в каждом отдельном случае требуют исторического истолкования в связи о рядом частных явлений, имевших место в общем процессе перестройки именного склонения.

Типичными северорусскими образованиями им.п. мн.ч. у  
данных существительных являются формы о флексией -е, нередко  
чредующейся с -и.<sup>6</sup> Так, в вологодских, архангельских, киров-  
ских, онежских говорах о ударением на основе зафиксированы:  
бояра, татара, дворяна, городяна.<sup>7</sup> Такие же формы в большом  
количество представлены в произведениях северного фольклора:  
тут сидят князи, бояра (Кирилл Данилов, 17), князи кладут по  
оту рублей, бояра по пятидесят (там же, 129) и др., тут вси  
князи, вси бояра (Гильфердинг, 327).<sup>8</sup> В исследуемых карельских  
говорах отмечены только формы о флексией -и: англичаны (Габ-  
сельга), крестьяни (Колово, Корбозеро, Чёлмужи), цыгани (Тих-  
вин Бор, Корбозеро, татары (Пелусозеро). Аналогичные формы в  
произведениях фольклора: татары – те борются (Кирилл Данилов,  
31), тому татары дивовались (там же) и др.

<sup>6</sup> См.: Обзорокий С.П. Именное склонение ...  
о.133.

<sup>7</sup> См.: Русская диалектология. М., 1972, с.142-144.

Древние российские стихотворения, собранные Киршевым Даниловым. М., 1938.

<sup>9</sup> Оне́жские бы́лкины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. Т.1. М.; Л., 1949-1951.

В южнорусских говорах анализируемые существительные выступают с безударной флексией -и: крестьяни (Глинщево, Хотылево, Радогощь, Строительная Слобода), партизани, татари (Денисовка), прихожани (Гнилево) и др. В произведениях южнорусского фольклора употребляется общая с литературным языком форма с флексией -е: будуть ехать бояре молодые (Славянин, 49), а бояре, бояре, а иде ж вы бывали (там же, 59) и под.<sup>10</sup>

Восходя генетически к существительным бывшей основы на согласный звук во мн.ч., существительные с суффиксами -ин, -анин (-янин), -чанин заменили исконную флексию -е на -а (по письменным памятникам это прослеживается с XVI в.)<sup>11</sup> под влиянием имен собирательных типа корела, латина.<sup>12</sup> Что касается этих же существительных с флексией -и (по памятникам они отмечаются с XIII в.),<sup>13</sup> то, по мнению С.П.Обнорского, они являются "продуктом слияния исконных севернорусских форм на -ана с южновеликорусскими новообразованиями на -ани".<sup>14</sup> Ф.И.Буслаев возводит эти образования к существительным с сокращенной основой без суффикса -ин в ед.ч., т.е. к \*о-основе, отсюда закономерные формы булгар – булгари, мусульман – мусульманы.<sup>15</sup>

Южнорусские формы с флексией -и историками языка также объясняются по-разному. А.А.Шахматов в появлении этой флексии

<sup>10</sup> Старинная севская свадьба / Записи и свод О.А.Славяниной. М., 1978.

<sup>11</sup> См.: Демидова Г.И. О формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода с суффиксами -ин, -анин, -янин в восточнославянских языках. – Учен. зап. Ленингр. пед.ин-та, 1968, т.293, с.133–134.

<sup>12</sup> Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. с.335; Обнорский С.П. Именное склонение... с.129–130; Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с.54.

<sup>13</sup> См.: Демидова Г.И. О формах именительного падежа с.140.

<sup>14</sup> Обнорский С.П. Именное склонение ... с. 137–138.

<sup>15</sup> Буолаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с.218–219.

видит воздействие существительных м.р. \**и*-основы,<sup>16</sup> а Е.Ф.Карский и С.П.Обнорский – влияние имен \**о*-основы, когда последние еще имели флексию -*и*<sup>17</sup> (первые примеры о этой флексией у существительных о суффиксами -ин, -анин (-янин), -чанин в письменности встречаются уже в XI в.).<sup>18</sup> А.А.Никольский дает фонетическое объяснение: о из закрытого, склонного к и (е<sup>и</sup>) дает и в слоге не под ударением.<sup>19</sup> Таким образом, имеет ли флексия -и фонетическое или морфологическое обоснование, сказать трудно. Скорее всего, в генезисе этой флексии следует учитывать оба названных фактора – и морфологический (преобразование системы именного словоизменения и появление флексии по аналогии) и фонетический (особенность заударного вокализма в южнорусских говорах).

5. Существительные о суффиксами -енок, -ник, -няк во мн.ч. изменяют этот суффикс на -ат (-ят). В севернорусских говорах данные существительные выступают в основном о флексией -а: ребята (Корбозеро), робята (Габсельга, Сумозеро), маслята (Пелусозеро), двойчата (Колово). Такие же формы зафиксированы и в других говорах Северо-Запада РСФСР, например, в Ленинградской области д.Шеменечи Подпорожского р-на: Двойники у нас или двойчата, если двое народились. В карельских говорах во мн.ч. можно наблюдать формы с сохранением суффикса ед.ч. -няк и с флексией -и: У бáлки были трóи – тройняки да двой – двойняки (Сумозеро). Подобные формы в говоре употребляются тогда, когда речь идет о количестве (обычно детей). Возникли они в диалекте "на почве стремления в языке особыми формальными признаками обозначить чистую множественность, как сумму конкретных единичных предметов, как делимую на части совокупность в отличие

<sup>16</sup> Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка, с.275-276.

<sup>17</sup> Карский Е.Ф. Белорусы. Т.2. Варшава, 1911, с. 183; Обнорский С.П. Именное склонение... с.130.

<sup>18</sup> См.: Демидова Г.И. О формах именительного падежа... с.138.

<sup>19</sup> Никольский А.А. О языке Ипатьевской летописи. Оттиск из РГБ. Варшава, 1899, с.30.

от форм на -ата, соединившимися с представлением неделимой множественности, сплошной массы предметов".<sup>20</sup>

Показания брянских говоров в отношении рассматриваемых существительных оказываются противопоставленными карельским: основной флексией им.п. у них является -ы: гусыты (Глинищево), ребяты (Овстуг), теляты, двойнанты (Никольская Слобода), котинанты, писканты, соловьанты (Акуличи, Лутна), куряты, поросяты, шыпляты, вутяты (Хинель) и др. Параллельно с приведенными формами можно встретить образования с флексией -а: ягнанты (Никольская Слобода), ребята (Хотылево), писканта (Ворки), но они отмечаются значительно реже. Иногда в одном и том же населенном пункте наблюдаются обе формы: близнанта и близнанты (Снопотъ, Рудня).

6. Основным формальным показателем им.п. мн.ч. существительных ср.р. в карельских говорах является флексия -а (-я) (ударная и безударная), т.е. наблюдается такая же картина, как и в русском литературном языке, например: места, корыта (Коробозеро), семена, яйца (Габсельга), семена (Пелусозеро) и др. И лишь опорадически в отдельных лексемах отмечается параллельное использование флексий -а и -и: яйца и яйцы (Тихвин Бор). Приведенный факт подтверждает высказывание С.П.Обнорского о том, что говоры Олонецкого края оказались в извеотной изоляции от тех говоров, в которых произошла замена якконной флексии имен ср.р. -а (-я) на -и (-и),<sup>21</sup> появившейся в словах ср.р. по аналогии с именами м. и ж.р. в старорусской письменности XIV в.<sup>22</sup>

В отличие от говоров Карелии в брянских говорах отмечается активное параллельное использование флексий -а (-я) и -и (-и), причем это прослеживается в одном и том же населенном пункте и часто в речи одного и того же информанта: письма, война, одиёла, вёдры, колёса (Ревное), места, рёбры (Верхополье), сёла, рыбы, польти (Городище 1-е). Параллелизм форм можно наблюдать в одной и той же лексеме: вёдра и вёдры (Строи-

<sup>20</sup> Обнорский С.П. Именное склонение... с.147.

<sup>21</sup> Там же, с.121.

<sup>22</sup> Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с.210-211.

тельная Слобода), сита и ситы (Крупец), блода были большие, круглые, а эти блода ужо покупные, некрасивые (Хотылево). Формы на -и находим и в словах с основой на -х: яблоки, лужочки, крылушки (Переторги), что находится в соответствии с нормами литературного языка. Таким образом, процесс уничтожения форм мн.ч. в отношении данной конкретной черты словоизменительной системы на юге проявился отчетливее, ярче, чем на севере, чему несомненно способствовал такой давний фактор, как большее разрушение категории ср.р. в южнорусском наречии.<sup>23</sup>

7. Существительные ж.р. в им.п. мн.ч. и в карельских, и в брянских говорах имеют те же флексии, что и в литературном языке, -и (-и): дёвки, портянки (Корбозеро), лопаты (Сумозеро), дочери (Чёлмужи); рубашки, вётки (Добринь), вдовки, бутовки (Журиничи) и др. Исключение составляют южнорусские говоры, в которые имена ж.р. могут отчасти принимать флексию -а (-я), о чём речь шла выше.

8. Особую группу составляют имена существительные с основами, осложненными суффиксом -ј-, принимавшие в им.п. мн.ч. флексию -а (ударную и безударную). В говорах Карелии это очень продуктивный лексико-грамматический разряд слов, включавший в свой состав названия лиц и неодушевленных предметов: дядь (Нелусозеро), братья (Чёлмужи), мушинья, каблучинья, болотья (Сумозеро), гвоздя, камёни (Габсельга), мостины, кружевы (Чёлмужи), личинья (Колово, Черново), блодь (Габсельга, Лобское, Канзанаволок), ср. при сочетании с числительным в употреблении может быть обычная форма ср.р.: два блода таких (Габсельга). Данные формы существительных, в отличие от регулярных форм м. и ср.р., несут признак "усилительной множественности",<sup>24</sup> что было присуще именам собирательным на -ье и -ья, с которыми рассматриваемые существительные связаны по своему происхождению. В карельских говорах приведенный тип номинатив-

<sup>23</sup> Костков С.И. Южнорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с.186-187

<sup>24</sup> См.: Азарх Ю.С. К истории собирательных типа братья, зверье в русском языке. - В кн.: Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1977, с.192-194.

ных образований настолько употребителен и активен, что он охватил и имела ж.р.: картины, косы (от ед. кость), жёны (Сумзера), жилья (Габсельга) и др.

Для говоров Бряншины отмеченные образования не характерны, и лексически они, как правило, не выходят за пределы норм литературного языка: мужья (Кабаличи), братья, зятья (Борщево), князья (Овотуг), но домья (Хотылево). Гораздо чаще эти существительные употребляются в говоре в своей обычной форме — брать, зять, домы.

Вопрос о генезисе форм данных существительных рассматривался многими исследователями.<sup>25</sup> Для неодушевленных существительных на -ья наиболее убедительным представляется объяснение В.М.Маркова. В отличие от других историков языка, он исключает в формах на -ья какое-либо фонетическое или аналогическое преобразование, а указывает на морфологическую природу их образования, подчеркивая, что имена типа лиście, колье уже в древнерусский период не были лишены количественного противопоставления, а потому формы листья, колья следует рассматривать как закономерные формы мн.ч.<sup>26</sup> Что касается прохождения одушевленных существительных на -ья, то большинство ученых придерживаются по этому вопросу традиционной точки зрения: возводят их к сибирательным одушевленным именам с основой на \*-я типа братья, у которых постепенно произошло ослабление сибирательного значения, и они были переосмылены как существительные мн.ч.<sup>27</sup>

9. Флексия -а (ударная и безударная) оформляет также слова, основа которых осложнена формообразующими суффиксами -ов- и -ј-, типа сыновья. Такие формы присущи обычно словам мн.ч. в северорусских говорах, ср. арх. братьевья, вороновья, даро-

<sup>25</sup> Перечень наиболее распространенных гипотез приведен в работах: Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974, с. 69–80; Борзенович И.Э. Из истории категории сибирательности в русском языке. Казань, 1979, с.24–25.

<sup>26</sup> Марков В.М. Историческая грамматика русского языка, с.75.

<sup>27</sup> Руоска и диалектология, с.144.

вья, дедо́зья, киров. зятевъ́.<sup>28</sup> Лексический состав их шире, чем в литературном языке. Однако в карельских говорах зафиксирован лишь один пример — сыловъ́ (Чёлмужи). Для южнорусских говоров подобные образования нехарактерны, в брянских говорах употребительна только форма сыновъ́, что не выходит за рамки кодифицированного литературного языка. По своему образованию эти формы рассматриваются как результат контаминации флексии им.п. мн.ч. существительных основ на \*-й (сынове) и старых собирательных имен на \*-я (братия).<sup>29</sup>

Итак, сопоставление русских говоров Карелии и Брянщины показывает, что в им.п. мн.ч. существительных у них отмечается типологическое единство флексий. Так, в м.р. зафиксированы флексии -ы (-и), -а (-я) для обоих регионов. Более широкое употребление этих флексий по сравнению с литературным языком объединяет севернорусские и южнорусские говоры (глазы, стоги, домы, лагеря, штабели). Разнит их использование этих флексий в словах типа бояра, крестьяны на севере и крестьяни на юге, ребята на севере и ребяты на юге, наличие образований типа мушши́нья, болотья на севере и отсутствие их на юге.

В ср.р. отмечены флексии -а (-я) и -ы (-и). Употребление -а (-я) типологически съязвивает говоры севера и юга, а -ы (-и) противопоставляет.

В ж.р. как на севере, так и на юге наблюдаются флексии -ы (-и), это объединяет севернорусские и южнорусские говоры. Южнорусским говорам, кроме того, свойственны формы на -а (-я) типа окатеря, матеря, что не характерно для говоров севера.

28 Руоокая диалектология, с.145.

29 Обнорский С.П. Именное склонение... с.75-78; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, с.102.

Л.В.Капорулина, А.С.Герд  
К ИСТОРИИ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ  
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕГО ПСКОВА

1

Диалект Пскова и его области – один из немногих славянских диалектов, которые дают возможность вычертить историю его развития не только по материалам собственно диалектным, но и по памятникам письменности начиная с XIII – XIV вв.<sup>1</sup>

Цель настоящей статьи – проследить на материалах именного склонения, как в целом шло становление языка Пскова до XVI в.

Задача исторической диалектологии состоит не только в том, чтобы показать то особое, отличительное, что привело к формированию диалекта, но по возможности полно восстановить также грамматику и лексику этого диалекта в его эволюции от века к веку с учетом всех типов текстов. К сожалению, в отечественном языкознании нет работ, которые ставили бы своей целью воссоздание единой истории регионального языка по отдельным хронологическим срезам с учетом как диалектных данных, так и памятников письменности разных жанров, включая конфессиональный.

Историю псковского диалекта можно понять и описать только с учетом тех типов речевых ситуаций, которые существовали в средневековом Пскове. Разные типы ситуаций, в которых функционировала речь в Пскове, можно разделить на активные и пассивные. К активным относятся все ситуации, в которых каждый говорящий есть одновременно и слушающий, т.е. ситуации разговорной речи. В средневековом Пскове это была и речь дома, в семье, на улице, на ярмарке, на братинах, на торгу, и профессиональная речь ремесленников, речь в суде, язык общения с князем, до некоторой степени язык богослужений. К пассивным относятся речевые ситуации, связанные с созданием летописи при княжеском

<sup>1</sup> В общетеоретическом плане это традиционно дискуссионный вопрос о возможности воссоздания в одной картине истории языка как по памятникам письменности, так и по диалектным данным.

дворе, писцовых книг, повестей, евангелий, житий; лишь некоторые из этих текстов были предназначены для чтения вслух.

Различны были и носители псковской речи XIV–XVI вв.: князь и его дружины, бояре, духовенство, купцы, посадские люди, ремесленники, крестьяне. Наряду с основным торгом существовали рыбный торг и торг немецких купцов из Запсковья. Велика была и роль кончанских организаций – объединений купцов, ремесленников. Все это нельзя не учитывать, изучая историю языка Пскова.

Таким образом, с одной стороны, наивно предполагать, что в средневековом Пскове существовала некая общая единая нормализованная речь, и в полном виде по типам носителей и ситуаций эволюция речи города Пскова не восстановима. С другой стороны, широкое привлечение различных памятников средневекового регионального письма, современных диалектов при обязательном учёте фактов других славянских языков позволяет все же воссоздать основные этапы истории регионального языка.

Для истории диалекта важны все типы текстов. При этом церковнославянские тексты не только неотъемлемая составная часть такой истории, но, более того, без них не может быть воссоздана ни полная картина речевого общения, ни языковая ситуация в таком средневековом городе, каковым являлся, например, Псков.

Среди текстов собственно конфессиональных находим в Пскове и евангелие, и палеи, и паремийники, и ирмологион, и жития. Часть этих текстов прямо предназначалась для чтения вслух во время богослужений, часть представляет собой яркие образы подлинно художественных текстов, восходящих к более ранним восточнославянским и южнославянским образам.

Рассмотрим ниже эволюцию именного склонения в языке Пскова по материалам памятников XIV–XVI вв. Поскольку жанровые различия могут быть не менее значительными, чем территориальные,<sup>2</sup>

<sup>2</sup> Ср., например, замечание И.К.Романовской, сделанное ею в связи с описанием древнерусского именного склонения: "Характерным свойством системы языка новгородских письменных памятников XIV в. является то, что она лишена внутреннего структурного единства, выступая в нескольких разновидностях, определяющихся жанрово-стилистическими особенностями текстов" (Система именного склонения древнерусского языка XIV в. в ее жанрово-стилистической дифференциации (на материале новгородских письменных памятников): Автореф. канд. дис. М., 1966, с.4).

а оба вида этих различий меняются в зависимости от времени, ниже особенности древнепсковского склонения описываются отдельно для XIV в. по жанрам летописному и конфессиональному, для XV в. — по жанрам летописному, конфессиональному и деловому, для XVI в. — по жанрам летописному, конфессиональному и повествовательному.

При выделении этих особенностей прежде всего устанавливается определенная "точка отсчета": в качестве "исходной" принимается парадигма, восстанавливаемая для периода первых памятников восточнославянской письменности. В настоящее время при этом учитывается: а) общеславянское (и даже общеиндоевропейское) состояние именного склонения,<sup>3</sup> б) показания древнейших восточнославянских памятников,<sup>4</sup> в) состояние именных парадигм в старославянском языке в сравнении с древнерусским,<sup>5</sup> г) определенные, хотя пока и очень скромные, сведения о ранних диалектных отличиях в древнерусском языке.<sup>6</sup>

Кроме того, обращается внимание на то, что, описывая именное склонение в отдельных псковских памятниках письменности, все исследователи обычно сравнивают его с именным склонением, отразившимся в памятниках письменности других областей. Так, И.Х.Тот соответствующий псковский материал

<sup>3</sup> Кузинцов П.С. 1) Очерки по морфологии восточнославянского языка. М., 1961. 2) Очерки по исторической морфологии русского языка. М., 1959.

<sup>4</sup> Результаты новейших исследований в этой области отражены, например, в канд. дис.: Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.

<sup>5</sup> Результаты новейших исследований в этой области отражены, например, в канд. дис.: Мирочкин Ф.И. Формы словоизменения имен существительных в древнерусской письменности XI в. (машинопись). Ташкент, 1973.

<sup>6</sup> Наиболее полное обобщение этих данных в настоящее время принадлежит Ф.П.Филину. См.: Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; наиболее последовательный учет этих данных при построении "исходной" парадигмы древнерусского языка представлен, очевидно, в канд.: Горшкова К.В., Хабурга Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1980.

XVI в. сопоставляет о данными "Домостроя",<sup>7</sup> Х.Харальдссон именное склонение в деловых псковских документах XIV–XV вв. представляет на фоне именного склонения Северо-Запада XIV–XV вв. в целом.<sup>8</sup> Богатый материал для такого сравнения дают монографии "Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв."<sup>9</sup> и "Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв.",<sup>10</sup> где именное склонение отдельных псковских памятников представлено на широком славянском фоне. Однако при этом исследователи редко обращаются к сравнению древнего материала о данными современных псковских говоров. В литературе по этому поводу имеются лишь отдельные замечания частного характера. Чаще всего их делают исследователи современных говоров, а не древних псковских памятников.<sup>11</sup>

Наконец, принимается в расчет, что по отношению к XI–XIII вв., а иногда и по отношению к более позднему времени исследователи нередко представляют единую новгородско-псковскую парадигму, учитывая тесные контакты древнего Новгорода и Пскова, не имея для XI–XIII вв. собственно псковского материала.

---

<sup>7</sup> Тот И.Х. 1) К истории склонения существительных о бывшей основой на согласный и на долгий й (на материале Псковских летописей). – В кн.: Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории. Вып. I. Горский, 1975, с. 40–48; 2) К истории языка русской литературы XVI в. – В кн.: *Studia Slavica*. XIV. Budapest, 1968, с. 193–203, и др.

<sup>8</sup> Харальдссон Х. Система склонения имен существительных в русской деловой письменности Северо-Запада в XIV–XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1971, о.16.

<sup>9</sup> Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв.: Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности. Л., 1974, с. 236.

<sup>10</sup> Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв.: Лингвостатистический анализ. Л., 1977, о.223.

<sup>11</sup> См., например: Царева Л.И. Говоры юго-западной части Псковской области: Автореф. канд. дис. Л., 1954. – Автор утверждает, что "современные псковские юго-западные говоры имеют много общего с древнепсковским диалектом, известным с XIII–XIV вв." (с.16); Каринский Н.М. Исследования языка псковского Шестоднева. – Журнал мин. нар. просвещения, Нов. серия, 1916, февраль. Ч. XI, с.199–258. – Он указывает на сохранение некоторых древних особенностей в современных ему говорах Мдн, и т.п.

Общая новгородско-псковская парадигма XI–XIII вв. в целом (без учета жанрово-стилистических и временных различий) в сравнении с "исходной", по мнению исследователей,<sup>12</sup> характеризовалась следующими особенностями:

Ед.ч. м.р. В И.п. формы типа господине, Иване, Садке – Ф.П. Филин квалифицирует их как специфически северо-западные начиная по крайней мере с XII в.<sup>13</sup>; в Д.п. формы: на -ови у существительных, указывающих на лицо, вне зависимости от былой принадлежности к основам на \*-й- – по мнению Ф.П. Филина, эта флексия редка на севере, с XIV в. в этой области она становится не показателем грамматической категории, а стилистической приметой,<sup>14</sup> в М.п. с XIII в., очевидно, возможны на столъ и на отоли (то же и в ор.р.), а кроме того, и при попъ – при попу.

Ед.ч. ж.р. У существительных типа жена синкетическая форма Р.-Д.-М. падежей женъ, которая в конце обозначенного периода начинает сменяться синкетической формой жены; в Р.п. слов типа земля флексии – ь и -и; с XIII в. устанавливаются новые отношения форм И.п. и всех косвенных падежей существительных типа мати: мат' – матер'; матер' – матер', мат' – мат'.

Мн.ч. всех родов. В И.п. флексия -ове у названий лиц, формы на -ы у слов типа крестьянин, на -а у слов типа село; начиная с XIII в. распространение унифицированной флексии в Д., Т., М. падежах.

Для Северо-Запада, очевидно, была характерной сравнительно ранняя утрата звательной формы (XIII в.), двойственного числа (XIII в.), чередований типа к/ц в основе существительных (XII в.), с XIII в. – формирование категории одушевленности.<sup>15</sup>

<sup>12</sup> Определенная сводка мнений исследователей по поводу особенностей этой парадигмы дана в кн.: Крепких Т.А. История диалектных различий в русском именном склонении. М., 1979; учитываясь также данные кн.: Филин Ф.П. Указ. соч., с.367–404.

<sup>13</sup> Филин Ф.П. Там же, с.384–390.

<sup>14</sup> Там же, с.366–376.

<sup>15</sup> Не перечислены некоторые частные особенности, например, склонение слов о суффиксом -к- по двум типам, основа на -ц у названий ягод и т.д.

Таким образом, выделяя те особенности именной парадигмы псковских памятников письменности XIV-XVI вв., которые будут описаны ниже, авторы статьи руководствовались сопоставлением именной парадигмы того или другого псковского памятника 1) о древнерусской именной парадигмой, 2) с псковско-новгородской именной парадигмой XI-XIII вв., охарактеризованной выше, 3) о именными парадигмами различных памятников древнерусской письменности, аналогичных исследуемым в жанровом и временном отношении.

Хотя авторы статьи не имели никакого намерения предварительно давать какую бы то ни было общую лингвистическую характеристику выделенных особенностей, однако естественно, что при определении их они не могли избежать некоторого "давления" со стороны 1) именной парадигмы современного русского литературного языка, 2) именной парадигмы современных псковских говоров — части западных среднерусских говоров. Последней, по данным исследователей,<sup>16</sup> свойственны следующие черты: Ед.ч. м.р. В Р. и М. падежах в части псковских говоров шире, чем в литературном языке, распространена флексия -у (встречается у слов о неподвижном ударением, у многосложных слов); В.п. у неодушевленных существительных может быть равным Р.п. (нашел боровика, съел гриба, блина и пр.).

Ед.ч. ж.р. В Р.п. у слов типа вода на -е (около воде, с той стороны) при Д. и М. падежах на -и (на горы, на стороны, к сестры) происходит как бы закрепление флексий мягкого варианта основ на \*-а, но в ряде мест наблюдается синкетическая форма Р.-Д.-М. падежей на -е; Т.п. типа женой, грязой, около Опочки — грязью; наблюдается частичное разрушение 3-го типа склонения (бывших основ на \*-и): И.п. — изня, М.п. — в грязе и пр., формы такого типа наблюдаются и в бывших основах на \*-огъ и \*-и: к матере (при частотном И.п. — матерь).

<sup>16</sup> См., например: Образование северорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 410-414, 445-451; Царева Л.И. Указ. соч., с. 17; Дурново Н. Очерки истории русского языка. М.; Л., 1924; Соколов Н. Говоры Псковской губернии. — Труды Московской диалектологической комиссии, 1919, с. 1-12; Русская диалектология /Под ред. Н.А.Мещерского. М., 1972, с. 46, и др.

Ед.ч. ср.р. Наблюдается частичная утрата ср.р. (ср. Формы типа хорошая дела, на возеру, полную морю и др.).

Мн.ч. всех родов. И.п. – его Формы в говорах Пскова очень разнообразны. С одной стороны, сохраняется противопоставление форм м.-ж. и ср. родов, ибо в м.р. много форм на -и (роги, глазы), с другой стороны, в м.р. под ударением очень часто -а, которое есть и в ж.р. (лошадя, степя, вода, пустоша), в ср. же роде могут встретиться формы на -и; форм на -и много в районах, близких к Белоруссии: употребляются также формы на -е (гвоздье, клинье) и на -я (березья, жердья); в Р.п. широко распространена Флексия -ов/-ев у существительных всех родов (делов, рублев, тапков, свальбов, деревнев, конфетов, кольев), нулевая Флексия традиционно фиксируется у слов зуб и рог; отмечается совпадение форм Д. и Т.п. (с ногам, за грибам).

## 2

### I. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских летописных текстах (далее – ПЛ) XIV в.<sup>17</sup>

Ед.ч. м.р. В И.п. отмечены формы типа Иване, их в ПЛ значительно больше, чем в летописных текстах других регионов, исключая Новгород, где эти формы встречаются в 4 раза чаще. В Р. и М. падежах в сравнении с другими летописями много форм на -у у существительных, не принадлежавших первоначально к основам на \*-й. В Д.п. Формы на -ови не имеют широкого распространения, в М.п. не отмечается значительного количества форм типа столи (несколько больше их в ср.р.).

Ед.ч. ж.р. ПЛ не свидетельствует о существовании конкретной формы Р.-Д.-М. п. у слов типа жена. В Р.п. частотна старая Флексия старославянского языка, восходящая к древнему А, ни в каких других случаях преобладания старославянских форм не отмечено (например, в ПЛ редка форма И.п. типа богини). В ПЛ XIV в. отражен распад бывших основ на \*-и, а в связи с этим

<sup>17</sup> Они выявлены на основе фактического материала II Псковской летописи (П о к о в с к а я 2-я летопись по Синодальному списку XV в. – В кн.: Псковские летописи /Изд. А. Наумов. Вып. 2. М., 1955. – Исследовано описание событий до XV в.) и данных "Именного склонения в славянских языках XI–XIV вв." (см. сно-ску 9).

установление форм И.п. на -ь (църкъвь), Р.п. и М.п. - на -и (църкъви).

Ед.ч. ср.р. В ПЛ XIV в. существительные бывших основ на \*-согл. в Р.п. обычно имеют флексию -и/-и, в Д.п. - -у/-ю.

Мн.ч. всех родов. В И.п. флексия -ы/-и широко распространена в словах м. и ж.р., однако в ср.р. она не фиксируется. В м.р. кроме этого у слов бывших \*-о/-jo, \*-ы и \*-согл. основ может использоваться флексия -ове, однако в сравнении с новгородской летописью (далее - НЛ) в ПЛ не отличается частотностью. Ф.П.Филин полагает,<sup>18</sup> что -ове вообще на севере было распространено значительно меньше, чем на юге и западе, с XV в. ее употребление постепенно прекращается. Флексия -е, известная также только у слов м.р., оказывается частотной только у существительных бывших основ на \*-согл. Очень редко в И.п. бывших основ на \*-а/-я фиксируется флексия -а/-я, очевидно, соответствующая старославянским формам типа земля.

Р.п. в ПЛ чаще всего имеет форму на -ь/-ы. Однако слова м.р. бывших основ на \*-ы и -и сохраняют старые флексии, которые проникают во все типы склонения, даже в основе на \*-я и \*-jo ср.р. В м.р. при этом в ПЛ форм на -ов/-ев несколько меньше, чем в НЛ, форм на -си, напротив, - значительно больше. В бывших основах на \*-согл. прочно закрепилась флексия -еи.

Единой формы Д., Т., М. падежей в ПЛ XIV в. не существовало, но в Т.п. м.р. основ на \*-о/-jo зафиксированы новые формы -ами и -ыми, в М.п. - формы -ох (в очень небольшом количестве).

По материалам ПЛ нет возможности судить о ранней утрате в языке Пскова Зв. формы, можно только фиксировать известную ограниченность ее лексической наполненности. Отмечено также более широкое, чем в НЛ, использование форм И.п. в значении Зв.

Формы дв.ч. в тексте ПЛ XIV в. в целом, если не принимать в расчет смешения типов склонения, употребляются правильно.

Категория одушевленности, несомненно, развита только в ед.ч., во мн.ч. полностью - только у существительных м.р. основ на \*-о/-jo, обозначавших лиц.

<sup>18</sup> Филин Ф.П. Указ. соч., с.390-395.

## II. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских конфессиональных текстах XIV в.<sup>19</sup>

По мнению Н.М.Каринского, все псковские тексты этого жанра по отражению в них южнославянских элементов делятся на две группы: 1) рукописи, содержащие южнославянские элементы, проникшие в домонгольский период; 2) рукописи, содержащие южнославянские элементы, проникшие в послемонгольский период. Рукописи XIV в. он относил к первой группе и считал, что они содержат много общих языковых черт с подобными памятниками других северных регионов, однако имеют и свои особенности. "Псковский говор в XIV в. резко отличался от всех известных нам русских говоров", — писал А.И.Соболевский,<sup>20</sup> Н.М.Каринский также полагал, что многие важные псковские языковые черты образовались уже к концу XIV в.<sup>21</sup> В области именно формообразования к ним, по мнению этих исследователей, можно отнести: хорошее сохранение Зв.Ф. (невѣсто, творце, храме, снѣ мои) — Н.М.Каринский объясняет это влиянием белорусского языка; В.п.ед.ч. типа обрете роса — важно, что Н.М.Каринский фиксирует их в тексте, не имеющем, по его мнению, болгаризмов; чередование новых и старых форм в Д., Т., М. падежах мн.ч. (в пѣницахъ но дѣлѣ злѣми); закрепление в И.п. мн.ч. форм типа звѣри, чади, редкие формы типа путе, бугра; формы типа тысячъма, свидетельствующие об известном сохранении форм дв.ч. при смешении типов склонения или о формировании категории числительного.

## III. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских летописных текстах XV в.<sup>22</sup>

Ед.ч.м.р. В И.п. обычны формы на -е (Ваоилie, морозe, го-

<sup>19</sup> Они выявлены на основе описания морфологических особенностей псковских апостолов, параклитик, поалтырей, евангелий и т.п. А.И.Соболевским и Н.М.Каринским. См.: Соболевский А.И. Очерки по истории русского языка.Ч. I. Киев, 1884; Каринский Н.М. Указ.соч.

<sup>20</sup> Соболевский А.И. Указ.соч., с.155.

<sup>21</sup> Каринский Н.М. Указ.соч.

<sup>22</sup> Они выявлены на основе фактического материала II Псковской летописи — Псковские летописи. Вып.2 М., 1955; "Именного склонения в славянских языках XV—XVI вв." (см.сноска 10); материалов в кн.: Каринский Н.М. Язык Пскова и его области XV в. СПб., 1909; данных сводки Т.А.Крепких (см.сноска 12).

роде). Для Р.п. характерно большое многообразие форм (-а/-я, -у/-ю, -ы/-и, -е), которые отражают распад прежней системы склонения. При этом особой продуктивностью отличаются только две флексии: -а/-я и -у/-ю. В Д.п. отмечена лишь флексия -у/-ю, в М. – при обычном -ѣ и еще довольно частотном -и в мягком варианте существительных всех прежних типов склонения в ПЛ обнаруживается значительное количество форм типа городи и форм на -у/-ю.

Ед.ч. ж.р. По отношению к языку ПЛ этого времени, очевидно, есть возможность говорить о наличии синкретичной формы Р.-Д.-М. падежей у слов типа жена. Она представлена формой -ѣ/-ѣ, поскольку в Д.п. формы на -ы/-и встречаются очень редко. Однако синкретичная форма выдерживается не всегда хотя бы потому, что в летописи этого периода в Р.п. по-прежнему много старославянских форм на -а/-ѧ. Отдельные факты свидетельствуют о начинаящемся распаде бывших основ на \*-и: зафиксированы Р. и М. падежи типа грязе, В.п. – типа грязю.

Ед.ч. ср.р. В М.п. обычна в этом случае флексия -ы/-и. Изредка такая флексия встречается и в Р.п. (чаще всего у слов бывших основ на \*-согл.).

Мн.ч. всех родов. И.п. в словах м.р. и ж.р. обычно оканчивается на -ы/-и. У слов ж.р. эту норму нарушают только единичные формы типа матере, у слов м.р. также единичные -е и старославянское -а/-ѧ (влияние формы В.п.) и более частотное -ове, возможное в ПЛ этого времени не только у названий лиц (ср. овошеве). Слова ср.р. флексию -ы/-и (сель, чудесы) могут иметь только в В.п. (приблизительно в 1/3 всех возможных случаев).

Р.п. у всех существительных обычно имеет нулевое окончание, однако в м.р. почти в половине всех возможных случаев наличествуют новые флексии: -ов/-ев и -ей/-ии (последняя употребляется в 2 раза реже первой).

Соотношение старых и новых форм Д., Т., М. падежей в целом складывается в пользу старых форм. Особенно много старых форм в Д.п. Т.п. отличается большим многообразием форм: кроме старой флексии -ы/-и и новой -ами/-амы встречается еще -еми и -ыми. Это объясняется как объединением разных типов склонения,

так и неустойчивостью двух основных форм. Изредка формы на -и/-и встречаются и в Т.п. слов ж.р. основ на \*-а (тип с жены).

По данным ПЛ XV в. Зв.Ф. находится в процессе разрушения. Частотной она оказывается практически только для одного слова (господо).

Формы дв.ч. уже не являются живыми. Разрушается чередование типа к/ц в основах существительных.

Категория одушевленности не охватывает еще слова ж.р. во мн.ч.

#### IV. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских конфессиональных памятниках XV в.<sup>23</sup>

Н.М.Каринский описал морфологию многих конфессиональных текстов XV в. (палеи 1477 г., палеи 1494 г., текстов, входящих в об. Синодальной библиотеки № 152, и т.д.). По его мнению, во-первых, в языке Пскова XV в. вообще, а в языке конфессиональных произведений в частности, много общего с языком XIV в., однако есть в нем и новые элементы. Они представляют собой или действительно новые явления, или такие явления, которые только кажутся новыми в силу большого жанрового разнообразия псковской письменности XV в. Во-вторых, он замечает, что новые явления очень своеобразно распределяются по жанрам: они есть везде, но количество их неодинаково, при этом новых явлений совершенно необязательно больше в деловых текстах. Н.М.Каринский пишет: "Псковские диалектические черты далеко не всегда выступают ярче в русских статьях, чем в церковнославянских".<sup>24</sup> В связи с этим он, очевидно, и посчитал возможным дать общую сводку морфологических особенностей языка Пскова XV в.

Учитывая это, назовем те морфологические особенности, которые Н.М.Каринский отмечает, анализируя собственно конфессиональные тексты.

Ед.ч. м.р. Формы на -е в И.п. редки. Частотны формы, во-ходящие к основам на \*-й: -у/-ю в Р.-М., -ови в Д. падежах.

<sup>23</sup> Они выявлены на основе жн.: Каринский Н.М. Язык Пскова...

<sup>24</sup> Там же, с.97.

Ед.ч. ж.р. Р.п. у слов типа дена обычно оканчивается на -е, а Д.-М. падежи на -ы/-и. Изредка встречается В.п. на -а.

Мн.ч. всех родов. При обычной форме И.п. у слов м. и ж.р. типа рабы в м.р. встречается флексия -ове и -е (в бывших основах на \*-согл.). В ср.р. -ы обычно в В.п. (чудесы). В Д., Т., М. падежах есть старые и новые формы, в Р.п. частотно -ов.

Формы Зв.п. лексически ограничены (возможно, что только господо).

Чередование типа и/ы в основах существительных отсутствует.

V. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских деловых текстах XV в.<sup>25</sup>

Ед.ч. м.р. В И.п. формы на -е никем из исследователей, кроме Н.М.Каринского, не отмечается. В Р.п. флексия -у/-ю в среднем употребляется в 8 раз реже, чем ставшая нормой для большинства существительных м.р. флексия -а/-я. Однако в сравнении с деловыми текстами других регионов -у/-ю в Пскове довольно частотно, особенно у отвлеченных и вещественных существительных. В Д.п. -ови очень редко. Единичное -и в Д.п. и -у/-ю в В.п. у различных слов м.р., очевидно, можно рассматривать как проявление начавшегося взаимодействия основ на \*-о, включавших в себя \*-и, \*-й и \*-согл., и основ на \*-а. В М.п. -у/-ю малочастотно, поэтому, видимо, возможность наличия у слов м.р. синкретичной формы на -у/-ю Р.-Д.М. падежей, о чем говорит Х.Харальдссон (он признает наличие этой формы у определенной группы существительных бывших основ на \*-о и

25 Они выявлены на основе материала различных псковских грамот (по изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., Псковская судная грамота. СПб., 1914) и данных исследования Н.М.Каринского (см. сноска 22), "Именного склонения в славянских языках XV-XVI вв." (см. сноска 10), Х.Харальдсона (см. сноска 8), В.И.Собинниковой (см. ее статью "Склонение существительных в Псковской судной грамоте". - Труды Воронеж.ун-та, 1948, т. XVI, вып. I, с.19-21), А.С.Герда, Л.В.Капорулиной, В.В. Колесова (см. их статью "Лингвостатистическое описание русского именного склонения по памятникам деловой письменности XV в." в кн.: Структурная и прикладная лингвистика. Вып. I. Л., 1978, с.110-138).

\*-й, исключая сынь<sup>26</sup>), слабо реализуется. Следует также отметить господство в этом падеже флексий твердого варианта \*-о-основ - -е/ѣ.

Ед.ч. ж.р. Формы Р.-Д.-М. падежей у слов типа жена могут быть едиными, но может и наличествовать противопоставление Р. и Д.-М. падежей. Синкремичная форма при этом может быть двух видов: -е/-ѣ и -и, ибо, о одной стороне, Р.п. на -е/-ѣ не частотен, о другой - редки формы на -и/-и в Д.-М. падежах. В В.п. сравнительно частотны формы на -а/-я, что объединяет псковские деловые тексты с новгородскими. Основы на \*-і хорошо выдержаны.

Ед.ч. ср.р. В Р.п. в небольшом количестве наличествует флексия -и/-и, в основном у слов, относившихся раньше к основам на \*-согл. Форм на -у/-ю нет ни в Р., ни в М. падежах. В М.п. сравнительно частотна флексия -и/-и.

Мн.ч. всех родов. В И.п. наличествует явное противопоставление ср.р. - неср.р., форм на -а и форм на -и/-и. Формы типа двора и лѣты хотя и возможны, но очень редки. В м.р. иногда встречаются формы типа послове, но формы на -ѣ/-е довольно частотны как в м., так и в ж.р.: купцѣ, коне, пожѣ, грамотѣ. Источники этой флексии разнообразны: пожѣ можно считать сохранением старой обычной формы существительных \*-ja-основ, коне возможно под влиянием В.п., грамотѣ - под влиянием мягкого варианта склонения, определенное количество этих форм принадлежит бывшим основам на \*-согл. и \*-й, т.е. являются архаизмами. В Р.п. м.р. нормой являются новые флексии, особенно флексия -ов/-ев. Х.Харальдссон даже полагает, что старая  $\emptyset$  флексия в этом случае становится возможной только в количественно-именном сочетании. В В.п. слов ж.р. основ на \*-а старая флексия мягкого варианта -ѣ в целом употребляется в 10-12 раз реже, чем флексия -и/-и, иногда эта флексия встречается и у слов ср.р. В Д., Т., М. падежах новых форм сравнительно мало, особенно у слов м.р. бывших \*-і, единичны формы типа головникох.

<sup>26</sup> Харальдссон Х. Указ.соч.

Становление категории одушевленности не закончено, ибо во мн.ч. слов ж.р. преобладают старые формы.

Из всех трех флексий, которые в работах сравнительного типа отмечаются для псковских грамот, но не отмечаются для грамот других регионов, заслуживает внимания только флексия -ѣ/-ꙗ для В.п. мн.ч. м.р., хотя она и низкочастотна.<sup>27</sup> Если ориентироваться не на сам набор флексий, а на их особенности и частоту употребления, то в одних случаях псковские деловые тексты противопоставляются в известном отношении деловым текстам других регионов, в других они объединяются, например, о двинскими, но противопоставляются московским и западнорусским, в третьих окажутся идентичными по своим показателям и о западнорусскими, но непохожими на московские и двинские вместе взятые. В целом же в отношении именных флексий псковские грамоты XV в. оказываются все же ближе к северным грамотам, чем к западным.

#### VI. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских летописных текстах XVI в.<sup>28</sup>

Ед.ч. м.р. В И.п. есть формы на -е, И.Х. Тот считает даже, что в ПЛ они употреблены довольно часто. Частотны и формы на -ы/-и (они известны и в ПЛ XV в.), однако следует подчеркнуть, что формы типа камы уже не употребляются. В Р.п. частота флексии -у/-ю значительно ниже, чем, например, в Московской летописи того же времени. В этом падеже сохраняется флексия -и/-ы и -е, хотя последняя встречается редко и только у слов типа камень. В Д.п. нет -ови/-эви. В М.п. частота флексии -у/-ю в ПЛ в сравнении, например, с Московской, относительно невелика, флексия -и/-ы (типа городи) еще сохраняет значительную частотность, хотя ведущей, несомненно, является флексия -ѣ/-ꙗ.

<sup>27</sup> Остальные флексии в грамотах других регионов не отмечены, вероятно, только в силу малой частотности самих словоформ. Например, собственно псковской оказывается флексия -ѣ в И.п. ед.ч. слов ж.р. бывших основ на \*-согл.

<sup>28</sup> Они выявлены на основе материала II и III Псковских летописей (П ск о в о к и е летописи, Вып. 2. М., 1955) и данных исследования И.Х. Тота (см. оно скзу 7) и "Именного склонения в славянских языках..." (см. оно скзу 10).

Ед.ч. ж.р. В Р.-Д.-М. падежах по-прежнему не исключается возможность наличия синкетической формы, поскольку в Р.п. форм на -ѣ/-е в ПЛ все же значительно больше, чем, например, в Московской, в Д.п. есть формы на -ы/-и (их нет, например, в Московской летописи), в М.п. это же -ы/-и в ПЛ значительно частотнее, чем в Московской. Однако следует подчеркнуть, что в М.п. формы -ѣ/-е и -ы/-и почти одинаково частотны. Основы на \*-ї хорошо выдержаны, если не считать флексий -е в Р. и М. падежах у слов бывших основ на \*-согл. и \*-ї. Эти последние существительные могут иметь флексию -и в И.п. (мати, льши). Обращает на себя внимание сравнительная частотность в Р.п. старославянской по происхождению флексии -ѧ/-ѧ в словах типа земля (в Московской летописи этого не наблюдается).

Ед.ч. ср.р. В Р.п. иногда встречается флексия -ы/-и, в основном в словах типа время. В М.п. эта флексия обладает значительной частотностью, поскольку оказываются возможными не только формы типа чудеси (И.Х.Тот отмечает и чудесе), но и типа сели, поли. Для Московской летописи это нехарактерно, также как и флексия -у/-ю, впрочем, редкая и в ПЛ.

Мн.ч. всех родов. В И.п. четко выражено противопоставление форм ср. (флексия -а/-я) – неср. (флексия -ы/-и) родов. Многообразие флексий характерно только для слов м.р. (наряду о -ы/-и встречаются флексии -е/-ѣ, -ове, -ови). Следует отметить чрезвычайную редкость или даже полное отсутствие форм на -а/-я в м.р., что в значительной мере отличает псковский летописный текст от московского. В Р.п. в словах м.р. флексии -ов/-ев почти так же частотны, как и  $\emptyset$  флексия. Реже в этом случае встречается -еи, однако эту флексию можно считать общей для всех трех родов (правда, частотность ее в ср.р. и в словах ж.р. типа земля невелика). Следует отметить, что эта флексия прочно укрепилась в бывших основах на \*-согл. (И.Х.Тот отмечает старую форму этих основ только для слова день). Формы на -ам, -ами, -ах в ПЛ значительно больше, чем в Московской, старые формы лучше сохраняются в Т.п. Флексия -ам/-ым встретилась в словах бывшей \*-ї-основы. В основах на \*-согл. прочно сохраняются старые формы.

Категория одушевленности по-прежнему не развивается во мн.ч. у слов ж.р., особенно у слов бывших \*-й, \*-согл. и \*-й-основ.

## VII. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских конфессиональных текстах XVI в.<sup>29</sup>

Ед.ч. м.р. В И.п. не отмечена флексия -е. В Р.п. встречается флексия -у/-ю (оть мразу), -и/-я прочно закрепилась в бывших основах на \*-й (нет огня). В Д.п. широко распространена флексия -ови (духови, бракови, Памфилови). В М.п. отч.гли-  
вее выражено влияние твердого варианта склонения на мягкий (формы типа о князе). Флексия -у в этом падеже не отмечена. В бывших основах на \*-согл. обычна флексия -и (о пламени).

Ед.ч. ж.р. В И.п. встречаются формы на -и/-и в словах типа рабини. В Р.-Д.-М. падежах слов типа жена возможна синкре-  
тическая форма на -и (славы) и на -ю/-е (силы), последняя встре-  
чается чаще. У слов типа земля флексия -и прочно держится в  
Д.-М. падежах (земли, души, однако троицъ как пастъвъ). В В.п.  
бывших \*-й-основ форма колеблется: есть и цркви, и любвъ.

Ед.ч. ср.р. В Р.п. возможна флексия -у (от лицу). В М.п.  
часть формы типа в сердли, -и сохраняется в словах бывших ос-  
нов на \*-согл. (на небеси).

Мн.ч. всех родов. В И.п. слов м.р. прочно держится старая  
флексия \*-о-основ: вълни, крузи, разбойницы. У названий лиц  
изредка встречается флексия -ове (врачеве). В Р.п. очень ча-  
стотна старая флексия (-ъ/-ъ >  $\emptyset$ ) \*-о-основ. В В.п. много ста-  
рославянских по происхождению формы на -А (обыча А, мона-  
стыра А). В Д., Т., М. падежах господствуют старые формы (отро-  
комъ, вѣкомъ; зубы, платы; трудѣхъ и др.). Наблюдается смеше-  
ние мягкого и твердого варианта (конехъ).

В этих текстах много правильных форм Зв.п., особенно в  
бывших основах на \*-о.

<sup>29</sup> Они выявлены по материалу Хития Ефросина (изд.: Се-  
ре б р и н о к и й Н. Хитие преподобного Ефросина Псково-  
го. СПб., 1909) и исследования А.С. Герда и М.П. Русковой "Из  
славянского именного склонения XV-XVI веков" (В кн.: Граммати-  
ческие классы слов русского языка. Тамбов, 1976, с.81-91).

Много правильных форм дв.ч. (от руку, очима, руцъ, ушима).

Текст отражает хорошее сохранение старых чередований заднеязычных в основах существительных (дусъ, бозъ и др.).

Категория одушевленности в этом тексте развита полностью только в ед.ч. (царя, агнена).

УШ. Особенности именного склонения, отразившиеся в покровских <sup>30</sup> повествовательных текстах XVI в.

Ед.ч. м.р. В И.п. есть формы на -е (Александре), но их мало. В Р.п. сравнительно много форм на -у/-ю (торгу, перцу, от треску, по веку, в Торжу, на бору и др.). Они встречаются в любых условиях, особенно часто у отглагольных существительных (выходу, приступу, приказу). В Д.п. нет флексии -ови (в "Повести о начале Печерского монастыря" один раз отмечено господеви). Флексия -и/-и в этом падеже встречается редко. В М.п., как и в Р., также частотна флексия -у/-ю. Обычно она налицаствует при предлогах в и на у односложных существительных (в рову, на чаоу). В этом падеже обнаруживается по текоту повестей результат влияния мягкого варианта на твердый вариант склонения (в Полоцки, на рубежи, в ларцы), однако флексия -и/-и не обладает частотностью и в целом следует говорить о возобладании флексий твердого варианта.

Ед.ч. ж.р. В Р.-Д.-М. падежах бывших \*-а-основ в языке повестей возможна синкетическая форма на -ы/-и, ибо в Р.п. окончание -ы/-и употребляется редко (от отраны, от реки, окреот пещеры, из бални), а в Д.-М. падежах, напротив, полного вытеснения флексий мягкого варианта твердым (-и/-ы флексией -ы/-е) не фиксируется, наряду с к вѣрѣ, въ землѣ, к богородицѣ отмечены и на земли, по бални и др. Особенно много таких форм в Д.п. И.Х. Тот полагает, что именно в псковских говорах синкетизм такого типа был широко распространен не только в том случае,

30 Они выявлены на основе материала "Повести о Стефане Батории" (изд. "Повесть о прихожении Стефана Батория на Град Покров. М.; Л., 1952) и "Повести о начале Печерского монастыря" (изд.: Се ри я б р я к о в и й Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Покровской земле. - Чтения ОИДР, кн. IV. М., 1908), а также исследований И.Х. Тота (см. сноска 7) и "Именного склонения в славянских языках XV-XVI вв." (см. сноска 10).

Когда основа оканчивалась на ц, х, щ (это общерусское явление), но и при других основах. Заметим только, что в "Повести о начале Печерского монастыря" он проявляется значительно слабее, чем в "Повести о Стефане Батории". Следует отметить также выдержанность форм бывших \*-и-основ, но возможность колебания форм у существительных типа църкви (Р.п. - -е или -и, М.п. - -е или -и и др.). Изредка встречается старая форма И.п. типа любы (кстати, формы типа богыни отсутствуют). Старославянское влияние обнаруживается в довольно значительном количестве форм Р.п. типа земля (старославянское землѧ).

Ед.ч. ср.р. В М.п. почти одинаково возможными оказываются и флексия -б/-е, и флексия -и/-и. Это связано не только с сравнительно частым употреблением форм типа на озери (частотным в сравнении с на столи), но и с довольно частотным употреблением форм типа о времени. В связи с последним отмечается некоторое количество форм на -и в Р.п. Формы на -у/-ю в Р. и М. падежах очень редки. "Наращение" в бывших основах на \*-согл. сохраняется далеко не всегда. Отсюда в текстах параллельные формы типа телеи и телу, например, в Д.п.

Мн.ч. всех родов. В И.п. отмечено четкое противопоставление форм м. и ж.р. (-у/-и) и форм ср.р. (-а/-я). В ср.р. флексия -и/-и изредка встречается только в В.п. В м.р. наряду с -и/-и частотным оказывается еще флексия -е/-б в случаях типа агаряне, мужие, угрюве и под. В Р.п. В Р.п. наличествует противопоставление форм м.р., с одной стороны, ж. и ср. - с другой. В м.р. обычны флексии -ов/-ев и -ей (менее частотное), в ж.р. и ср. - ∅ флексия. В м.р. эта флексия встречается в сочетаниях типа пять месяцъ, в предложных конструкциях - от латинъ, ради грбжъ, мирянъ и пр. В Д., Т., М. падежах преобладают старые формы, однако новые формы не единичны (по селам, по лесамъ, лучами, столбахъ и пр.). Прочно держатся формы типа детьми, пбснъми, зверьми. Однако очень многие формы Д., Т., М. падежей повествовательных текстов свидетельствуют о том, что в живой псковской речи того времени шел активный процесс оттеснения старых форм новыми, ср. формы, нередкие даже в "Повести о Печерском монастыре": с иконы, в повѣстѣхъ, коньми.

В повестях встречается много правильных форм Зв.п.: вла-дыко, книже и пр. Есть в их тексте также правильно образо-

ванные и употребленные формы дв.ч.: нозъ, ногама, простираху руцъ и пр. Часто встречаются в повестях формы с сохранением чередований заднеязычных: по бозъ, во въцъ, о грѣбъх, на воздуѣбъ и пр. Категория одушевленности во мн.ч. ж.р. не развита. Старые формы типа на врагы, устроил попы встречаются и в м.р.

Очевидно, что многие из форм, встречающиеся и в повестях, и представленные выше, не являлись формами живой псковской речи XVI в. Многие исследователи говорят о том, что псковские повести написаны книжным языком, что можно говорить об искусственности их языкового оформления. Искусственность эту И.Х. Тот сравнивает, например, с искусственностью языка "Домостроя". Характеризуя язык "Повести о Стефане Батории", он пишет: "Диалектные особенности, обнаруженные в более ранних памятниках псковской старины, представлены повестью в незначительной степени. На этом основании мы предполагаем, что во второй половине XVI в. в Пскове употребляется такой книжный литературный язык, который впитал в себя общерусские элементы живой речи. Диалекты вытеснены из него".<sup>31</sup> Мнение венгерского исследователя в целом предстает вполне оправданным, однако заметим, что сравнение приведенных выше данных о некоторой сводкой морфологических явлений, возникновение которых в период XIV-XVI вв. связано с территориальным варьированием,<sup>32</sup> позволяет констатировать следующее: из всех тех особенностей, которые предполагаются характерными для именного склонения северо-западного региона (Псков - Новгород) того периода, в языке повестей не отразились только формы типа в пустошь, в грязь и типа о рукам, отражающие распад форм дв.ч.

### 3

Представляет интерес сопоставление флексий именных парадигм псковских текстов XIV-XVI вв. различных литературных жанров, прежде всего флексий, относящиеся к наиболее продуктивным в древности типам склонения и восходящим к бывшим основам на ·о, \*-а, \*-и, с флексиями именной парадигмы условно "исход-

<sup>31</sup> Тот И.Х. Указ.соч. (см.сноски 7,2), с.203.

<sup>32</sup> Крепких Т.А. Указ.соч., с.68 и след.

ной" псковско-новгородской системы, данными современных псковских говоров и литературного языка. Результаты такого анализа, т.е. своеобразной ретроспекции и перспективы выделенных флексий, сведены в следующей таблице.

Таблица  
Особенности именных парадигм псковских памятников XIV–XVI вв.  
в сравнительно-историческом освещении

Флексии	Источники сведений											
	П-Н XIVв	Л XIVв	К XIVв	Л XVв	К XVв	Д XVв	Л XVIв	К XVIв	П XVIв	ЛГ II	ЛЯ 12	
<b>I</b>	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Ед.ч.м.р., И. <u>-е</u>	+	+	-	+	P	P	+	-	P	-	-	
" Р. <u>-у</u>	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	
" Р. <u>-и</u>	-	-	-	-	-	-	P	-	-	-	-	
" Д.- <u>ови</u>	+	+	-	-	+	P	-	+	+	-	-	
" М. <u>-у</u>	+	+	-	+	+	P	+	-	+	+	+	
" М. <u>-и</u>	+	P	-	+	-	-	+	-	P	-	-	
Р.-Д.-М. на <u>-б/-е</u> у слов типа <u>жена</u>	+	-	-	+	-	±	±	±	-	±	-	
Р.-Д.-М. на <u>-н/-и</u> у слов типа <u>жена</u>	P	-	-	-	-	±	±	±	+	-	-	
Ед.ч.ж.р., Р.- <u>А/-а</u>	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	-	
" В. <u>-а</u>	-	-	+	-	P	+	-	-	-	-	-	
Формы, отражающие распад <del>к.-</del> <u>1</u> -основ	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	
Ед.ч.ср.р. Р.- <u>и/-и</u>	-	-	-	P	-	P	P	-	P	-	-	
" Р. <u>-у</u>	-	-	-	-	-	-	-	-	P	P	-	
" М. <u>-и</u>	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	-	
" М. <u>-у</u>	-	-	-	-	-	-	-	-	P	-	-	
Мн.ч.м.р. И.- <u>ове</u>	+	P	-	+	+	P	+	+	P	-	-	
" И.- <u>б/-е</u>	-	-	-	-	-	+	P	-	-	-	-	
" И.- <u>н/-и</u>	-	+	-	+	+	+	+	+	P	+	±	
" И.- <u>А/-а</u>	-	P	-	P	-	-	-	-	-	-	-	
" И.- <u>а/-я</u>	-	-	+	-	-	+	-	-	-	±	±	
Мн.ч.м.р. Р.- <u>б/-б</u>	+	+	+	+	+	P	P	+	P	+	P	

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мн.ч.м.р.Р.- <u>ов</u> / <u>ев</u>	-	P	-	±	±	+	±	P	+	+	±
" Р. - <u>ои</u>	-	P	-	P	P	P	±	P	P	P	±
Д., Т., М. - <u>ем</u> - <u>ами</u> - <u>ах</u>	о XIII в.	-	P	P	P	P	P	+	P	+	+
		+	P	P	P	P	P	+	P	+	+
Мн.ч.м.р., В.- <u>б</u> / <u>е</u>	-	-	-	-	-	P	-	-	-	-	-
" В.- <u>А</u> / <u>а</u>	-	-	-	-	-	-	-	P	-	-	-
" Т. - <u>ьми</u>	-	P	-	-	-	-	-	-	-	-	-
" М. - <u>ох</u>	-	P	-	-	-	P	-	-	-	P	-
Мн.ч.ж.р., И.- <u>б</u> / <u>е</u>	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
" И.- <u>А</u> / <u>а</u>	-	P	-	-	-	-	-	-	-	-	-
" Р. - <u>еи</u>	-	P	-	-	-	-	P	-	-	-	P
Д., Т., М. - <u>ам</u> - <u>ами</u> - <u>ах</u> (былие *- <u>У</u> основы)	-	-	-	-	-	-	P	-	P	+	+
Мн.ч.ср.р., И.- <u>ы</u> / <u>и</u>	-	-	-	P	-	P	-	-	-	+	-
" Р. - <u>еи</u>	-	P	-	+	-	-	P	-	-	P	P
Д., Т., М. - <u>ам</u> - <u>ами</u> - <u>ах</u>	-	-	P	P	P	P	P	P	-	P	+
Мн.ч.ср.р., В.- <u>и</u> / <u>и</u>	-	-	-	P	P	P	-	-	P	+	-
Правильные формы зв.п.	с XIIв.	-	+	+	-*	-*	-	-	+	+	-
Правильные формы дв.ч.	о XIIIв.	-	+	+	-*	-	-	-	+	+	-
Чередования типа к/ц в основе слова	о XIIв.	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
Категория одушев- ленности	с XIIв.	±	±	±	±	±	±	±	±	±	+

П р и м е ч а н и е. В таблице приняты следующие условные обозначения: П-Н - данные условно "исходной" псковско-новгородской парадигмы, Л - псковский летописный текст, К - псковские конфессиональные тексты, Д - псковские деловые тексты, П - псковские повествовательные тексты, ПГ - данные современных псковских говоров, ЛИ - данные современного русского литературного языка; + (плюс) - указанная форма наличествует, - (минус) - указанная форма отсутствует ("отсутствие" флексии может объясняться различными причинами, в том числе и недостаточ-

Представляется, что на основе изложенных выше сведений можно сделать следующие замечания о характере тех особенностей псковского именного склонения, которые нашли отражение в памятниках, привлеченных для исследования:

I. Вся совокупность флексий, предстааленная выше и составляющая, по нашему мнению, специфику именного склонения псковских письменных памятников XIV-XVI вв., представляет собой очень своеобразный "набор" флексий старого склонения и флексий развивающейся системы склонения. Этот "набор" не является "набором" специфики псковским, не отражает полностью всего того, что существовало в именном склонении живой псковской речи того периода, однако в то же самое время отражает те основные процессы, которые уже шли или получили развитие в русском именном склонении (например, взаимодействие форм твердого и мягкого вариантов, унификация флексий в различных падежах мн.ч. и т.д.), и дает возможность наблюдать их развитие.

II. "Расположение" описанных выше особенностей в различных памятниках письменности, с одной стороны, свидетельствует о действительном развитии или, наоборот, свертывании того или иного явления, но, с другой стороны, это "расположение" явно обусловлено требованиями сложившейся или складывающейся литературной традиции, личностью создателя (автора или переписчика) и т.п. В этом плане обращает на себя внимание меньшая архаичность конфессиональных текстов XIV в. в сравнении с такими же текстами XVI в., строгое следование определенным принципам отбора языковых форм в повествовательных текстах XVI в. Учитывая постепенность складывания этого принципа, следует также обратить внимание на относительно небольшое количества в псковской письменности старославянских именных обра-

---

ностью материала), Р – названная форма хотя и встречается, но не обладает большой продуктивностью,\* при знаках + и Р означает отсутствие первоначальной специализации формы, при знаке –, наоборот, указывает на наличие лексической ограниченности (специализации) отдельных сохранившихся старых форм, ± названная форма встретилась не во всех привлеченных для исследования памятниках (т.е. названная форма может реализоваться и не реализоваться).

зований. Конфессиональные тексты XIV–XV вв. выделяются отсутствием многих флексий, отмеченных в летописных и деловых текстах. По-видимому, действительно деловые тексты XV в. отличаются не оттого и разнообразием флексий, ближе отражают ситуацию обиходной речи, но не надо думать, что сама эта обиходная речь в морфологическом отношении была чем-то исключительным и экзотическим, оторванным от общеславянских тенденций. Множество разных флексий в деловых памятниках могло быть и следствием отсутствия строгих норм в самом жанре, невосприятия его как особого типа литературного текста.

III. Представляется, что собственно диалектными в тот период развития языка было не наличие или отсутствие той или иной флексии (кстати, флексия  $-_e$  в И.п.ед.ч.м.р. вряд ли является собственно псковской, как считают некоторые исследователи: она малочастотна в первых памятниках Пскова, кроме того, следует учитывать, что иллюстрировать ее примерами типа господине невозможно), а количество и качество ее употребления. Однако и в этом случае иногда называть то или иное явление собственно диалектным, например псковским, нередко оказывается затруднительным. Например, в летописных текстах XVI в. унифицированных форм Д., Т., М. надежней значительно больше, чем в Московской летописи того же периода, они есть в псковской летописи XVI в. даже в бывших \*-I-основах. Можно поэтому предположить наличие, хотя бы и временное, такой псковской диалектной черты, однако можно предположить в этом случае и просто существование определенной псковской или московской литературной традиции. Монографии "Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв." и "Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв." убедительно свидетельствуют, что самые, казалось бы, местные и диалектные с современной точки зрения формы были известны большинству славянских памятников. То, что нам сейчас представляется диалектным в сравнении с литературной нормой, не было таким в эпоху средневековья. Для эпохи средневековья понятие "диалектное" отнюдь не является синонимом понятий "местное", "локально" или "ареально ограниченнное". В современных говорах нет никаких форм, которых не было в памятниках XIV–XVI вв., а в псковских памятниках средневековья нет никаких особых своих флексий, ко-

торых не было бы в текстах других славянских территорий и школ. Более того, в памятниках есть флексии, которых современное псковское наречие уже не знает.

IV. Каждую особенность современного именного склонения можно свободно "вывести" из той системы (или систем) склонения, особенности которой были описаны в данной статье. Каким же был язык Пскова в морфологии именного склонения в XIV, XV и XVI веках? Он не был един, существовал в разных типах речевых ситуаций, в различных типах текстов, и в этих памятниках язык Пскова XIV-XVI вв., сохраняя все сильные праславянские элементы, был таким, каким он и описан выше. В морфологии нет никаких оснований для традиционного противопоставления истории языка по письменным памятникам и по диалектным данным.

Л.П.Михайлова, Н.А.Черкасова

## УКАЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА С НАЧАЛЬНЫМ Э- В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Система указательных слов, включающая местоимения, частицы, наречия, является замкнутой в литературном языке, ограничиваясь определенным набором конкретных лексем, не пополняясь новыми элементами. В говорах, знающих только устную форму речи, не регламентированную строгими нормами, состав указательных единиц выглядит иначе. Говоры характеризуются более богатыми средствами выражения указательного значения, возникающими за счет широкой вариантиности и образования новых средств обозначения. В диалектах, развивавшихся своеобразными путями, возникает разветвленность лексико-грамматических разрядов, в частности, указательных местоимений, частиц, местоименных наречий. Об этом свидетельствуют работы ряда ученых, среди которых можно

выделить П.Я.Черных,<sup>1</sup> И.А.Попова,<sup>2</sup> И.С.Меркульева,<sup>3</sup> Г.Я.Симину.<sup>4</sup>

Противопоставление говоров в совокупности конкретных диалектных систем литературному языку в целом усиливается в количественном и качественном отношении за счет всевозможных видов диалектных лексических различий, богато представленных на относительно обширной территории русского языка. В понимании вариантов, непосредственно связанных с типами диалектных лексических различий, мы следуем за Ф.П.Филиным, выделяющим варианты фонетические, морфологические и возникшие в результате народной этимологии.<sup>5</sup>

Предметом нашего исследования являются указательные слова, включавшие в свой состав начальное дейктическое э-, возникшее в эпоху распада общеславянского языка в результате утраты приданья (из *hē-*) в юнославянских языках и великорусском

---

<sup>1</sup> Ч е р н ы х П.Я. Местоименные формы "эвтот", "энтот" и т.п. - Докл. и сообщения филол. ф-та Моск. ун-та, 1949, вып. 8, с. 50-57.

<sup>2</sup> П о п о в И.А. 1) Сложные наречия в говорах русского языка (наречия, образовавшиеся от именных словосочетаний с местоимениями *сний* (*снь*), *тот*). - В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 161-180; 2) Наречия со значением 'недавно, некоторое время тому назад' в русских народных говорах. - В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 146-163; 3) Наречия со значением 'давно', 'прежде' в русских народных говорах. - В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979, с. 72-89.

<sup>3</sup> М е р к у р ь е в И.С. Указательные местоимения в мурманском говоре. - В кн.: Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка пед. ин-тов, ч. II. Л., 1968, с. 102-104.

<sup>4</sup> С и м и н а Г.Я. 1) Особенности указательных слов в северорусских говорах. - Там же, с. 72-74; 2) Особенности системы указательных слов в северорусских говорах. - В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. 1974. Л., 1972, с. 127-136.

<sup>5</sup> Ф и л и н Ф.П. 1) Проект "Словаря русских народных говоров". М.; Л., 1961, с. 34-38; 2) О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских народных говорах. - В кн.: Лексика русских народных говоров: Опыт исследования. М.; Л., 1966, с. 27-34; 3) О слове и вариантах слова. - В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с. 132-133.

языке,<sup>6</sup> их функционирование на территории русских говоров Карелии и сопредельных областей. Анализу подвергаются материалы, хранящиеся на кафедре русского языка Ленинградского университета.

В системе указательных местоимений, отмеченных в исследуемой диалектной зоне, стержневыми выступают общеупотребительные тот, этот, такой, сохраняя семантическое ядро, известное литературному языку: 'общее указание на предмет, выделение данного предмета из других однородных' или 'указание на признак, свойство предмета'. Литературный язык кроме названных указательных слов располагает очень незначительным рядом дополнительных единиц с ограниченной сферой функционирования: таковой, этакий – эдакий, экий – экой, сей и оний. В КСРГК зафиксированы следующие местоимения, соответствующие по своей семантике исходному этот (етот):<sup>7</sup> его фонематические варианты энтот, энтот, блтот, эттот; морфологический вариант этый и новообразования эттаковой, этамый, этамотний, этось. В этот же ряд должно быть включено и местоимение эвой.

Местоимение этот употребляется во всех современных говорах.<sup>8</sup> Его варианты со вставными согласными (энтот, энтот и др.) бытуют в южнорусских, среднерусских и севернорусских говорах. На них указал как на особую черту олонецкого наречия П.Н.Рыбников,<sup>9</sup> форма эстой зарегистрирована Словарем Кулаковского, обнаружены эти местоимения и на территории бывшего Никольского у. Вологодской губ.<sup>10</sup> П.Я.Черных заметил, что говоры, имеющие местоимения энтот, энтот и др., не составляют компактной массы, а разбросаны на территории севернорусского наречия.<sup>11</sup> Эти

<sup>6</sup> Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды, т.2. М., 1957, с.218.

<sup>7</sup> Поскольку в статье рассматриваются лишь образования с дейктическим э-, местоимения тот, такой не анализируются.

<sup>8</sup> Симина Г.Я. Особенности указательных слов... с.72.

<sup>9</sup> Черных П.Я. Указ.соч.

<sup>10</sup> См.: Мещерский Н.А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР. – Учен.зап.Карельск. пед.ин-та, 1963, т.III, с.112-130.

<sup>11</sup> Черных П.Я. Указ.соч., с.51.

<sup>12</sup> Там же, с.53.

местоимения не обнаружены в ряде других районов северорусского региона.<sup>13</sup> Отсутствие их рассматривается как одно из доказательств того, что местоимение этот для северорусской диалектной зоны не исконно, а вторично: оно пришло в говоры под влиянием литературного языка, влившись в старую диалектную систему указательности.<sup>14</sup> Может ли наличие данных форм, отражавших результат лексико-сintаксического процесса перехода сочетания слов в целостную лексическую единицу, быть аргументом в пользу вторичности местоимения этот в северорусских говорах? Думается, что только косвенно. "Употребление э с местоимениями (этот, этакий, экой) издавна составляло особенность некоторых говоров на севере".<sup>15</sup> Местоимение этот возникло в народной речи и из нее, "проникая в речь деловую, постепенно стало весьма употребительным... стало нормальным явлением нейтральной речи XVIII века".<sup>16</sup> Формы же эфтор, энтот и др. вторичны по отношению к местоимению этот. Они, первоначально, по-видимому, очень долго державшиеся в Москве, получили широкое распространение на периферии, в говорах "мещанства", а в диалектах в новое время стали принадлежностью высокого стиля деревенской речи".<sup>17</sup>

Зоной функционирования местоимений с вставочными согласными в обледованных районах Карелии и сопредельных областей в настоящее время оказывается главным образом южная часть Медвежьегорского р-на КАССР - Заонежский полуостров, расположенный в северо-западной части Онежского озера. Считается, что в говоре может быть налицо лишь какой-нибудь один из возможных вставочных согласных.<sup>18</sup> В заонежском говоре отмечены две формы, но изоглосса каждой имеет строгую локализацию: эфтор (Медв. Ламбасручей, Замогино, Бережная, Габ-Новолок, Челмужи); энтот

<sup>13</sup> Симина Г.Я. Особенности указательных слов...  
с.74.

<sup>14</sup> Черных П.Я. Указ.соч., с.55.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Федорова М.Ф. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965, с.84.

<sup>17</sup> Черных П.Я. Указ.соч., с.54.

<sup>18</sup> Там же.

(Медв. Шуньга, Типиницы, Узкие, Речка).<sup>19</sup> В Заонежье отмечена и необычная форма эпtot (Медв. Русиновская). Кроме Заонежья форма эфtot отмечена в подпорожских (грибановская) и пудожских говорах (Авдеево), энtot – беломорских (Нюхча).

В говорах, как и в литературном языке, довольно четко проходит семантическое разграничение тот – этот по признаку близкий – далекий в пространственном и временном отношении, поэтому и варианты местоимения этот указывают своим значением на что-нибудь, находящееся в непосредственной близости к говорящему. Такое значение свойственно форме эфtot: В эфтом поселке давно (Медв. Ламбасручей); Валька в воскресенье в эфтоe была, только не зашла (Подп. Грибановская); В другом мисяще должна приехать, не в эфтом еще (Медв. Габ-Наволок). Эту же семантику имеет и вариант с двойным согласным эттот: Этто озеро и Полоское, как меш ними межозерье, место такое (Медв. Керака); Кятка не луда, матера, рецка там выпадат в море, Рыпка называется, пот Кяткой заліф, вот как ётта губа (Кем. Грилино). Аналогичное значение и у местоимения эттаковый, получающего в употреблении нарушенное согласование: В эттаково дом зайдите (Медв. Типиницы). Общим указательным значением обладает и слово этось, образованное известной диалектным наречиям постпозитивной частицей -сь. Производная единица явно выпадает из грамматической системы местоимений своей неизменяемостью: А вот уш писняки пойдут, а этось году не пили (Карг. Новгородово).

Вариантные формы эфtot – энtot обладают также значением указания на предмет, выделяемый из числа других: Энту лошать Комар зовут (Медв. Шуньга); Фсё равно в эфто ухо не слышу (Медв. Бережная); Если есть у нее сестра, она приежжает в эфtot дом и плачется, приглашает (Медв. Челмужи). Форма энто употребляется в предметном значении, выполняя функцию существительного: Энто есть навага (Белом. Нюхча). Местоимение может быть осложнено постпозитивной частицей -то: Энто-то что тут? (Медв. Речка).

<sup>19</sup> П.Я. Черных отмечает, что в южнорусских говорах употребляется только вариант энtot, а к северу от Москвы – эфtot (в:ф) (см. там же, с.53-54).

Как и у местоимения этот, у его диалектных вариантов развилась рефлексивно-указательная функция, когда местоимение соотносит предметы в речевом потоке и, обобщая, обозначает упомянутое в предшествующем контексте: Были у нас миски такие, большущие, и сели кушать, и снаряд германский прилетел прямо в блюдо в éёто (Медв. Закогино); Хоуки, éхти места болят (Медв. Габ-Наволок). Только в данном значении отмечена форма éптол: А раньше ис холста фсё шили, в éптом больше и ходили (Медв. Русиновская).

Указательная семантика в ряде случаев осложняется эмоционально-экспрессивными оттенками. С помощью местоимения говорящий выражает неодобрительное отношение к предмету, лицу: Эти хозяева самы в домотканых потштанниках жарят от солнца до солнца (Медв. Узкие) – или эмоционально усиливает, подчеркивает предмет речи: Так вст и осталась с éсвой пензией (Медв. Бережная).

Новообразование этамний отмечено со значением ‘указание на предмет, выделяемый среди других’: У нас в этамной деревне, Ярцево-то, много пели (Пуд. Каршево); Бомба упала на этамный рассадник (Выт. Кириллово). Указательно-выделительное значение у местоимения этамотний осложнено эмоциональным оттенком: Дебхи, я бы погуляла с этамотником пареньком (Пуд. Погост). Значение ‘указание на предмет, лицо, выделяемое из числа других, а также некоторая эмоционально-усилительная окраска свойственны и морфологическому варианту этый: Так этая бапка ее наладила (Медв. Лахново); Да на этое хозяйство глядишь-глядишь (Медв. Сенная Губа); Были болезни этые (Подп. Грибановская); А когда ночь там этая, свет кругом (Новг. Русса).

Система указательных местоимений, обнаруживавших в себе общеязыковое значение ‘такой’, представляет собой в исследуемом регионе несколько фонетико-морфологических групп, дифференцированных по общности корней: I. Этакий – эдакий – эттакий – эзакий – эндакий; эдаконъкий – эдачкий – эданъкий; II. Эзакий – эзакой – эталакий; III. Экий – экой.

В литературный язык как стилистически сниженные в сравнении с общеупотребительным такой входят лишь местоимения этакий – эдакий и экий – экой. Остальные из отмеченных принадлежат

диалектной среде. Наиболее частотным и имеющим широкую территорию распространения оказывается диалектное (Фасмер, ГУ, с.514) эдакий – эдакой (отмечено в 20 районах, 49 пунктах).

Семантика местоимения эдакий в говорах, существенно не отличалась от общеязыковой, оказывается несколько шире: слово часто заменяет местоимение такой, которое в литературном языке богаче, чем эдакий. Эдакий совмещает в себе два основных значения – указательное и определительное. В указательном значении эдакий ориентирует на качество, свойство, равное тому, о чём говорилось ранее: Эдаки слухи бывают (Медв.Керака); Раньше ведь и простыни эдакие держали (Плес. Федотово). (но может указывать на качество, которое выделяется, подчеркивается: Эдакие цветы пуговицам зовут (Баб. Аганино); Эдаких грибов не брали (Лод. Янгиничи); Раньше играли не эдак софсем, мотив не эдакой был (Чер. Павловово). С этой семантикой местоимение употребляется на территории Карельской АССР – в Конд. Пуд., Медв., Кем. р-нах; Вологодской обл. – Баб., Выт., Чер., Чаг.; Архангельской – Онеж., Плес., Карг.; Ленинградской – Волх., Лод., Подп.; Новгородской – Чуд.; Мурманской – Тер.

Выступая в определительном значении, эдакий указывает на большую силу проявления какого-либо качества, свойства. В связях с существительным местоимение имеет увеличительное значение: Эдакой скирд был накладен! (Онеж. Лямыца); Кошка эдака в дом стучится (Подп. Гонгиничи); С эдакой-то котомкой да в эдакие-то волока идёшь! (Медв. Тишиницы); Ваш-то дом на эдаком прибое, на ветру, вот и холодно (Конд. Гангозеро). Данное значение отмечено в говорах Карельской АССР – Медв., Конд. р-ны; в вологодских – Чер., Кирил., Баб.; новгородских – Пест., Чуд.; архангельских – Карг., Онеж.; ленинградских – Кириш., Лод., Подп. р-ны. В связях с прилагательным эдакий приобретает наречное значение ‘очень’, ‘столь’: Эдакая светлая kleёнка пачкается (Чер. Музыга); Трава-то эдакая длинна (Лод. Шашма); Эдакие мялки были тяжёлые (Чаг. Середка); На доске был эдакой большой камень (Прион. Кончезеро). Наиболее широко распространено данное значение в говорах КАССР – Медв., Прион., Пуд., Белом.; отмечено также в ленинградских – Лод., Подп.; вологодских говорах – Чаг., Чер. р-ны. Употребляется эдакий с реля-

тивным оттенком в сочетании с предшествующим вопросительным местоимением: Этты я Лизы сказала, какой Николай худой у тя, не знаю, по эдакое? (Прион. Лехнаволск). В лодейнопольских говорах местоимение эдакий употребляется в обобщенном значении, заменяя необходимую развернутую характеристику кого-либо: Друг другу говорят: "Я эдакое, а я эдакое" (Лод. Явшеницы). Своебразное употребление представлено в следующем контексте: Поговорим о тактиле и с эдакими людьми (Медв. Шуньга). В литературном языке нет оппозиции такой – эдакий, аналогичной тот – этот. В говоре, как видно из текста, эти указательно-определительные местоимения получают значение противопоставленности. Эдакий в ряде говоров имеет предметно-указательную семантику, близкую местоимению этот: Эдакий поросенок наш плохо растет, прошлогодний был лучше (Прион. Ялгуба); Натянут эдаку замшу-то (Медв. Тишиныцы).

Местоимения этакий – этакой получают меньшее распространение в говорах (отмечены в 9 р-нах, 13 пунктах). Семантически слово не отличается от эдакий. Оно имеет указательное значение: У меня был не этакий самовар (Пуд. Песчаное); Купила ему рубаху с этаким рукавом (Лод. Надпюровье), а также и определительное, выступая чаще в связях с приследательным: Этаки бабы ядрёны (Карг. Астафьево); А апельсины были, да к этаки большие (Пуд. Сумозеро). Это значение отмечено на территории Ленинградской обл. – Лод., Подп.; Вологодской – Чер., Кирил.; Мурманской – Тер. р-н. Реже этакий определяет существительное: В этаку он пору удить уйдёт (Пест., Устинское); Этака школа была, она из дерева была сделана (Медв. Комозеро). Единичны зафиксированные в шекспирском говоре вариативная форма еакий: Эакой большой, а фее учится; Эакая мода стала (Пограево) – и эндакий – в лодейнопольском: Это чьи эндакие пальчики? (Надпюровье). Оба варианта имеют определительное значение.

От местоимения эдакий в говорах с помощью уменьшительных суффиксов -онък-, -к- образованы эдаконъкий, эдачкий, эданъкий, семантически близкие к такой, но о ком-, чем-нибудь маленьком: А был Павлик эданъмой, хотел за каток сходить, да встегали, да кровь бежала (Подп. Хевроньино); У нас трафка эдачкая маленькая (Пуд. Гакугса); Ах ты, свинья эданъкая, как тебе не стыдно! (Пеот. Устинское). Наблюдаются своего рода "со-

"гласование" по смыслу: малое – предмет – получает и уменьшительные определяющие его слова. В последнем случае, очевидно, смягчается бранная экспрессия.

Варианты элакий – элакой – эталакий зафиксированы только в говорах Белозерья: кирилловских – Филино, Тимонино, Колесово, Высокая Гора; вашкинских – Остров, Троицкое и белозерских – Буброво. Новых значений, отличающихся от семантики остальных местоимений, эта группа не имеет. Преобладающим оказывается указательное значение: Нет элаких болот не бывало, чтобы згинуть (Колесово); Карманы больно ниско, дак элака мода (Троицкое); Элаких песен не любят (Буброво). То же значение и у формы эталакий: Калитка что рогулька, эталакая лепёшечка (Троицкое). Определительно-увеличительное значение совмещается с элакий с уточнительным: Криноцка небольшая элакая, молоко пить в ней хорошо (Тимонино); У меня дак мыши и крысы были, а теперь-то ни мыша, никого нет, хвости у них вот элаки тоненькие (Остров).

Из вариантов группы экий – экой и их усеченных форм эко – эка – эки большим ареалом распространения отличаются последние. Вся группа оказывается стилистически более яркой, чем остальные местоимения. Употребление отдельных ее форм, особенно усеченных, окрашивает речь эмоционально-экспрессивными оттенками. Свообразны эти варианты и в семантическом отношении: в них совмещаются отдельные значения, свойственные общеупотребительным местоимениям какой и такой. Следует отметить прежде всего способность этих форм выражать эмоциональную оценку восхищения, удивления, возмущения и т.п.: Эки мужички-то, высоки, хороши! (Карг. Масельга); Эво, эка сила злынет на здын! (Чаг. Низ); Эка мужчина, да маленько недослышил (Онеж. Пянтино); Эку проминашку делают! (Медв. Типиницы). Местоимения этой группы могут иметь определительно-усилительное значение, отмеченное у слова эдакий: Толь экой горяцой! Охти мнеченько! (Онеж. Тамица); Эку грязну ф телевизоре показывали (Карг. Лекшмозеро); Эки воды большие, дак поди найди утопленника (Пуд. Сумозеро). Отмеченные значения довольно широко распространены в каргопольских говорах: Орлово, Лекшмозеро, Кононово, Каласниково, Моеево, Абакумово, Тихоньга, Оситино, Хардушино, Шушерино;

а также в пlesецких и онежских говорах. Встречаются и в Карелии - Пуд., Медв.; Вологодской обл. - Кирил., Чаг. р-ны.

Значение усеченных форм оказывается нередко близким к семантике усилительных частиц, следствием чего становятся затруднения в их разграничении: Эка бродня, долго ходила! (Тихв. Пяхта); Эка карнава, разворотила фсё (там же). Допустимо бывает в эка и местоименную форму (какая бродня), и частицу (вот бродня). Группа местоимений экий - экой обладает и собственно указательным значением, о теми же оттенками, что и местоимение эдакий: Не эки пороги есть (Белом. Нижча); Колоть? Да экие не колст (Карг. Мосеево); Вот и я эка, в него, в дедушку (Кирил. Захарино).

В кирилловских говорах отмечена своеобразная форма экити-то: А вот уш как экити-то стали подрастать, так тут-то и хватило горя (Ивачево). Новообразование возникло путем присоединения к корню двух частиц - диалектной -ти и общенародной -то. Ср. эттака-то в значении 'здесь'.

Среди указательных частиц с начальным дейктическим э- наиболее частотными являются эва, эво, относящиеся к просторечным в современном русском языке (ССРЛЯ, т.17, стб.1713). В русских говорах рассматриваемого региона эва, эво не отличаются значением от общеупотребительного, выполняя функцию указания на наличие какого-либо предмета в некотором отдалении; они служат также для выражения сильного удивления, приближаясь к междометию: Да эво плат-то, эво! (Плес. Вершинино); Эво палатка повешена, никак цыганы?! (Кирил. Смолино); Середа сегодня, уж зафтра четверк, эва неделя катится! (Тихв. Пяхта). Эва, эво имеет довольно широкую территорию распространения: в КАССР - в Лоух., Медв., Пуд. р-нах; в Архангельской обл. - Карг., Онеж., Плес.; Вологодской - Чаг; Новгородской - Новг., Пест., Чуд.; Ленинградской - Бокс., Волх., Кириш., Лод., Подл., Тихв. р-нах (всего отмечено в 49 пунктах).<sup>20</sup> В пестовских говорах, наряду

20 Можно предположить, что слово являясь общенародным, бытует во всех исследуемых говорах. Отсутствие же его в КСРГК может быть объяснено тем, что собиратели фиксируют лексику для дифференциального словаря.

с основным, отмечен фонетический вариант эо с указательным значением: Я филючу эту лампочку, эо, как и светло (Пеот. Богослово).

В ряде говоров зафиксирован вариант с повторением частицы, что вносит дополнительный эмоционально-экспрессивный оттенок, при этом указательное значение может сохраняться: Эво-эво, этим снуём (Плес. Конево). Однако чаще эво-эво служит для выражения изумления, удивления: Эво-эво! Гли-ко, бык идет! (Лод. Ефремово); Эва-эва откуда приехали! (Чер. Ивановское); Эва-эва куда его занесло! (Тихв. Коськово). Отмечен и случай совмещения сразу двух частиц эва и во, выступающих в указательной и усилительной функциях одновременно: Эво, во разбила кучку-то, пускай посохнет (Чуд. Дерева).

Наряду с основным вариантом эва, эво рассматриваемый лексемный ряд включает и такие образования, как эвон, эвона, эвоно; эвока, эвоко; эвонто, звонде, эвота, эвото. Просторечные частицы с элементом -н- имеют разную частотность. Вариант эвон, по данным КСРГК, можно считать основным, он представлен в говорах Белозерья - в Белоз., Кирил., Чер. р-нах; Карелии - Медв., Пуд., Архангельской обл. - Плес; Новгородской - Пест. р-не. Частица эвон в сочетании с местоимением указывает на что-либо находящееся поблизости, употребляется чаще при восклицании: Эвон каки красивы чашки мне вну́чка подарила, с этикеткам! (Лод. Мустиничи). Ср. также: А там эвона как крыса сидит! (Тихв. Сиолово); Эвоно у тебя что куриц-то! (Чер. Дорки); Эвоно у вас как парень-то работает! (там же). Фиксации вариантов эвона, эвоно ограничены единичными пунктами Тихв. и Чер. р-нов.

Эвоно (с ударением на последнем слоге) употребляется как наречие с пространственным значением 'там, в том месте, не здесь': Эвоно деревня маленька, уехали фое (Плес. Усть-Лога); Жил эвоно на мызах (там же). Наречное значение 'там' отмечено лишь в плесецких говорах.

От эвон присоединением частиц -то и -де образовались новые слова: эвонто - указательная частица с тем же значением, что и эва, эвон, эвонде - частица в значении наречия, употребляющаяся для указания на что-либо находящееся вблизи,

‘вот здесь’. Ср.: – Где находели-то вы? – Эвонто где! (Чер. Еноково); Ведро эвонде возьми! (Кад. Рыконец).

Диалектными вариантами по отношению к просторечному эвот, выступающему в роли указательной частицы вот (ССРЛЯ, т.17, стб.1721), являются эвота, эвото, различающиеся одной фонемой. Они представлены в волковских и киричских говорах: Эвото налкнто, пей с вареньем; эко, варенье привес парень (Волх. Сторожно); – Дай ножни-то! – Эвота! (Кириш. Городище); Эвота одевашка кака (Кириш. Черенцево).

Если образования эвота, эвото можно считать лексико-фонетическими вариантами к общеупотребительному эвот, то эвонто, эвонде – самостоятельные диалектные слова, различающиеся своеобразными аффиксами – бывшими частицами. Здесь мы полностью разделяем мнение Ф.П.Филина о том, что однокорневые слова с разными суффиксами при их лексико-семантическом тождестве “нельзя считать вариантами одного и того же слова”.<sup>21</sup>

В некоторых говорах довольно активной является частица этта, этто, употребляющаяся для усиления эмоциональной окрашенности содержания высказывания, соответствующая общеизвестным частичам вон, вот, ведь: Этта куды дачники ходят, туды на косячок (Прион. Суйсарь); Ты там этта не был (Плео. Усть-Пога); Этта каландает, так не не скоро и до дому добредёт (Подп. Сошницы); Нас здесь каждый гот этта топит (Онеж. Пянтино); Тут ничего этта нет (Прион. Кончезаро); У нас этта не ходят в баню (Карп. Ковжа). Отмечается и междометное употребление: Этта, костычкоф каких наловил! (Подп. Сошницы).

Между тем представлено и указательное значение частицы этта ‘это’: Этто фсе отол, и бес столешницы тоже стол (Онеж. Пянтино); Этта, вишь, я фсе заложаю, а то ребята фсе нарушат (Плес. Майлахта); Лей, мать, баран этта (Медв. Типиницы); Веть этто не реку переехать, а залиф, море (Кем. Гридино). Частицы этта, этто имеют место в говорах Прион., Медв., Кем., Плес., Подп., Онеж., Карг. р-нов.

Иногда довольно трудно точно установить значение слова этта. Ср.: Ну и ветер, этта рвет сено! (Подп. Сошницы); У меня

<sup>21</sup> Филин Ф.П. О слове и вариантах слова, с.132-133.

доць, этта тут замужем на волости (Кем. Гридин). Возможно, здесь указательное значение осложнено синтаксической функцией: этта приближается к местоимению, выполняющему роль относительного слова, которое указывает на имя предшествующей части сложного предложения.

Слова эва, эво и этта, этто могут быть осложнены прибавлением постпозитивной частицы -ка. В литературном языке -ка присоединяется обычно к глагольным формам для выражения приказания, побуждения к действию (глянь-ка, поворотись-ка), используется также в сложных частицах ну-ка, на-ка, полно-ка, поди-ка, пусть-ка. Круг такого рода частиц, бытующих чаще в просторечии, ограничен. Говоры располагают большими возможностями соединения элемента -ка с частицами и словами местоименного происхождения. Эвока, эвоко 'то же, что эва' отмечены в говорах Лод., Подп., Плес., Чер. р-нов: Эвока подношки, пришвица (Плес. Аершинино); Эвоко, огурцы никак не могут цветсти (Подп. Грибаново); Эвока, сам идет, и звать не надо (Подп. Сошницы). Отмеченная в подпорожских и кемских говорах частица эттака по значению и употреблению совпадает с этта: Эттака мой дом недалеко, з двумя половинами (Кем. Гридин); Эттака, у Люди опять гости (Подп. Сошницы). Обращает на себя внимание факт употребления эвока в наречном значении 'здесь', а эттака - в значениях 'здесь', 'сюда': Эвока високо поле е, и то брошено, четыре гектара (Лод. Ефремково); Эттака был скотный двор (Медв. Вырозеро); Зять-то приезжал эттака (Тер. Чаваньга). Необычность, нетипичность соединения -ка с частицами и наречиями эва, эво, этта, этто дает основания отнести новообразования к лексическим диалектизмам.

Имеют место единичные случаи употребления частицы этта с постпозитивным членом -то для усиления экспрессии: Этта-то рядом молодых сколько! (Конд. Кулмуска); Этта-то одёжше, как в лесу (Подп. Сошницы). И, наконец, зафиксировано соединение двух частиц -ка и -то в наречии эттака-то 'здесь', первая из которых превратилась в часть слова, а вторая может быть свободно опущена и служит лишь для выделения важного с точки зрения говорящего слова: Сидел бы эттака-то, а то бегаешь, вот и не уследил (Подп. Сошницы).

В ряду просторечных частиц с начальным э-, бытующих в говорах, находятся эк, эка, эко, служащие для усиления выражения удивления, насмешки, досады (ССРЛЯ, т.17, стб.1713). Эк 'вот' зафиксировано в Карг. и Чер. р-нах: У нас эк сколько фруктоф много, и ягоды, и грибы! (Чер. Веретье). Эка, эко как фонетический вариант к эк 'вот' известно в говорах Медв., Чер., Карг., Волх. р-нов. В кемских говорах отмечена частица эттак, употребляющаяся для подчеркивания существенных свойств предмета: Одеяло так тыкующее, бутто шерстяно, бес пододеяльника тычет, а эттак мягкое (Кем. Гридино).

Как видим, некоторые частицы легко приобретают наречное значение: эвоне 'там', эвонде 'вот здесь', эвока 'здесь', эттака 'здесь', 'сюда'. Таким образом, появляется омонимия в пределах местоимений, частиц и наречий. Более ярким примером омонимии на рассматриваемой территории являются эк, эка, эко. Эти слова широко известны на севере как усеченные формы местоимений и наречий, а не как частицы. В роли наречия эк выступает в восклицательных предложениях в усилительном значении 'как, вот как': Эк небо-то затонуло! (Кирил. Ивачево). Эк отмечено в этой функции в каргопольских, кирилловских, медвежьегорских, онежских, подпорожских, вытегорских говорах. Вариант эк имеет и значение 'так, таким образом', являясь обстоятельством образа действия: Век-то свой и жила эк-от, и билась, фоя пребилась, топоречи уш ничего не остается (Кирил. Ивачево); Веть мы не эк жили (Волог. Осилково). Эко известно также в значениях 'столько', 'сколько': Катька, ты как могла эко пройти? Мы мерили граблевищем, дак у тебя больше (Карг. Масельга); Эко у ей обрядофф-то накладено! (там же).

Семантически сложным является наречие этта с рядом пространственных и временных значений. ССРЛЯ приводит наречие этта, этто в значении 'недавно, на днях' с пометой "обл." (т.17, стб.1949), что свидетельствует о широкой употребительности данной лексемы. В русских народных говорах имеется богатая груша наречий с этим значением.<sup>22</sup> С указанной семантикой этта бытует

<sup>22</sup> Попов И.А. Наречия со значением 'недавно, некоторое время тому назад ...

и в русских говорах Карелии и сопредельных областей: Белом., Кем., Медв., Прион., Пуд. - КАССР; Баб., Белоз., Волог., Выт., Кад., Чер. - Вологодская обл.; Карг., Онеж. - Архангельская, Подп. - Ленинградская, Чуд. - Новгородская, Тер. - Мурманская обл. Зафиксировано в 28 пунктах: этта было тепло, а ночь-то нет тепла (Онеж. Цурнема); Меня этта на три рубля оштрафовали (Тер. Чаваньга); Клещ этта Лунина кусиу, да свезли его в город (Медв. Конда-Бережная); Этта в лафку привозили помидоры, скрёхонько разобрали (Чер. Харламовская). Оттенком к данному значению, отмеченным лишь в Медв., Прион., Онеж., Чер. р-нах, является 'в данный момент, сейчас, теперь': Этто я отворю потпольницу, опушу тебя (Прион. Лехнаволок); А этта уш в деревни осталась филюва слобода, таки старушонка живут (Онеж. Унежма).

Более широкую территорию - 18 р-нов (Медв., Кондоп., Пуд., Кем., Прион., Белом., Терск., Онеж., Плес., Канд., Карг., Баб., Белоз., Выт., Кад., Кирил., Подп., Тихв.), 59 пунктов - охватывает этта с пространственным значением 'здесь': Володя фсе этта жил (Онеж. Тамицы); Надо ему там, а не этта взыскивать (Пуд. Песчаное); Он ей этта [на руке] и этта [на шее] разрезал (Баб. Верхний Конец). В д. Типиницы Медв. р-на отмечен вариант эдда 'здесь': Эдда зберут таки зборушки. В некоторых говорах - Кем., Онеж., Плес., Подп. р-ны - развилась противоположная семантика, слово этта выступает в значении 'там': Жила бы этта дома (Подп. Важини); Этта тоже есть старик да старуха (Медв. Конда-Бережная).

В сочетании с глаголами движения, направления действия наречие этта обнаруживает также значения 'сюда' и 'туда'. В первом значении этта употребляется в говорах Медв., Прион., Пуд., Онеж., Подп. р-нов в отдельных пунктах: Этта зайди, не забудь, я в эфтом доме ждать буду (Медв. Конда-Бережная); Ф четвёртом доме живу, этта пришел, как в ригаче (Пуд. Песчаное). Более узкий ареал характерен для этта 'туда' - Онеж., Подп., Медв. р-ны: Иди, или этта, в ошитой дом, не бойся (Подп. Сопинцы); Этта прямая дорога, недалеко (Подп. Важини). Зафиксирован единичный случай употребления этта 'отсюда': Машина пойдет, дак этта вицно будет (Канд. Ковда).

Для обозначения вопроса о способе действия, в значении 'как, каким образом' используется наречие экак. Мы располагаем пока единственным примером: Экак без денег жить? Наше дело - надо распланировать пензию (Чаг. Середка). А противоположное по семантике, "ответное" наречие находит выражение в словах эдак, этак, эттак, эттаково, элак, эталок.

В современном русском языке наречия эдак и этак находятся на периферии литературного языка, первое - просторечное и устарелое, второе - разговорное (ССРЛЯ, т.17, стб.1931). Из них на севере более широко распространено эдак 'так' (Кем., Конд., Медв. Прион., Пуд., Члес., Онеж., Карг., Баб., Белоз., Вашк., Кирил., Чаг., Тер., Тихв., Подп., Кириш. - 17 р-нов, 28 пунктов); Раньше не эдак плясали, как пойдут вытаптывать, только пол дрожит (Тихв. Горка); Не плакал он никогда эдак (Прион. Лехнаволок); Веть эдак-то, девушки, некрасиво (Подп. Гонгиничи). В некоторых контекстах эдак несколько противопоставлено слову так, когда говорящий имеет в виду разное конкретное семантическое наполнение слов. Это проявляется и в выражении так и эдак 'разными способами, по-разному': И так и эдак уж загорала, а фсе равно белая (Подп. Сошницы); И трепали лен и так и эдак (Чаг. Середка). Ср. разговорное так и этак (ССРЛЯ, т.17, стб.1931).

Слово этак 'так, таким образом' в обследуемых говорах более редко в сравнении с эдак, отмечено лишь в нескольких пунктах Медв., Кирил., Выт. р-нов: Мужик приказал хоронить з гармонией, несите на руках и гармоней грайте, этак и делали (Выт. Ерчино). Имеет место и утвердительная частица этак: Было, этак, было (Выт. Ильино).

Образования эттакова, эттаково используются для обозначения высокой меры проявления какого-либо действия, состояния - 'так, в такой степени': Что вы эттакова копаетесь там?! Мне бы, лефки, ваши годы! (Медв. Перхино). Употребления такого рода ограничены медвежьегорскими и прионежскими говорами. Кроме того, в Прионежье известно и временное значение 'в данный момент, только что': Эттакова пришла (Прион. Суйсарь).

Наречия элак, элако бытуют в том же значении, что и эдак, этак 'так', на ограниченной территории - в Белоз., Вашк., Кирил. и Волог. р-нах: Элак давно не пивали чаю (Вашк. Бердниково); Мне еще элак и лучше, не вдруг зделать (там же). Элак отме-

чено в Ващинском р-не (Остров, Бердниково, Троицкое), в Бело-зерском (Ульянкино), Кирилловском (Высокая Гора, Захарино, Козлово, Курицино), Вологодском (Осилково); вариант элако - в одном пункте: Ой, какое платье у тебя! И в Ленинграде элако шют? Ишь на руке-то как ладно! (Кирил. Колесово). Ср. распространение на этой же территории местоимения элакий, элакой (см. с.48).

Возникновение вариантов элак, элакий - с согласным л - можно связать, по всей вероятности, с фонетическими переходами звуков [л] и [в], имеющимися в ряде северных говоров. Анализируя звук [л] в севернорусских говорах, В.Н.Теплова приходит к выводу о том, что "в процессе отхода от употребления звука [ў] в соответствии с [л], благодаря наличию звука [ў] и на месте [в], в говорах происходит некоторое изменение в фонологической системе... звук [у] в соответствии с [л] утрачивает связь с фонемой [л] и соотносится с фонемой [в]".<sup>23</sup> В некоторых северных говорах наблюдается [ў] неслогоное на месте [л] независимо от позиции, т.е. не только перед согласными и в конце слова, но и перед гласными: быўа.<sup>24</sup> Для слов элак, элакий можно предположить наличие более древнего, не сохранившегося сейчас варианта эвак, эвакий (ср. частицы эвака, эвако), в котором мог произойти переход [в]>[ў]>[л]. "Проводником" этого явления могли послужить и частицы, имеющие с местоимениями и наречиями общее указательное значение. Закрепленность [л] только за словами элак, элакий позволяет видеть здесь лексикализацию. Указанное изменение могло явиться отражением так называемой гипернормализации, характерной для современных говоров.<sup>25</sup>

<sup>23</sup> Т е п л о в а В.Н. Звуки [л], [л], [ў] на месте эти-мологического [л] твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. - В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1976, с.175.

<sup>24</sup> О б р а з о в а н и е севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии. М., 1970, с.269-270, 50-54; Р у с с к а я диалектология /Под ред. П.С.Кузнецова. М., 1973, с.82-86.

<sup>25</sup> Б л и н о в а О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с.106.

Активной оказывается дейктическая частица э- и в образовании наречий места: этам, этама, этамотка 'там', этуды 'туда', этут 'тут': Этама у ели был домик (Цуд. Пога); Я здека живу у доцери, лони только перешла, жила этамотка за озером (Медв. Падмозеро). Вариант этам 'там' отмечен в каргопольских и медвежьегорских говорах, этама - в пудожских, этамока - в медвежьегорских. Для всех характерна узко ограниченная территория. В говорах Лод. и Подл. р-нов этам выступает в противоположном значении - 'здесь': Этам посидит да там посидит, фое ёй на месте на сидится (Лод. Ефремково); Да ёй тогда ещё этам жил, пока не женился (Подл. Сопиницы). В лодейнопольских говорах обнаружен и синоним этут 'здесь, тут': Севец под окном посадила, этут (Мустиниччи). Единичным является также употребление этуды 'туда': Жни этуды-то, пошто сюда пихаться! (Медв. Падмозеро).

Наконец, отметим довольно широкое распространение наречия эстолько 'столько' - в Прион., Медв., Белом., Онеж., Плес., Баб., Выт., Кад., Кирил., Чер., Тер., Подл., Тихв. р-нах. По значению и употреблению оно не отличается от просторечного эстоль, эстолько (ССРЛЯ, т. I7, стб. 1926).

Изучение состава, семантики, функционирования и территории бытования указательных слов с дейктическим э- позволяет утверждать, что этот разряд слов оказывается богатым средством выражения указательности на территории русских говоров Карелии и сопредельных областей. Лексические единицы с элементом э- при разнообразии фонетико-морфологических вариантов в данном регионе образуют семантические гнезда, объединяющие местоимения, частицы и местоименные наречия. Указательные слова, сохранив семантическое ядро эквивалентов литературного языка, весьма активно функционируют, развивают своеобразные диалектные значения и дополнительные эмоционально-экспрессивные оттенки. Формы указательных слов с вставочными согласными (эфот, эн-тот и др.) в современном употреблении в говорах утратили прошлый социальный статус,<sup>26</sup> перейдя в разряд стилистически нейтральных для говоров единиц.

<sup>26</sup> Ч е р н ы х П.Я. Указ.соч., с.54.

БЕЗАФФИКСНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ  
В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

В работах современных лингвистов, как советских, так и зарубежных, большое внимание уделяется вопросу об образовании слов без специальных словообразовательных средств.<sup>1</sup> Данный способ, как и другие способы словообразования, сопровождается различными изменениями в слове: чередованием звуков, перемещением ударений, "усечением" части основы, изменением парадигмы. Если при образовании слов другим способом (например, суффиксальным) подобные изменения являются дополнительными, то при безаффиксном способе словообразования сопровождающие средства, как утверждают ученые, могут быть единственными. В зависимости от того, какое из этих средств является главным, рассматриваются "фонетико-морфологический",<sup>2</sup> "безаффиксный",<sup>3</sup> "бессуффиксный"<sup>4</sup> способы словообразования, "нулевая суффиксация",<sup>5</sup> "парадигматиза-

<sup>1</sup> Marschand H. The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960; Dokumenta. 1. Teorie odvozovanií slov. Praha, 1962; В срт Д.С. Морфология нулевой аффиксации в русском словообразовании. - Вопросы языкоznания, 1972, № 6, с.76-84; Крылов Н.А. Типы основ в современном русском языке. - Филологические науки, 1963, № 2, с.36; Тимофеев в К.А. О так называемом "безаффиксном" способе словообразования. - В кн.: Вопросы языка и литературы, вып.2, ч.1. Новосибирск, 1968, с.143-149.

<sup>2</sup> Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования. - В кн.: Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975, с.155-165.

<sup>3</sup> Земская Е.А. Понятие производности, оформленности и членности основ. - В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, с.3-42; Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с.284.

<sup>4</sup> Лихтман Р.И. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? - Вопросы языкоznания, 1968, № 2, с.51-59.

<sup>5</sup> Лопатин В.В. Нулевая суффиксация в системе русского словообразования. - Вопросы языкоznания, 1966, № 1, с.76-87.

ции",<sup>6</sup> "конверсия".<sup>7</sup> Мнения ученых разноречивы, предлагаются различные аргументации, но в то же время наблюдается стремление рассматривать изучаемое явления "под одним углом зрения"<sup>8</sup>

В статье используется традиционный термин "безаффиксный", включающий все разновидности анализируемого явления, и термин "нулевая суффиксация" как равнозначные, равнозначные.

Изучение безаффиксного способа словообразования на диалектном материале только начинается.<sup>9</sup>

Цель настоящей статьи - проанализировать имена прилагательные, образованные безаффиксным способом в говорах Карелии и сопредельных областей, и выявить черты сходства и различия в их образовании между говорами и литературным языком. Материал для анализа выбран из КСРГК, а также собран самим автором в полевых условиях (более 360 слов). Анализируются качественные (их большинство), относительные (немногочисленные) и притяжательные (единичные) прилагательные, образованные при помощи "нулевого" суффикса в чистом виде" и в сопровождении других способов словообразования.

Нулевая суффиксация широко используется в диалектной речи при образовании прилагательных 1) суффиксальным и 2) префиксально-суффиксальным способами при помощи нулевого суффикса.

Рассмотрим подробнее каждую из этих групп.

1. Наиболее значительно количество сложных прилагательных с нулевым суффиксом, имеющих ведущую опорную непроизводную ос-

<sup>6</sup> Зверев А.Д. Бессуффиксные прилагательные в восточнославянских языках. Черновцы, 1970.

<sup>7</sup> Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке. - Иностранные языки в школе, 1954, № 3, с. 21.

<sup>8</sup> Кубрикова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. - Вопросы языкознания, 1974, № 5, с. 70-72.

<sup>9</sup> Немченко В.Н. О нулевой аффиксации в системе словообразования имен прилагательных в говорах русских старожилов Прибалтики. - Диалектологическая конференция по изучению русских говоров Прибалтики. Кэрику. 23-25 сент.: Тезисы докладов. Тарту, 1968, с. 14-15; Пантелеева Е.М. Имена существительные общего рода: (На материале Томской и Кемеровской областей). - В кн.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 84.

нову имени существительного, известную в литературном языке. Прилагательные имеют значение: 'обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения'. В качестве первой основы в сложных прилагательных выступают основы разных частей речи (прилагательных, глаголов, существительных, числительных): высоконосый 'гордый', востроголовый 'озорной', черноголовый 'смуглый от загара'; вертоголовый 'подвижный', граборукий 'неловкий в движениях'; домоносый 'длинноносый', маслоглазый 'хитрый'; однобокий 'кособокий'. Единичны сложные имена прилагательные с тремя производящими непроизводными основами: краснобелолицый, чернобелолицый.

Прилагательные с простой основой в подавляющем большинстве образованы от непроизводных, в большинстве общенародных основ имен существительных: жарый 'дакший тепло', ср. жар 'тепло', костый 'худощавый', гажий 'змеиний (о месте)', ср. гаж 'змей', осиний 'осиновый (о лесе)', ср. осина, вдовий (о доме), многообразований от непроизводных основ глагола: прихожий 'приходящий, непостоянный', ср. приходить, закутый 'закрытый'; ср. закутать 'закрыть', справый 'зажиточный', ср. оправить 'приобрести что-н.'; немного отмечено прилагательных с производящими наречными основами, производными и непроизводными: никудый 'плохой', ср. никуды 'никуда', тутый 'здесьний', ср. тут, сегодняшний 'нынешний'. Прилагательные с производными производящими основами имен существительных, глаголов, наречий редки, некоторые из них - основы сложных имен существительных, например: вертополохий 'болтливый', ср. вертополох 'болтун', худумный 'сварливый', ср. худоум 'сварливый человек'; отмелый 'мелкий', ср. отмель, съезжий 'приезжий', навекий 'вечный', ср. навеки.

2. В префиксально-суффиксальных образованиях в качестве производящей основы более активна непроизводная основа имени существительного, известная литературному языку с приставкой без- бес- со значением 'лишенный того, что названо мотивирующим словом', например: бесспорный 'быстро тащий, о сахаре', беспрокий 'беспомощный', безрукий 'неловкий', бескорый 'о хлебе', безрабочий 'безработный' и др.

В вышенаズванных способах образования прилагательных преобладают в качестве производящих основы общенародные над диалектными, но в говорах они более свободно сочетаются со словообразующими суффиксами, в результате появляются слова, употребляемые только в диалектной речи: компаний (ср. в лит. компанейский), леноий (ср. в лит. ленивый), забочий (ср. в лит. заботливый), просторий (ср. в лит. просторный), нуждний (ср. в лит. нуждакийся), гарий (ср. в лит. горелый), кубой (ср. в лит. круглый), скоросный (ср. в лит. быстрый), вереский (ср. в лит. жестокий 'грубый - о ткани'), ласкословый (ср. в лит. ласковый), крутоумый (ср. в лит. упрямый), большедырый (ср. в лит. прожорливый), худоумый (ср. в лит. злой), худоязыкий (ср. в лит. картавый) и др.

Значительно в русских говорах и число прилагательных, образованных при помощи нулевого суффикса от собственно диалектных основ существительных: вёдрый 'ясный, солнечный', ср. вёдро 'хорошая погода', рямзый 1 'боевой, озорной', ср. рямза 'озорник', рямзый 2 'ленивый', ср. рямза 'лентяй', рофкаль 'неспелый (о ягодах)', ср. рофкаль 'незрелая ягода', звеной 'маленький', ср. звено 'крошка, малыш', мухорнй 'неряшливый', ср. мухор 'неряха', пихкой 'труднопроходимый (о лесе)', ср. пихка 'чаша, густой лес'. Сложные же прилагательные в большинстве своем образованы от основ общенародных, а собственно диалектные основы единичны, причем это первые основы: басколиций 'красивый', ср. баской 'красивый', чалногий 'тонконогий', ср. чалнй 'тонкий, худощавый', шимволосый 'растрапанный', ср. шими/хими 'волосы'. Префиксальные прилагательные + "нулевой суффикс" мотивированы общенародными основами: заглубний 'глубокий', бесперный, бесстужий 'неустойчивый (о погоде)' и др.

Прилагательные, мотивированные компаративами, также употребляются в диалектной речи исследуемых русских говоров. Они сохраняют присущее мотивирующему слову значение сравнения: больше-больший, а такие, как старший, младший, худый, имеют значение 'высшей степени проявления признака'. При образовании имени прилагательного финаль -е компаратива "отсекается": позже - позжий 1 'поздний, последний (об автобусе)'; 2) 'младший (о человеке)'.

Образование имен прилагательных с помощью нулевой супфиксации сопровождается другими изменениями в слове, а именно: чередованием согласных в основе по твердости/мягкости: болезнь—болезный; чередованием д/ж, т/ч: погода-погожий, по пути-получий; отсечением финали производящей основы: иотинистий.

Ударение или совпадает с ударным слогом производящего слова, опорой основы сложного слова (бáйный, ср. бáйна; миллионéрский, ср. миллионéр; куютоумый ‘уряжмай’, ср. ум), или передвигается в начало или конец слова (вéсний ‘весенний’, ср. веснá, зíмий ‘зимний’, ср. зимá, заднеголовый ‘высокомерный’, ср. головá, вороный ‘иссиня-черный’, ср. вóрон и др.).

В диалектной речи производные с нулевым суффиксом употребляются параллельно с суффиксальными образованиями: желтóй и желтотéльный ‘смуглый от загара’, полнокровный и полнокровный ‘крепкий, здоровый’, высоконравий и высоконравий ‘высокомерный’, тверезый и тверезый ‘трезвый’ и др.

Таким образом, нулевая суффиксация широко используется в образовании имен прилагательных в русских говорах. Ведущей образующей основой является общенародная непроизводная основа имени существительного, опорная основа имени существительного в сложном слове. Собственно диалектные основы активно участвуют в образовании прилагательных с простой основой. Реже употребляются в качестве производящих глагольные основы и основы имени прилагательного, и совсем немного производящих наречных основ и имени чиолительного. Основы числительного и прилагательного актины как первые основы в сложных словах.

В диалектной речи нулевая суффиксация особенно часто используется при образовании сложных имен прилагательных суффиксально-сложным способом: ляпконосый ‘о человеке с приплюснутым носом’, пестророжий ‘веснушчатый’, мокротубый ‘пьяный’, сухогорлый ‘о человеке с плохим аппетитом’, слизкожазыкий ‘лживый’.

Образование имен прилагательных при помощи нулевой суффиксации в диалектной речи осуществляется по тем же законам, что и в литературном языке. Среди производных преобладают разряды качественных имен прилагательных, единичные примеры соста-

вляют производные с относительным и притяжательным значением. Особенным является характер словообразовательных отношений между производящей и производной основами, иная сочетаемость словообразовательных компонентов в диалектной речи: глуховоротный 'о платье с глухим воротом', четвероугольный (лит. четырехугольный). Безаффиксных образований в говорах больше, чем в литературном языке, от литературных слов они отличаются как по структуре, так и по семантике: подхожий 'умеющий ладить с людьми', ядроглазый 'о человеке о большими глазами', сороκоумый 'нестоящий, нестойкий (о человеке)', хитроумный 'сложный (об узора)'.

В отличие от литературного языка в диалектной речи нулевая суффиксация продуктивна.

Ю.И.Чайкина

НАЗВАНИЯ ЛИП ПО РЕМЕСЛУ И ЗАНЯТИЯМ  
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ РУССКОГО СЕВЕРА XVI-XVII вв.  
(на материале приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского  
и Спасо-Прилуцкого монастырей)

В последние десятилетия внимание языковедов все более привлекает деловая письменность среднерусского периода. Вызывает значительный интерес историко-стилистический аспект изучения деловых источников, не менее перспективно исследование их со стороны лингвистической содержательности и информационности.<sup>1</sup> Не утратило актуальности изучение деловой письменности XVI-XVII вв. и с точки зрения отражения в ней особенностей народно-диалектной части, поскольку, по словам В.В.Виноградова, "письменно-деловая речь... одним краем касается литературного языка, а другим уходит в гущу народно-разговорной диалектной

<sup>1</sup> Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV-XVII вв.: Автореф. докт. дис. М., 1980; Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

речи".<sup>2</sup> Исследование деловых документов XVI-XVII вв. в плане отражения в них особенностей диалектной речи дает возможность затронуть многие нерешенные вопросы истории русского языка, и в частности вопрос о диалектном членении языка великорусской народности.

По мнению историков, в XVI-XVII вв. в Русском государстве наблюдаются значительные экономические сдвиги, активно развиваются и укрепляются ремесла и промыслы. Отличительной особенностью ремесла в этот период явилась "его большая дробность, наличие в нем очень мелких специальностей".<sup>3</sup> Расцвет промыслов и ремесел, появление новых, сравнительно узких специальностей не могли не отразиться на словарном составе русского языка данного периода. Бурное развитие производительных сил способствовало активному формированию общерусских и локальных инноваций.

Деловой язык являлся одной из функциональных разновидностей (стилей) народно-литературного языка.<sup>4</sup> Естественно, что обращение к активным источникам XVI-XVII вв. позволит пролить свет на процессы формирования русского литературного языка в начальный период его развития. Среди разных жанров деловой письменности наибольшей близостью к народно-диалектной речи отличаются хозяйствственные книги крупных вотчин (в том числе и монастырских).

Предметом настоящего исследования явилась профессиональная лексика – названия лиц, занятых в кузнечном, бочарном и строительном деле, – в хозяйственных приходо-расходных книгах XVI-XVII вв. северных монастырей – Спасо-Прилуцкого и Кирилло-Белозерского.

Человек, занятый кузнецким промыслом, не имел единого, устойчивого наименования. К названиям с более общим значением

<sup>2</sup> Виноградов В.В. Основные проблемы образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. III.

<sup>3</sup> Бахрушин С.В. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. – Научные труды, 1952, т. I, с. 29.

<sup>4</sup> Виноградов В.В. История русского литературного языка. – В кн.: Избранные труды. М., 1978, с. 106.

относились кузнец, прѣнныи маотерь и котельникъ. Самым активным является общеупотребительное слово кузнецъ: Зубил кузнецъ 34 серпы, дали от дела 5 алт. (РПП, 1585 г. - ВЖК, I, 29); Дѣлал Ферапонтовский кузнец Ивашко Пухта 20 коо горбуш (РК-БМ, 1605 г. - Ник.). Кузнец - восточнославянское образование, И.И. Срезневский фиксирует его в памятниках XI в. (Срезневский, I, 1360). Особая группировка мастеровых-кузнецов существовала в Киеве в XII в.<sup>5</sup> Значение устойчивого сочетания прѣнныи мастеръ близко слову кузнецъ. В ряде случаев данные термины отождествлялись: Тотемские ооли посатѣкой человек прѣнной мастеръ кузнецъ Купрѣян Дмитреев сын Рохлецов дал вкладу 5 руб. денег (ПС-ЛМ, 1577 г. - ВЖК, II, 292). Котельникъ в значении 'кузнец' употребляется эпизодически, последовательнее все же это слово выступает в значении 'работник, который делает иличинит котлы': Ширяю Котельнику дал от подѣлки пол полтины, подѣлал котелъ большой квасной. Михалку кузнецу от дѣла 4-х терпугов дал 4 деньги (РК-БМ, 1567 г., л.12 об. - Ник.). Вместе с тем различие в семантике этих слов в ряде контекстов отирается. Ср., например: Два казака з белозерским кузнецомъ подѣливали котелъ ... квасной (РК-БМ, 1581 г., л.19. - Ник.). Об отсутствии в среднерусский период четкого профессионального различия между кузнецами и котельниками писали историки и языковеды.<sup>6</sup> В документах Кирилло-Белозорского монастыря данный термин выступает в двух вариантах - котельникъ и котельный: Попку Котельнику (РК-БМ, 1603 г., л.50 об. - Ник.), Попку Котельному (там же, л.109). Примечательно, что название человека по профессии в данном случае обнаруживает тенденцию к переходу в прошвшое фамильное именование.

5 З а к у п р а И.А. Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV-XVI вв. (строительное дело и ремесло). Канд. дис. (машинопись). Киев, 1973, с.71.

6 «Часто в расходных документах кузнецы числились котельниками» (К о л е с н и к о в П.А. Город Тотьма в XVII в. Канд. дис. (машинопись). М., 1965, с.298). См. о том же: К о т к о в С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVII вв. М., 1970, с.230.

В XVI–XVII вв. уже существовала узкая дифференциация кузнецного труда. Рядом с названиями кузнечь, бронный мастеръ в исследуемых документах употребляются лексемы дульщикъ, домщикъ, дмечъ, поковщикъ, молотникъ, гвоздарь, причем степень активности этих терминов в расходных книгах монастырей не была одинаковой.

Названия дульщикъ, домщикъ, дмечъ не различались семантически, все они обозначали 'раздувальщика мехов в кузнице'. Варьировались эти термины территориально: дульщикъ, домщикъ отмечены в документах Спасо-Прилуцкого монастыря, дмечъ – в хозяйственных книгах Кирилло-Белозерского: Дано Федоту Яковлеву кузнечу три рубля денегъ, дано Палки дулщику два рубля денегъ, дано Осипу дулщику два рубля денег (ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф.512, оп.1, № 42, л.112 об.); Дан домщику кузнишному Галкѣ въ годовой наемъ пят(ъ) алтын (ПРС-ПМ № 30, 32 об., 1605 г. – Сл.РЯ XI–XVII, 6, 313); Митъка Волочянинъ дмечъ (РК-БМ, 1608 г.– Ник.); дмечъ Елка Губин, Петрушка Купринъ (Переписная кн. слуг Кир.-Бел.монастырь, 1697 г.– ПИБ, ф.351, № 82/1321, л.53).<sup>7</sup> Слово дмечъ – узкостное, оно не отмечено в памятниках письменности иных, кроме Кирилло-Белозерского, монастырей. Судя по материалам областных словарей, дмечъ известно лишь чепцовецким диалектам XIX в. в значении 'раздувальщик мехов в кузнице' (СРНГ, 8). Термин домщикъ в диалектах старорусского языка выступает в значении 'подсобный рабочий в кузнице', причем в Сл.РЯ XI–XVII вв. приводится единственная иллюстрация из хозяйственных книг начала XVII в. Спасо-Прилуцкого монастыря (6, 313). Полагаем, что у обоих терминов дмечъ и домщикъ значение 'раздувальщик мехов в кузнице' в диалектах среднерусского языка было уже вторичным. Первоначальное значение того и другого слова связано с железоделательным промыслом, с выплавкой железной руды в домницах. Дмечъ, домщикъ – 'человек, который дует крици в домницах' (Череп. у. – КСл.РЯ XI–XVII в.). Узкостной являлась и лекоема дульщикъ. Локальный характер ее

<sup>7</sup> См. также: ПРС-ПМ, 1612 г.– ГАВО, ф.512, оп.1, № 9, л. 63; ПРС-ПМ, 1615 г.– там же, № 45, л.82 об., и др.

подтверждается тем, что ни в исторических, ни в областных словарях она не значится.

Поковщикъ, по свидетельству Деля, в старицу имело значение 'кузнец' (III, 242). Исследуемые документы дают возможность установить более точное семантическое содержание данного слова. В расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря поковщикъ – это 'кузнечный работник, специализирующийся на ремонте цренов (металлических котлов, в которых варивали соль)'. Поковщикъ 'заковывал гвозди и полицы в црен': Заковали ·РГ· гвоздей дано ст кузла и с поковщиками семнадцать алтынъ (ПРС-ПМ, 1628г.- ГАВО, ф. 512, оп. I, № 29, л.7); Поковывали в казеной варнице црѣнь заковано двести гвоздей... да поковщикомъ дано на три дни двенацать члвком шесть алтынъ (ПРС-ПМ, 1638г.- ГАВО, ф. 512, оп. I, № 10, л.6 об.). В таком же значении данный термин фиксируется в документах Онежского Крестного монастыря: Кузнечу Федке за работу что он работал у моря на ямах црѣнов починивал... да дву члвком поковщикам дано двадцать алтын.<sup>8</sup>

'Работник с ручным молотом, молотобоец' обозначался лексемой молотникъ. Это слово частотно в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVII в.: молотнику Федору Шишову платил за молотычество за десять дней шесть алтын (РПП, 1695г.- ДП, 70); дано кузнишнымъ молотникамъ двумъ члвкамъ поденщины два алтына (ПРС-ПС, 1698 г.- ГАВО, ф. 512, оп. I, № 160, л.77 об.). В Словаре Даля молотник о пометой 'стар'. – 'помощник кузнеца, работник с ручным молотом, молотобоец' (II, 343). В том же значении это слово употреблялось в источниках Онежского Крестного монастыря: Да дву молотником что они у того же цреного кузла были в поковицах...<sup>9</sup> дано..., – а также в доку-

<sup>8</sup> Столбы из архива Онежского Крестного монастыря. – ЦГАДА, ф. 1195, оп.3, 1658. – Употреблялось это слово и в московской актовой письменности, однако контекст не дает возможности вскрыть его семантику: И которые посадские жь люди съ тягла вышли въ басманники, и въ Кадашево, и во псари, и въ станошники... и въ поковици... и тѣхъ всѣхъ свозити на старые ихъ посадокіе мѣста (Перепис. кн. онковых дел, 1648г. – КСЛ. РЯ XI-XVII вв.).

<sup>9</sup> А р х и в Онежского Крестного монастыря. – ЦГАДА, ф. 1195, оп. I, 1675.

ментах Устюжны, Ярославля и других городов.<sup>10</sup> В местных воло-  
годских источниках начала XVII в. отмечен вариативный термин  
молотчикъ: Молотчикомъ двѣмъ члкомъ дано наиму... . Въ рубля з  
гривною (ПРС-ПМ, 1612 г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 13, л.9); Око-  
вал на лоде около дерева жѣлезом обруч дал наиму и с молотчи-  
комъ кузнцу .<sup>11</sup> алтъ (там же, л.15). В хозяйственных книгах  
монастырей северо-западной зоны идентичное значение имел тер-  
мин молотовщикъ: У кузнца молотовщикъ (Список Софийских двор-  
цовых служителей 1576-1583 гг.);<sup>12</sup> молотовщикъ Аверка (Прихо-  
до-расх. кн. Волоколам. мон., 1606 г.- АК, 342).

‘Кузнец, делавшій гвозди’, имел название гвоздарь. В таком же значении это слово отмечено в Словаре Даля (I, 347). Данный термин регистрируется лишь в источниках Спасо-Прилуцкого монастыря: Дал Степичю гвоздарю 15 алт. оброку (РС-ПМ, 1567г. - ВХК, II, 299); Гвоздарю Гурью Григорьеву дано денежно-го жалованья... (Раоход. кн. Волог. архиерейского дома, 1663г. - Суворов, 95). Гвоздарь - широкоупотребительная в старорус-  
ском языке лексема, она зафиксирована в тверских, псковских, новгородских, холмогорских, устюженских, московских, волоко-  
ламских, суздальских, ярославских, костромских, вятских, ря-  
занских источниках.<sup>13</sup> В переславских актах в таком значении употреблялось однокоренное гвоздочникъ: В.Власко Семенов сын

<sup>10</sup> А р ц и х о в с к и й А.В. Новгородские ремесла. - В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. VI. Новгород, 1939, с.9.

<sup>11</sup> Г р е к о в Б.Д. Монастырское хозяйст. ХV-XVII вв. Л., 1924, с.157.

<sup>12</sup> Д о з о р на я книга г. Твери 1616 г. /Изд. Тверск. учен. комиссии. Тверь, 1890, с.25; П с к о в и его пригоро-  
ды, кн.2. - В кн.: Сборник Москов. архива Мин. юстиции, т. VI. М., 1914, с.205; П а м я т ь слугам Соловецкого монастыря, 1677г.- ДАИ-7, с.159; П р и х о д о - р а с х. кн. Холмо-  
горск. архиерейского дома, 1696 г.- ЛОИИ, ф. Арх. губ. канц., оп.3, № 16, л.124; П р и х о д о - р а с х. кн. Волоколамск. мон., 1573-1574 гг.- ЛОИИ, ф.284, № 1/2, л.120 об.; В ла-  
д и м и р с к и й сборник: Материалы для статистики, истории и археологии Владимирской губ. М., 1857, с.183; Я р о с л а в-  
с к и е писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. - Труды Ярославск. учен. архивной комиссии, 1913, кн.6, вып.3, 4, с.153; О п и с ь дел Вятской земской избы, 1702 г.- Тру-  
ды Вятской комиссии, 1912, вып.1, с.239.

гвоздочник (Вып. 1519 – АФХЗ I, № 23), в тульских <sup>13</sup> гвоздиль-  
ничь. <sup>13</sup> Лексема гвоздарь активна в языке XVI в., <sup>14</sup> входит в  
словарный состав современного литературного языка (ССРЛН, 3).  
Помимо русского языка известна польскому. <sup>15</sup>

В деловой письменности XVI–XVII вв. ‘мастер, изготавливающий  
бочки’ обозначался лексемами бочарник, бочар, бондарь, бочеч-  
ник (бочесник), бочечкарь, бочкарь и др. <sup>16</sup> Первые три термина  
являлись наиболее употребительными. Слово бочарникъ, по свиде-  
тельству С.И.Коткова, в XVI в. имело широкое распространение и  
к локальным не относилось. <sup>17</sup> Н.Д.Чечулин отмечает его в пись-  
менных источниках XVI в. ряда городов Московского государства –  
Корела, Ладога, Орешек, Устюжна, Коломна, Можайские, Казани и  
др. <sup>18</sup> В словарях Срезневского, Кочина, Двернана, Даля оно от-  
сутствует. Лексема бондарь (от бодня ‘бочка’) фиксируется с  
XVI в. В период формирования терминологии национального рус-  
ского языка слово бочарник вытесняется лексемой бондарь. <sup>19</sup> Ши-  
рокое распространение в среднерусский период имело и слово бо-  
чаръ (новгородские, московские, холмогорские, курские и др.  
говоры). <sup>20</sup> В исследуемых монастырских хозяйственных книгах эти

<sup>13</sup> Шеглова Н.А. Названия “сквозных” профессий с  
оуф. – ник (–ник) в терминологии оружейного дела XVI–XVII вв. –  
В кн.: Вопросы истории русского языка, вып.41. Новосибирск,  
1971, с.31.

<sup>14</sup> Словарь Академии Российской, по азбучному по-  
рядку расположенный, ч. I–VI. СПб., 1806–1822.

<sup>15</sup> Польско-русский словарь / Под ред. М.Ф.  
Розводовского. М., 1960.

<sup>16</sup> Елезнева Р.В. Словообразовательно-этимологи-  
ческая характеристика слов бочар – бочкарь – бод-  
нарь – бондарь в русском языке. – В кн.: Этимологические ис-  
следования по русскому языку, вып. III. М.. 1976, с.72–81.

<sup>17</sup> Котков С.И. Очерки по лексике ... с.220.

<sup>18</sup> Чечулин Н.Д. Города Московского государства  
XVI в. СПб., 1889, с.52, 68, 171, 226.

<sup>19</sup> Закупра Е.А. Номинация лиц по профессии...  
с.156.

<sup>20</sup> Челобитная иноземца Л.Семенова, 1647 г.– АЮ,  
№ 41; Кн. Иверского Валдайского мон., 1662 г.– ЛОИИ, Ф. 181,  
оп. 2, № 22; Кн. приходо-расх. Холмогорск, архиерейского дома.  
1692–1695 гг. – ЛОИИ, к. II, № 102, л. 80 с.3. Котков С.И.  
Очерки по лексике... с.232; Словарь Академии Российской.  
ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

общеупотребительные лексемы не отмечены. Сошлёмся на единичное, пожалуй, употребление слова бочарник: Дал бочарнику от набоя от бочекъ и от чанов... сорок алтын денег (ПРС-ПМ, 1633 г.- ДП, 4). 'Рабстник, изготавляющий бочки', обозначался в местных документах терминами бочкарь и тшанникъ. Бочкарь частотно в источниках Кирилло-Белозерского монастыря: Дружинко бочкарь, Гордѣй бочкарь (РК-БМ, 1605 г.- Ник.); Да... ниже воротъ анбаръ... а в немъ делаютъ бочкари [бочки] (Переписи. кн. Кир.-Бел. мон., 1601 г.- ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л.376); Отущенъ в лѣсъ обручей сбѣчъ бочкарь (ПРК-БМ, ХУП в.- ГПБ, да, А I № 18, л.611). В источниках Спасо-Прилуцкого монастыря не фиксируется, лишь в хозяйственных книгах Вологодского архиерейского дома отмечен вариант бочкарь: Бочкарь Ларке Прокофьеву на шесть бочек пивных дубовых семидесят пят обручей наложил дано полтора рубли (1664 г.- ГАВО, ф. 883, оп.1, № 38, л.4). Судя по материалам картотеки Сл.РЯ XI-XVII вв., слово бочкарь в среднерусский период имело ограниченный ареал и охватывало северно-восточную диалектную зону, поскольку бытовало в московских, владимирских, ярославских, нижегородских, арзамасских актах.<sup>21</sup> Современные говоры дают тот же ареал (СРНГ, 3, 142). Тшаникъ (варианты тчаникъ, чаникъ, шаникъ) -узкоместная лексема, регистрируемая по преимуществу в документах Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского монастырей, а также в таможенных книгах Устюга Великого: Ивану тшанику дан пуд соли (ПРС-ПМ, 1624 г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 24); Да Новые Ерги тшаникъ Дмитрий Максимовъ да Елизарова Раменъя Давыдъ Кирсановъ дѣлалъ ... тшанов (Кн. большого строителя Кир.-Бел. мон., 1646 г.- ГАЛО, ф. 251, оп.1, № 250, л.46); С обѣда стали на дѣло тшаники села Яргомжа (ПРК-БМ, XVII в.- ГПБ, ф. да, А I № 18, л.76).

<sup>21</sup> Доклады и приговоры, состоявшиеся в Сенате, 1714 г. /Изд.АН, т. IV. ГПБ, 1901, с.663, 814, 816; Влаади-мировский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губ. М., 1857, о.145; Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные кни-ги XVII в., с.105; Писцовая и переписная книга XVII в. по Н.-Новгороду. - РИБ, 1898, т.17, с. 170; Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон., 1606 г. - АЕ, с.368.

В картотеках Сл.РЯ XI—XVII вв. и СРНГ этого слова отсутствует, в словаре Даля и областных не отмечено.

Значительное число названий лиц по профессии относилось к строительному делу. 'Строитель сооружений из камня и кирпича' обозначался общерусским словом каменщикъ или словосочетанием каменного дела мастеръ: Каменщики дѣлали предъ щегуншою лесницу и кѣлью служебную каменную (РК-БМ, 1608 г., л.50 - Ник.); Платил каменщикамъ что дѣлали каменное дѣло снимали мнестрскую стѣну что от рѣке в... из Водяной башни (ПРС-ЛМ, 1674г. - ГАВО, ф. 512, сп. I, № 73, л.71); Старецъ Влаоей дал церковного каменного дела мастеру Тимофею наиму 12 руб. денег (ПРС-ЛМ, 1588г.-ВХК, п. 309).<sup>22</sup>

‘Работник, изготавлияший кирпичи’ в исследуемых документах назывался кирпичник и кирпичникъ: Сверх того дано имъ кирпичникомъ... за тысячу... цена за сто кирпичей по два алтина по пяти денегъ (ИРС-1М, 1653 г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 42, л.54 об.); Кирпичники Федор Лыко с товарищи здѣлали двѣ пѣчи кирпичю (РК-БМ, 1581 г. л.12 об.- Ник.); Старец Феодосей чаймывалъ бѣлоозерских кирпичниковъ Ортишу Ильина с товарищи рѣзали ·б. кирпичу... от тысячи дано по .К. алтынъ (ПРК-БМ, 1614г. -ЛОИИ, ф. 260, оп.1, № 40, л.31).<sup>23</sup> По мнению Э.А.Закутири, термин кирпичник возник в языке великорусской народности.<sup>24</sup> Кирпичник – общерусское слово, оно отмечено в актах Волоколамского монастыря, ялановеликорусской письменности.<sup>25</sup> Кирпичник регистрируется в источниках ряда северных монастырей, в деловой письменности таких городов, как Белоозеро, Каргополь, Вологда.

22 См. также: РС-ИМ, 1576 г.- ВХК, II, 297; ПРС-ИМ, 1653 г. - ГАВО, ф. 512, оп. I, № 42, л. 152; ПРС-ИМ, 1655 г. - ГАВО, ф. 512, оп. I, № 45, л. 193 об.; ПРС-ИМ, XVIII в. - ГАВО, № 24.

23 См. также: РС-ЛМ, 1576 г. - ВХК, II, 306; ПРС-ЛМ, 1653 г. - ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 42, л. 112; ПРС-ЛМ, 1655 г. - ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 45, л. 195, об.; ПРС-ЛМ, 1671 г. - ГАВО, № 73, л. 68.

24 Закупра Ж.А. Номинация лиц по профессии ...  
с.47.

25 Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон. 1606г.  
- АЕ, 359; Котков С.И. Очерки по лексике... с.215.

в новгородских памятниках.<sup>26</sup> А.И.Соболевский считает его севернорусским диалектизмом.<sup>27</sup>

К лексике строительного дела относились еще творильщик и подъмщик. Творильщик - 'рабочий, замешивавший в творилах известь' (творило 'деревянный поддон под ушатом с водою' (Шени.) - Годвисский, 171). Этот термин отмечен в расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: Того ж дни дал от ...стенного дѣла творильщикомъ и от кирпичной носки робятомъ что носянъ и дѣлу мастеромъ (1623 г. - ГАВО, ф. 512, оп. I, № 42, л.152).<sup>28</sup> В таком же значении употребляется он в московской письменности среднерусского периода: Наемными каменщики и подъмщики и творильщики.<sup>29</sup> Подъмщик (варианты подъмщикъ и подъмтицъ) 'работник, поднимавший или переносящий что-либо, грузчик' отмечено в актах Кирилло-Белозерского и соседнего с ним Новозерского монастырей: От того жъ каменного дѣла подъмщикомъ сельскому хрестьянемъ дано... (Кн. большого строителя Кирилло-Бел. мон., 1646 - 1648 гг.- ГАМО, ф.251, оп. I, № 250, л.18); Сколько раз дано в наймы денег работникамъ у церковного каменного дѣла были в подъмщикахъ (Приходо-расх. кн. Новозерск. мон., 1685г. - ЛОИИ, к.115, № 662, л.438). Подъмщик - название профессии, связанной не только с каменным делом. Подъмщик (подъмщикъ) 'грузчик' отмечено в книгах оловяного промысла: Дали веску и подъмщиком рубль денег (Приходо-расх. кн. Холмогорск. торга, 1549г.- ВХК, I, 125). Ср. также: В таможне казаком подъмщиком мед вѣсили дал гривну от того ж меду (РК-БМ, 1568г., л.22 об.- Ник.). В актовой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря данный термин не упо-

26 Писовые и дозорные кн. г.Белозера, 1618 г. - ГИБ, ф.351, № 79/1318, л.9; Переписная кн. г.Каргополя, 1712 г.- ЛОИИ, к.115, оп. I, № 305, л.23; Выпой из новгородск. писц. кн. - В кн.: Грееков Б.Д. Монастырское хозяйство... с.155 и др.

27 Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с.106.

28 См. также: Рах; кн.Сп.-Прилуц. мон., 1655 г. - ГАВС, ф.512, оп. I, № 45, л.27, 106.

29 Материалы для истории, археологии и статистики г.Москвы /Собр. И.Е.Забелиным, ч.1-2. М., 1884-1889, с.563.

треблялся. Слово подмыщикъ последовательно заменяется слово-сочетанием подъемный казакъ (Да они же взяли у казначея ... 5 руб. на подъемные казаки и на харч - 1585г., ВХК, I, 57) или описательными оборотами типа "робята, кои носять к каматиному дѣлу мастеромъ кирпич и изгѣсть" (ПРС-ПМ, 1655 г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 45, л.27), "робята от кирпичной извѣсной носки" (ПРС-ПМ, 1653г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 42, л.152).

Не имел единого, общего названия работник, который клал и ремонтировал печи. В документах Кирилло-Белозерского монастыря он обозначался словом печкарь, в источниках Спасо-Прилуцкого - кирпичникъ, печемаз и извѣстный мастеръ, в памятниках Вологодского архиерейского дома - каменщикъ: Печкарю Бычку за шубу дал 10 алтынъ (РК-БМ, 1581 г. - Ник.); Фома дечкарь (РК-БМ, 1605 г. - Ник.); На дворѣ работникъ печкарь Яким Федоровъ (Опись подмонастыр. слободы Кир.-Бел. мон., 1710 г.-ГПБ, ф.351, № 113/1348, л.17); Дал кирпичником чте дѣлали пич про митрополи обиход галячаномъ пять рублей (ПРС-ПМ, 1655 г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 45, л.21); Печемазу старцу Варламу дал 2 руб. и 6 алтынъ (ПРС-ПМ, 1578 г. - ВХК, II, 299); Дано извѣсному мастеру Ивану Гаврилову сну Кастину от четырех печей от кладки и от обжегу по полтора рубля (ПРС-ПМ, 1653 г.- ГАВО, ф.512, оп.1, № 42, л.139); Каменщику Афонасю Ларионову в по-покѣ кѣль печь клал да в полатных сънях и на крылѣ мостъ починивал и в нижней полатѣ... поды кирпичные настилал ... за работу сѣмнадцать алтынъ (Приходо-расх. кн. Вологод. архиерейского дома, 1664 г.- ГАВО, ф.883, оп.1, № 38, л.5 об.).<sup>30</sup> В памятниках других территорий слово печкарь 'печник' не регистрируется, но зато оно известно современным говорам северо-западной зоны - тверским ржевским, псковским себежским, великолукским, опочевским, островским, невельским, белозерским варшавским, бабаевским (КСРНГ). В северо-восточных архангельских не отмечено (Подвысоцкий). Печемаз и известный мастер в деловой письменности и известной нам лексикографической литературе не фиксируются.

<sup>30</sup> См. также: Приходо-расх. кн. Новозерск. мон., 1682 г. - ЛОИИ, к.115, № 662, л.7, 409; РК-БМ, 1581 г.. и др.

Подведем итоги.

1. Привлекенные к рассмотрению названия лиц по ремеслу позволяют выявить некоторые закономерности формирования профессиональной лексики в языке великорусской народности. В XVI–XVII вв. промысловая терминология отличалась крайней неупорядоченностью. Наряду с общерусскими словами (кузнецъ, бочарникъ, каменщикъ, кирпичникъ и др.), семантическое содержание которых не обладало четкостью и однозначностью, в словарном составе диалектных зон формировалось значительное количество местных инноваций, являвшихся названиями узких профессий (например, кузнечное дело – дмель, дульщикъ, домщикъ, молотникъ, поковщикъ, гвоздарь). В связи с тем, что в среднерусский период лицо получало название обычно по предмету, продукту труда, локальные различия этой лексики сводились в основном к специфике словообразовательных средств (аффиксов): молотникъ – молотчикъ – молотовщикъ, гвоздарь – гвоздочникъ – гвоздильникъ, кирпичникъ – кирпищикъ – кирличникъ, пекарь – печемазъ и др. В одной и той же диалектной зоне наблюдалась как избыточность инноваций, так и значительное варьирование. Ср., с одной стороны, молотникъ – молотчикъ, кирпичникъ – кирпищикъ, с другой – подъемщикъ – подымщикъ, тшаникъ – шаникъ – чаникъ и др.

2. Почти все рассмотренные названия лиц по ремеслу (молотникъ, молотовщикъ, дульщикъ, домщикъ, дмель, тшаникъ, бочарникъ, пекарь, печемазъ, творильщикъ, подымщикъ и др.). сформировались в среднерусский период, что свидетельствует не о нивелировании и отмирании, а об известном росте локальных особенностей в языке великорусской народности, причем не только в речи сельских жителей, но и населения, проживающего в городах и в особенности в чадомонастырских слободах, т.е. населенных пунктах полугородского типа.

3. Как подсказывают подсчеты, количество локальных инноваций в исследованных хозяйственных книгах неодинаково: в документах Кирилло-Белозерского монастыря 5 слов (дмель, бочкарь, тшаникъ, пекарь, подымщикъ), в источниках Спасо-Прилуцкого – 11 (дульщикъ, домщикъ, поковщикъ, молотникъ, молотчикъ, гвоздарь, тшаникъ, печемазъ, извѣстный мастеръ, кирпищикъ ‘печникъ’, творильщикъ). Это обстоятельство еще не говорит о том, что в

кирилловской диалектной зоне соответствующие узкие специальности не имели наименований. Локальные названия лиц по ремеслу, бесспорно, имелись, различия же в количественном составе и частотности их в письменной деловой речи объясняются разной степенью литературной обработанности хозяйственных книг. Судя по всему, степень литературной обработанности документов Кирилло-Белозерского монастыря была более высокой.

Г.В.Судаков

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ АКТАХ XVI-XVII вв.  
(названия рукавиц)

Богатые архивные собрания сохранившихся до наших дней памятников письменности второй половины XVI-XVII вв. и уже выполненные лексикологические описания части из них позволяют делать попытки воссоздания лингвистического ландшафта прошлого.

Ниже на материале архивов Вологды и Архангельска, картотеки ДРС и многочисленных публикаций текстов XVI-XVII вв., принадлежащих различным территориям Русского государства, анализируются названия рукавиц. Классификация этих названий по принципам наименования, этимология слов и сведения об их употребительности приводятся в статье В.Я.Дерягина.<sup>1</sup>

Очевидно, что в северорусских говорах набор слов, выражавших понятие "рукавица", богаче, чем в южнорусских. Однако уже в изучаемый период рукавицы использовались не только для защиты рук от холода, но являлись элементом рабочей одежды и даже использовались в парной бане. Об этом свидетельствуют многие факты, например: вологодских рукавиц дубленых на отраду выдал 12 (ГААО, ф. 829, оп.3, № 5, расх. кн. Богосл. м., л.31, 1597 г.); дано сторожам на рукавицы, в которых им съчь дрова (КДРС, кн. пр.-расх. моск. приказов -I, 1614-1619 гг.); 7 рукавиц солидных добрых цена 23 ал 2 де 12 рукавицы солидных

<sup>1</sup> Дерягин В.Я. Названия рукавиц в русском языке.— В кн.: Диалектная лексикология. 1973. Л., 1974, с.27-50.

отирков цена 6 алтъ (КЛРС, Астрах. акт., № 983, скл. 7, 1627 г.); даны рукавицы в хлебно... даны рукавицы на каменное дѣло (ГАВО, ф. 512, оп. I, № 45, пр.-расх. кн. С.-Прилупц. м., л. 179 об., 1671 г.); девятнадцатиры рукавицы ловецкие новые (ГАВО, ф. 883, № 59, оп. Ферапонт. м., л. 77 об., 1680 г.); велено купить верховым богомольцам въ банию... рукавицы съ вари-ти (Заб. I, 502, 1693 г.).

Всего в актах XVI-XVII вв. нами обнаружено 37 слов и их вариантов от 14 корней: вареги - варенги - варяги, вачеги, ве-зеницы - везяницы - вязеницы - вязяницы - везонки - везенки, верхи - верхницы - верхонки - верхоньки, голицы, дельницы, дея-ницы, дильницы - деяльницы, дубленицы - дубленки, исподки - исподницы, камошницы, надолонки, персницы - перстчатки - пер-стянки - перстяницы - перчатки, ровдужницы, рукав, рукавки - рукавцы, рукавицы - рукавиченки, шубницы.

К общерусским названиям в то время относились слова рукавицы, рукавки, вязаницы, голицы. Примыкает сюда по значению также общерусское слово рукав 'мубта из меха или плотной ткани для укрытия рук'.

Нестабильность фонетико-морфологического облика слова вя-заницы (vezenicy - vezonki - vязеницы - вязяницы - везяницы - везенки) объяснялась, вероятно, тем, что оно не относилось к числу основных специальных наименований, а чаще употреблялось как пояснительное, дополняющее и легко могло заменяться определением вязанье, поэтому, может быть, оно нечасто употребляется в текстах. Например: купил десятеры исподки вязяницы ку-шил трои исподки вареги вязаные (ГАВО, ф. 512, № 15, пр.-расх. кн. С.-Прилупц. м., л. 22, 1617 г.); даны рукавицы дубленые да везеницы новые... даны рукавицы дубленые с непотками вязанными (ГАВО, ф. 512, № 127, кн. выдачи рухляди вологод. арх., л. 20 об. - 21, 1683 г.).

Специфическим признаком слов голица и варега была их более частая употребительность в северных актах по сравнению с южнорусскими.<sup>2</sup> В Москве слово голица употреблялось одинаково

<sup>2</sup> К часто употребляемым относим слова, зафиксированные в актах данной территории не менее 10 раз не менее чем в трех документах, написанных разными письмами.

часто наряду со словом рукавица, наиболее ранние примеры его употребления тоже связаны с Москвой: Куплено в меньшую казну полтораста рукавиц галиц по осми алтын без дву денег десяток (КДРС, пр.-расх. кн. Волоколамск. м., № 6, л. 198 об., 1587-1588 гг.). Употребительность этого слова в говорах Москвы способствовала его закреплению в деловом языке Московского государства и расширению его употребления в южнорусских актах XVII в.<sup>3</sup> Самая ранняя фиксация слова вареги (варяги), по материалам картотеки ДРС, относится к 1551-1559 гг.: Княжим людем дал алтын две шапки с сукном дал гривну рукавиц варяги дал алтын (КДРС, кн. расх. арханг. Корельского м., № 935, л. 28 об.). Наиболее часто встречалось в В.Устюге, Тотьме, Сольвычегодске, на Ваге. Локальным явился вариант варенги, обнаруженный В.Я.Дерягиным в платяной книге Михайло-Архангельского монастыря за 1696 г.<sup>4</sup> и отмеченный в конце XIX в. в Тотемском у. в форме вареник (СРНГ, 4, с. 51).

Несомненно севернорусским явилось слово вачеги 'суконные рукавицы', представленное из славянских языков только в русском. Думается, что в пользу разного происхождения слов варега (от корня вар- (варить)) - по версии В.Я.Дерягина<sup>5</sup>) и вачега (из саам. va'tts, vä'ttsa 'рукавица' - Фасмер, I, с.280) говорит и разная территория их употребления в старорусский период: варега - общерусское, вачега - севернорусские говоры. Приведем примеры: куплено сукна аршинъ на вачеги (ГАВО, ф. 883, № 24, приходо-расх. кн., вологод. арх., л. 286 об., 1650 г.); портной швечик шыл работным людемъ два кавтана да трои вачеги (КДРС, арх. Онеж. Крест. м., 1661 г.), трои вачеги суконные (КДРС, дело патр. Никона, 398, К.-Белоз. м., 1676 г.). Слово отмечено также в текстах XVI-XVII вв., относящихся к Двинскому

<sup>3</sup> См. примеры: Котков С.И. Очерки по лексике южнорусской письменности XVI-XVIII вв. М., 1970, с.183.

<sup>4</sup> Дерягин В.Я. Указ. соч., с.49.

<sup>5</sup> Там же, с.48.

и Важскому уездам.<sup>6</sup> В настоящее время употребляется только в говорах северновеликорусского наречия (СРНГ, 4, с. 77-78), а также является профессиональным термином металлургов, обозначая грубые шерстяные рукавицы, используемые доменщиками при работе у печи.

В деловой письменности зафиксирован характерный для севернорусской территории обычай одновременного ношения двух пар рукавиц — нижних, вязаных, и верхних, кожаных или суконных.

Верхние рукавицы носили соответствующие названия: верхи, верхонки — верхоньки, верхнцы. Варианты названий были территориально распределены: верхи — Вологда, Архангельск; верхонки — верхоньки — Архангельск, Онега, Вага, южное Зауралье,<sup>7</sup> верхнцы — Архангельск, Вага, Вологда, Ярославль, В.Устюг, Сольвычегодск, Якутск. Наиболее употребительностью отличался вариант верхнцы. Самую раннюю фиксацию слова верхи в указанном значении обнаруживаем в приходо-расходной книге тотемского соляного промысла вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря за 1607 г.: купил старец Геронтий на Вологде трои рукавицы верхи ... купили старцу Павлу рукавицы верхи с исподками (ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 6, л. 93 об., 94 об.). Приведем примеры и о другими вариантами: шестеры рукавицы навгородская . верхнцы (КДРС, кн. расх. Корел. м., № 937, л. 62 об., 1560-1563 гг.); 10-ры рукавицы верхнцы 10 алт... рукавицы верхонки 5 д (ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л. 14, об., 17, расх. кн. Богосл. м. 1597 г.); купил рукавицы себе старец Иосиф верхнцы и с исподками... купили старцу Деонисею рукавицы верхнцы и с исподки (ГАВО, ф. 512, № 17, пр.-расх. кн. вычегод. промысла С.-Прилуцк. м., л. 16, 1615 г.); девятеры дьяницы да верхонки дал 23 алтина 2 де (КДРС, расх. кн. Свир. м., № 160, л. 56 об., 1615-1631 гг.); рукавицы верхнцы барановые (Шляпин, 809, 1668 г., В.Устюг); У него ж, Ивана, куплены шестеры верхоньки с исподками (КДРС, арх. Онеж. Крестн. м., 1673 г.); колмогорской покушки пятдесят

<sup>6</sup> Там же, с.37.

<sup>7</sup> Вражников Н.Н. Исследование в области лексики южного Зауралья по данным деловой письменности XVII-XVIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1971, с.10.

варегъ тритцать семеры верхницы уръковые (КЛРС, акты Холмогор. тамож. избы, № 847, 1647 г.). Современная география анализируемых слов также исключительно северорусская (СРНГ, 4, с. 162, 168-169). Не зафиксировано в говорах только слово верхни в указанном значении.

Северорусским являлось в изучаемый период слово исподки 'нижние рукавицы', надеваемые под другие, верхние' (Сл. РЯ XI-XVII вв., 6, с.277), см. примеры: а грабежем с меня сорвали... рукавицы ровдужы на исподках новые (АХУ-III, 165, явка, 1634 г., В. Устяг. у.); Генваря в 9 день дано испотьки новые под рукавицы волччи (Шляпин, 231, 1668 г., В.Устяг). Наиболее употребительно слово было в Архангельске, Вологде, В.Устяге и Сольвычегодске, отмечено также в актах Баги, Олонца и южного Зауралья.<sup>8</sup>

Слова исподка и верхница обозначали в северорусских актах не только понятие "рукавица", но называли также нательную одежду, причем, по нашим данным, и в этих значениях слова тоже принадлежали к северорусским диалектизмам: А въ коробье, государь, было... двадцать рубашекъ мускихъ и женскихъ исподокъ и верхница, цѣна восмь рублей (АХУ-III, 153, явка, 1633 г., В. Устяг. у.); пропало у меня сироты з двора с сараем с шеста две рубашки мужская да женская... тое свою женскую испотку познала на неи Кунаве Игнатеве жене и почала еи говорить что моя рубашка (ГАВО, ф. 1260, оп.7, 42, чел. 1662 г., Вологод. у.). Кстати, слово исподка 'нижняя рубашка' отсутствует в Сл.РЯ XI-XVII вв.. Попытку предупредить двусмысленность, порождаемую многозначностью слова, наблюдаем в следующем примере: того же дни купил тринатцатери исподки рукавицких дал тринатцат алтын дитъ (ГАВО, ф. 512, № 39, л. 10 об., пр.-расх. кн. С.-Прилуцк. м., 1652 г.). Данный пример позволяет предположить, что исподки могли употребляться и как внутренняя, пришиваемая к кожаной или суконной оболочке часть рукавиц.

Вариант исподница отмечен всего один раз в явочной челобитной из Тарногского Городка: вынесъ изъ избы... шапку вер-

<sup>8</sup> Примеры из южноуральских текстов см.: Бражников-ва Н.Н. Указ. соч., с.10.

шекъ кострышкой, черной, подкладъ овчинной, да рукавицы барановые съ исподници съ вареги (АХУ-4, 777, язка 1673 г., В.-Усткг. у.).

К названиям рукавиц В.Я.Дерягин отнес и форму исподы в следующем примере: Он же взял... рукавицы и с исподами шна 4 ал (кн. казен. товаров Нертоминского м. 1686-1687 гг.).<sup>9</sup> Однако здесь, на наш взгляд, слово исподы означает внутреннюю, пришитую к верхней оболочке часть рукавиц или 'изнаночную сторону одежды, подкладку' (Сл. РЯ XI-XVII вв., 6, с.276). Думать так позволяют и соображения лингвогеографического характера: исподки, исподницы 'нижние рукавицы' свойственны были только северорусским говорам, испод 'изнаночная сторона, подкладка' - явление общерусского распространения, таким же является и форма исподы в выражении рукавицы с исподами, см. пример из московской грамоты: Били нам челом смольяния посацкие торговые люди ... чтоб нам их ложаловати велети из Смоленска с товаром торговати пропустити в Литву, а товару де у них... 2000 рукавиц с исподами, да у Дорошки к товару 1200 рукавиц с исподами да 500 ирх шубных (Русско-белорусские связи, Минск, 1963, с.60, гр. из Казен. приказа 1604 г.).

На северорусской территории употреблялись слова деляницы (с 1578 г.), дельницы (с 1670 г.), демльницы (с 1687 г.) - дияльницы (с 1631 г.). Первая фиксация слова деляница относится к 1578 г.: да купил деляницу дал алтынь (Карт. ДРС, пр.-расх. кн. Ант.-Сийского м., № 1, л.79 об.); для остальных слов первые употребления приводит Сл. РЯ XI-XVII вв. (т.4).

Слово деляница - наиболее употребительное в этом списке, оно было представлено в актах Свирского и Иверского Валдайского монастырей, в таможенных книгах Тихвинского монастыря, а также в актах Пскова и Двинского у., например: дано деляничнику наиму от вязяни деляниц 14 алтынь (КДРС, кн. расх. Свирск. м., № 160, л.22 об., 1615-1631 гг.); Куплены... двои рукавицы бораны и з деляницами братии (КДРС, кн. старорусск. сол. промысла Иверского Валд. м., № 22, лл. 126 об. - 127, 1622 г.); явиль тифинец Данило Куколской товару... салоги да деляницы да зи-

<sup>9</sup> Д е р я г и н В.Я. Указ. соч., с.35.

пун (КДРС, там. кн. Тихвин. м., № 355, л. 36 об., 1624 г.); сняли съ него... рукавицы съ деяницами (Псков. губ. вед., 1845 г., чал., 1671 г., Псков); рукавицы перстнаты дъяницы (Финне, 90, Псков, 1607 г.).

По первоначальному району бытования слово деяница можно считать новгородско-псковским диалектизмом, распространившимся с течением времени на путях новгородской колонизации Севера, что подтверждается и современной географией этого слова (СРНГ, 7, с.342, 347; КСРГК).

Слово дельница, по данным КДРС, зафиксировано только в приходо-расходных книгах Онежского Крестного монастыря за 1670 и 1682 гг., например: да Василью Гладкому продано двои салоги из целые красные верхницы да девницы (КДРС).

Деяльница - дияльница отмечено в актах Свирского и Архангельского Пертоминского монастырей (Сл. РЯ XI-XVII вв., 4, с.240-241), т.е. там же, где употреблялись слова деяница и девница.

Несомненно северорусским следует признать и малочастотные варианты дубленцы - дубленки 'рукавицы из дубленой кожи'. Один пример со словом дубленцы из приходо-расходных книг Соловецкого монастыря за 1670 г. привел В.Я.Дерягин,<sup>10</sup> вот еще одна иллюстрация: Тотемец Иван Трубников продал... бумаги, рукавицы дубленцы, икры... (ТК, МГ III, 620, Тотьма, 1676-1677 г.). Пока не отмечен в литературе и не представлен в КДРС вариант дубленки, употребленный в расходной книге Николаевской Мокрой пустыни (Вологод. у.); да он же Антипа дѣлал семнацаты рука-вицы дубленки дано от дѣла пят алтын (ВОКМ, № 2199, л. 5 об.). Возникнув и сохранившись на севере, слово распространилось и за Урал: в XVII в. оно отмечено в южном Зауралье,<sup>11</sup> в нали дни - в средней части бассейна р.Оби.<sup>12</sup>

Не отмечено в литературе и не учтено картотекой ДРС северорусское слово камошница 'рукавицы из камасов (шкур с

<sup>10</sup> Там же, с.41.

<sup>11</sup> Бражникова Н.И. Указ. соч., с.16.

<sup>12</sup> Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Т.Г. Томск, 1964.

оленых ног)<sup>3</sup>. Пример с ним встретился в раздаточной книге Троице-Гледенского монастыря за 1675 г.: ему же даны рукавицы камошницы с испотьками (ВОКМ, № 6823, л. 4 об., В.Устюг). Слово сохранилось в современных говорах (Онеж., Л.рх. - СРНГ, 13, с.28).

Отмечено в актах слово надолонки 'рабочие рукавицы с кожаной нашивкой на ладони' от долонь 'ладонь'. Территория его распространения - Новгород, Вологда, В.Устюг, т.е. северорусские говоры, например: У него же куплены трои рукавицы надолонки дано трицат алтынь (КДРС, кн. старорусск. сол. промысла Иверского Валд. м. за 1662 г., № 22, л. 128 об. - 129); дано ... войлок короветник новый, рукавицы надолонки и с испотьками ветхими (Шляпин, 255, 1668 г., В.Устюг); дано на большую коровью коровником и коровницам... рукавицы верхнины надолонки на рубаху и на штаны гребенины (там же, 271); ему же даны икона 9 дня надолонки (ГАВО, ф. 512, оп. I, № 16, л. 182 об., С.-Прилук. м., 1671). В наши дни слово в указанном значении представлено только в северорусских говорах: Яросл., Перм., Карелия (СРНГ). Однако чаще надолонкой в отличие от затылка 'тыльной части рукавиц' называли кожаную нашивку на рабочей поверхности рукавиц, например: ему же даны рукавицы дубленные ветчаные надолонки новые (ВОКМ, № 9548/2, кн. выдачи платья Тр. Гледен. м. 1675 г., л. 8, В.Устюг); ему же даны рукавицы починенные надолонки новые затылки старые... ему же даны рукавицы затылки старые надолонки новые (ВОКМ, № 6823, разд. кн. Тр.-Гледен. м., л. 32, 1675 г.).

Названия, производные от слова перст, встретились также на северорусской территории. См. примеры употребления слова перстянки: Да у него же было положено моег платилка... кожи поношены да рукавицы ровдужные перстянки да огниво (КДРС, акты Верхотур. съезж. избы, карт. № 4, 1649 г.); новгородец посланкой члкъ Тимофеи Михиевъ онъ явилъ товару... 9 перстянки опоичатые (КДРС, кн. там. Свирского м., № 198, № 3, 1661 г.); да платья... рукавки перстянки лошные (КДРС, описание Иверск. м., 1673 г.). Единственный раз фиксируется вариант перстятини, причем в записи иностранца: рукавицы перстятини (Фенне, 90, Псков, 1607 г.). Литературный вариант перчатка в XVII в. отмечен в смо-

ленских актах 1673-1696 гг.<sup>13</sup> и в курском документе 1720 г.,<sup>14</sup> начало его употребления на севере пока не установлено.

Слово шубницы 'меховые свчинные рукавицы' фиксируется с XVI в.: купил двои рукавицы шубницы дал 10 де (КДРС, кн.пр.-расх. Акт. м., № 1, л. 108, 1580 г.); да двум Василям же дал рукавицы шубницы двои новые (пр.-расх. кн. Важск. м. 1596 г.).<sup>15</sup> В XVII в. слово употреблялось в голугодских, тотемских и великоустюгских актах: рукавицы шубницы под сукном синим новые... рукавицы шубницы новые под сукном синим (Шляпин, 212, 230, 1668 г., В.Устюг); Василей Малко поехал в Уну даны голицы и шубницы и онучи (ГАВО, ф. 512, оп. I, № 45, л. 181 об., С.-Прилук. м., 1671 г.); продали рукавиц варег, рукавиц шубниц ... на 11 р. (ТКМГ - III, 580, Тотьма, 1676-77 гг.). В настоящее время слово широко распространено на всей территории, занятой северновеликорусским наречием, и имеет многочисленные варианты (КСРНГ).

Отметим, что многие из употреблявшихся в северорусских актах слов имели и параллельные соответствия в виде составных наименований (вязаницы - вязаные исподки, дубленицы - дубленые рукавицы, шубницы - шубные рукавицы и т.д.), например: даны рукавицы дубленые да везеницы новые ... даны рукавицы дубление с испотками вязанными (ГАВО, ф. 512, № 127, л. 20-20 об., 1683 г., Вологда); продали рукавиц дублениц (ТКМГ-III, 120, Тотьма, 1677 г.); вологжана Костянтина Симанов, Осип Тарасов продали рукавиц варег, рукавиц шубниц (там же, 590); ему же дал рукавицы шубные (ГАВО, ф. 883, № 90, л. 2 об., 1627 г., С.-Прилук. м.); ему же дал рукавицы перчатные (там же, л. 2); Микитка Шапков явил товару 13 кож аленых 6-ры рукавицы пероницы (ТКМГ-1, 300 Сольвичегодск, 1635 г.).

Таким образом, из всей совокупности употреблявшихся в XVI-XVII вв. названий рукавиц значительная часть их встреча-

<sup>13</sup> Борисова Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с.88.

<sup>14</sup> Котков С.И. Указ. соч., с.182.

<sup>15</sup> Цит. по: Дерягин В.Я. Указ. соч., с.43.

лась только на севернорусской территории. Отчетливо проявляется нормализующая роль московской деловой письменности: если слово попадало в московский говор и язык московских приказов, оно обнаруживало тенденцию к общерусскому распространению. Дальнейшая история анализируемых слов сводилась к расширению региона их бытования и в силу этого к увеличению числа фонетико-словообразовательных вариантов.

О.С.Мжельская

### ЛЕКСИКА ПСКОВСКОГО РЫНКА НАЧАЛА XVII В.

Еще в середине 30-х годов нашего века Б.А.Ларин поставил перед историками русского языка проблему изучения разговорной речи Московской Руси. В "Проекте древнерусского словаря" он писал: "В ДРС с возможной полнотой будут представлены не только данные по языку Москвы и крупнейших городов той эпохи, но и по языку отдельных областей, так как должен быть отражен не только язык литературный, но и диалекты разных классов общества и разных областей..."<sup>1</sup> Сам ученый постоянно работал над этой темой. Два десятилетия спустя в работе "Разговорный язык Московской Руси" Б.А.Ларин уточняет это важное для истории сложения русского национального языка понятие: "В это общее понятие (разговорный язык Московской Руси. - О.М.) входят и областные диалекты Московской Руси (крестьянские по социальной принадлежности носителей), и городские диалекты средних и "подлых" сословий, и, наконец, разговорная речь высших классов".<sup>2</sup> Б.А.Ларин подчеркивает: "Разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии и развитии с XV по конец XVII в. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа националь-

---

<sup>1</sup> Проект древнерусского словаря. М.; Л., 1936, с.43.

<sup>2</sup> Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси. - В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1962, с.22.

ногого языка – более существенная и определяющая, чем традиции книжнославянского языка...".<sup>3</sup>

Б.А.Ларин наметил и частично исследовал круг источников, наиболее перспективных в отношении отражения в них разговорной речи XVI–XVII вв. Такими источниками, сохранившимися "точные и разнообразные" данные о разговорной речи Московской Руси, он считал записи русской речи иностранцами, приезжавшими торговать в русские города. Б.А.Ларин подготовил к печати и исследовал "Парижский словарь московитов", 1586 г., и "Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса", 1618–1619 гг.,<sup>4</sup> составленные в Холмогорах, и, используя для сопоставления деловые документы XVI–XVII вв., написанные в этих местах, и свидетельства живых народных говоров, получил важные данные о холмогорском говоре XVI–XVII вв.

К источникам такого рода относится и "Русско-немецкий разговорник" Тонниса Фенне, составленный в Пскове в 1607 г.<sup>5</sup>

Предыдущими исследованиями памятника была установлена вполне достаточная точность записей русской речи купцом-немцем и добросовестность его информантов, так что данные "Разговорника" относительно разговорной речи Пскова, крупного торгового центра начала XVII в., могут быть оценены как достоверные.<sup>6</sup>

Не менее половины текста этого памятника посвящено торговле. На с.273 Тоннис Фенне пишет: "Во имя Святая Троица. Яз почну здѣ писать как надобъ нѣмчину с русином торговать, товар купить или мѣнять товар против товару, коли Господу Богу

<sup>3</sup> Там же, с.26.

<sup>4</sup> Ларин Б.А. 1) Парижский словарь московитов 1586г. Рига, 1948; 2) Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959.

<sup>5</sup> Топпес Фенне's low German manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / Ed. L.L.Hammerich, R.Jakobson, E.van Schooneveld. Vol. I-II. Copenhagen, 1961–1970.

<sup>6</sup> Ивашко Л.А., Мжельская О.С. 1) Названия членов человеческого тела по данным русско-немецкого "Разговорника" 1607 года.– В кн.: Северорусские говоры. Вып.2. Л., 1975, с.110–119; 2) Прилагательные, называющие черты характера человека и особенности его психического склада в русско-немецком "Разговорнике" Тонниса Фенне 1607 г.– В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып.2. Л., 1967, с.122–132 и др. работы.

любо". Изучение "Разговорника" показывает глубокое отличие содержания и стиля этой части от деловых документов Московской Руси, представляющих данные о торговле. В "Разговорнике" находим пространные списки товаров и описание их свойств и достоинств, большое количество реалий предполагаемых диалогов, содержание которых составляют торговые, финансово-экономические и юридические отношения.

В тематическом и лексико-грамматическом аспекте можно наметить следующие группы слов.

Большую группу составляют глаголы, относящиеся к купле-продаже: торговать, купить, продать, платить, проторговаться, дать 'назвать цену' и 'заплатить', додать 'доплатить', зять 'получить деньги': Я иду с тобою да твой товар посмотрю ... что тебе иные люди дадут, и яз тебе то потому жё дам (276); Я свой товар продам, да вручу деньги взять (280); Без деньги никому не умъть товар купить (245); Яз тебе засажу, докуль ты мнъ деньги не платишь (288). Различные изменения цены товара на рынке характеризуют глаголы: дорожить 'поднимать цену', прибавить (цену), взбивать - 'то же', припропиивать 'назначать завышенную цену', перекупить 'вмешиваться в сделку, стремясь приобрести товар себе', опасть 'упасть в цене', подынуться 'подняться в цене': О чём ты свой товар дорожишь? Товар номня опал (281); Ты товар дёшево купил; ...нынъча товар подынулся (285); Много ты припропииваешь. Убавь (296); Много люди (!) о моём товарѣ спрашутся, да друг у друга хочет товар перекупать; кабы яз то вперёд зъдал, яз бы цѣни к своёму товару прибавил (365); Пожалуй не покости ты мнъ у того товару да не <в>збивай цѣни (283).

Товары не только продавались за деньги, можно было менять один товар на другой: Я не мъняюсь своим товаром на твой товар, за<не>же твой товар плоше моёго (287).

Многие слова характеризуют денежные отношения: деньги и куны, цѣна, по закону 'в соответствии с установленвшимся уровнем цен, принятыми правилами торговли', повадно 'по подходящей цене', задаток 'сумма, упрачиваемая при покупке вперёд', придаток 'доплата', придать 'добавить, доплатить'; ряд слов обозначает 'прибыль': прикуп, прибыток, корысть, примок (последнее употребляется только в форме косвенного падежа с примка, примка дашь); понятие 'убыток' выражается словами убыток и наклад.

а также словосочетанием кабы на вороту не пало, обозначающим опасение потерпеть убыток; могарец 'вознаграждение маклеру за услуги', посул 'взятка'; группа слов служит для номинации кредитно-денежных отношений: взма 'долг', виноват 'должен кому-л.', личить 'задерживать возвращение долга', поручиться и дать поруку по ком-л. 'принять на себя денежную ответственность за обязательства другого лица', поручник, кабала 'долговое обязательство', заклад 'имущество, ценности, под залог которых выдается ссуда', вынуть (вынять) заклад 'выкупить заложенные вещи': С малими кунами/деньгами к великого(!) товару не ходи (281); Не убавьши(!) ты цену, илю я инде торгую, где люди по закону продадут (280); Я с тобою насилиу не торгую, я инде торгую, где люди пова~~д~~но продадут (280); Отври мошниу да дай съм задаток (245); Колько ты мнъ придашь к моему товару? Мой товар лучше твоего (296); Я торгую с прибытка, да ты таково-ж (297); Дай Осподи тебе в моем товаром(!) прикуп (291); Затым яз товар купил, что мнъ его с прилка(!) продать (279); Тот убыток тебе Бог за твое сбояство ['беззаконие'] послал (248); Я проторговался, в наклад я продал (285); Промежник, хочешь промежи нас промежничать да наш товар на обе стороны отынить? Мы тебе за то дадим могарец (297); Яз тебе вирки не дам. Яз тебе не виноват (203); О чем ты на моих денёг(!) личишь, да на срок не платишь? Срок давно прошел (292); Я по нем поруку дал/ поручился, да он в себѣ вѣру ['обещание'] не держит, ино мнъ за его надобъ платить (227); Напиши кабала(!) да вели твоему поручнику того подписать для всякой притчи. (263); Коли ты свой заклад опять вынешь...? Полно я тебе того блыл (294).

Разнообразны названия лиц, принимавших участие в торговле на псковском рынке: купец, купчина, товарищ 'компаньон, партнер', нарядник 'распорядитель, хозяин', промежник 'пооредник, маклер', закуп 'скучник товаров с целью их продажи по более высоким ценам', въсесец, въсчий 'работник на весах', извозник 'возчик', дрягиль, казак 'рабочий, грузчик': Я не въдаю, чей тот товар ... купец у того товару пошёл прочь (277); Кто таинов есть, что за купчина? (423); Я был у своёво товарища да о

ним подумал да ёво доложил (306); Ты ми́ не ~~мдник~~, я свое-  
вольной чловѣк (254); Заку~~ш~~и ъздят да товару закупаю да ёво  
дорожают (386); Въсец, въсь прямо (282); Потеки по въсчёво, да  
без ёво не ходи отъять сюда (381); Поди да зови казаки, пусть  
соль вивалят ~~и~~з погреба (426); Скочи до позови дрягилёв, ко-  
тыры соли в мѣхѣ набивают (427); Я перво ~~и~~ звознику(!) добу-  
ду (328).

На псковском рынке продавались многие товары. Автор "Раз-  
говорника" дает подробные списки этих товаров. Однако во вто-  
рой части книги, содержащей реплики диалогов, которые могли  
иметь место во время торговых сделок, вместо названий отдель-  
ных товаров обычно употребляется слово товар (о чём можно су-  
дить по примерам, приведенным выше); по-видимому, те, кому  
предназначался разговорник, должны были в зависимости от об-  
стоятельств заменять слово товар названием конкретного товара.  
Лишь в конце книги есть реплики, предполагающие продажу опре-  
деленного тгвара: льна, сукна, сельди и т.п.

Не рассматривая в этой статье названий товаров, остано-  
вимся на словах, характеризующих качества, свойства товаров,  
способ их продажи и хранения. Они принадлежат к разным частям  
речи.

На качество товара указывают прилагательные добрый, доро-  
гой, строгий 'надежный, качественный', разгонный 'разных сор-  
тов', дешёвый, худой, плохой и др. В отдельных репликах появ-  
ляются и другие прилагательные, которые характеризуют свойства  
конкретных товаров: Мой товар строг, без зароку добро~~и~~ (279);  
К добруму товару люди трутся/прилипают, да от худого товару  
бѣжат люди прочь (287); У меня есть добръ добро~~и~~ товар про-  
дажный, да еще не привезен (275); У меня есть всякой товар  
разгонной - и дорогой, и дешёвой - по купчине (285); Я вижу,  
что товар нечист, да зачисто ты ми́ ёго продаешь (291). Ср.:  
Твой лён костлів, нечист, отрепий в ём много (282), где общая  
формула заменена высказыванием о качестве определенного това-  
ра. В следующем примере также речь идет, по-видимому, о кон-  
кретном виде товара - мехах: У доброго товару больше примка,  
как у худово/у молодшёво (372) - молодший 'о мехе молодой бел-  
ки, 4-й сорт' (с.109). В характеристике товара могут встре-  
титься диалектные слова: Твой товар омазной / благой (336).

Ряд оттенков значения имеет в тексте "Разговорника" слово лицо: "внешний вид" - Ты свой товар смышал; у тово товару лица ныть, как вчерась у ёво был (368); Худого с добрым не смышай вместо за одно лицо [“придав единообразный вид”], продай ты мнъ товару зачисто как околь, так бы и внутри (291); "верхняя сторона ткацы" - Посмотри от моёво сукна(!) лица да наничья; мой(!) сукно добро, свъжё (455); оинонимом в этом случае является слово верх: Твой товар под исподом поплоше, как на верху (353). Наконец, в разных контекстах, как можно судить по переводу фраз разговорника на немецкий и английский языки, лицо могло обозначать 'воро, цвет сукна': Твои сукна цвѣт / лице скинули [“выгорели, вылиняли”] (454); Не испорти лица от моёго товару; коли лицо от того товару скинуло [“вытерся ворс”], ино люди товару не рад(!) купят (293). Ср.: Ворса от твой(!) однорядка(!) вытерлась (225).

О качестве товара сообщает и глагол схитрить 'скрыть недостатки, изъяны; изменить качество товара в худшую сторону при сохранении внешнего вида': Я вчерась твой товар видал, был добро~~ей~~; нынъча с худым смышён да схитрён (320); Я своёво товару не хитрил, мой товар без хитрости (339). Ср. также: Твой товар залежался (285).

Процесс купли-продажи характеризуется рядом наречий: вручь 'наличными'; околь и внутри; свалом, сгрёбом или на розницу; по один верх 'оптом, кучей' аль на розницу; на верху, в середку да под исподом и др.: Я свой товар продам да вручь деньги взять (280); Поди со мной, яз тебъ товар роскладу, и ты ёво смотри-ж каков околь, таков внутри (295); Как-ли ты товар купишь, по один верх аль на розницу? (304); Как ты товар продаешь? Свалом ли/сгрёбом ли ты ёго продашь аль на розницу? (339); Посмотри товар на верху, в середку да под исподом, как тебъ товар по подобио-ль/по обычю-ль (338).

Обширную группу составляет тесно связанная с лексикой торговли судебно-юридическая лексика: тягаться 'вступать в тяжбу, судиться', лазить в суд 'обращаться, идти в суд', подзывать 'вызывать кого-л. в суд', искать чего 'добиваться судом чего-л.', волочить 'наносить ущерб, причинять убытки судебной волокитой', изыматься за поле 'выти на судебный поединок',

утягать 'выиграть судебный процесс'; обличать 'обвинять', уличать 'удостоверять, подтверждать вину', виноват 'виновен', оправить 'оправдать', орудьё 'судебное дело', крестное цльование 'присяга', крест поцльовать 'присягнуть'; послух 'свидетель', опослушать 'дать показания', люди добрые 'свидетели', сторонский человек 'свидетель'; личное 'краденые вещи, обнаруженные при обыске у подозреваемого в краже', засадить 'поместить в тюрьму' и др.: Мнъ тебе не поклониться, мнъ о тобой тягаться (208); Розведитесь, как пригоже, добро вам в суд не лазить (289); Я тебе перед судъю подзываю (210); Я на тебе ишу (209); Не волочи меня (214); Я с тобой о том за поле изыматься: кому Бог ни пособит, да свой(!) кровь льешь на полѣ (234); Яз того тати обличил, да личное у ёго вынял (240); С ким ты меня уличаешь? (210); Я ёго оправлю, он в том дѣль не виновате (233); Мнъ(!) рад тво<sup>е</sup> орудьё изорудовать / постригать (211); По крест<sup>н</sup>ом цльованъ я в том дѣло(!) не виноват (239); Хощь ли ты на том крест поцльовать (239); Яз на тебе добуду послуха, которой тебе опослушает; перёд ким ты мнъ товар отсулил (290); Я оговорю/окажу перед людьми добрыми, что яз промежи вас слышал да видал (290); Я тебе не върю; добудь ты мне сторонскою человекъ, кому то въдомо (329); Яз тебе засажу, докуль ты мнъ деньги не платишь (288).

Во всех тематических группах встречаются случаи использования двух-трех слов для обозначения одного понятия, что естественно при переходном состоянии лексической системы русского языка в XVI-XVII вв., однако изучение этих синонимических соответствий в настоящей статье не предполагается, они будут затронуты лишь попутно при анализе других вопросов.

Большой интерес, но и большие трудности представляет рассмотрение торговой лексики псковского рынка во временном и пространственном аспектах.

В представленном собрании слов и выражений без труда упоминаются зарегистрированные в существующих исторических словарях слова, известные древнерусской письменности старшего периода и памятникам Московской Руси: весец,<sup>8</sup> взять, виноват, внутри, волосить, вручь, давать, лать, дело 'работа', деньги,

<sup>8</sup> При словах, упомянутых выше, определений значения не даем.

дешёвый, доброй, додать, долг, доля 'часть', дорогой, дорожить, жеребий 'доля', задаток, заклад, залечаться, запираться 'отрицать что-л.', искать, кабала, казак, куны, купец, купить, менять, наклад, наложить 'оказаться в убытке при продаже чего-л.', обличать, оправить, оценить, перечесть 'пересчитать', платить, плохой, поле и мн. др.

Среди общерусских слов в "Разговорнике" отмечаются пары синонимов, один из которых преимущественно употреблялся в XI-XV вв., а другой получил распространение позже, в XIV-XVII вв. В псковской речи на рубеже XVII в. эти отарые и новые синонимы сосуществовали. К синонимам этого типа можно отнести куны - деньги, худой - плохой. Интересно употребление в псковской торговой лексике этого периода синонимов идти - льзти, но в этом случае уже возникает необходимость разграничить в рассматриваемом материале общерусские элементы словаря и местные слова, значения слов и выражения.

Глагол идти и его производные пойти, прийти преимущественно использовались как глаголы движения: Я иду <в> мыльну (196); Тим путем я сегодня другоряд ходил (207); Поди в мои амбары (336); Приди завтра к въсу. О чём ты не пришёл? (198). Глагол этот редко встречается с переносным значением во фразеологически связанных употреблениях: Продай ми́я товар, как иде в людёх ['как принято, как другие торгуют'] (357). Глагол льзти и его производные отльзти, розльзтись, лазить преимущественно используются в производных значениях, во фразеологически связанных сочетаниях: Я... мало просил за свой товар и нынь взад не ламу ['не отступаю'] да своим словом не верну (286); На мой(!) корысть ты не лазь ['не покушайся'] да не перекупай от меня товару, я вперёд тебе товар почал торговать (294); Отльзь ['выплати'] ми́я досталью, что ми́я от тебе не дошла (354); Я тебе отльзу ['уплачу долг'] (207); Я с тобой розльзлесь/росплатился... да я тебе не виновате (343), но в одном из примеров сохранилось значение движения, перемещения в пространстве: Розведитесь, как пригоже, добро вам в суд не лазить ['идти'] (289).

Если обратиться к данным псковской письменности XIV-XV вв., то окажется, что в то время глагол льзти обычно упо-

треблялся как глагол движения, ср. в ПСГ: А на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжникома (ст.58), также в устойчивом словосочетании лезти на поле 'выйти на судебный поединок' (ст.18 и др.).

Сл. РЯ XI-XVII вв. отмечает у глаголов лазити и лезти наряду со значениями 'идти' и 'ходить' ряд других - 'карабкаться', 'ползать' и т.п., но отвлеченные среди них нет. Таким образом, общерусский глагол лезти и его производные, дифференцируясь по смыслу с глаголом идти, развили в торговой лексике Пскова XVI-XVII вв. ряд местных значений.

Анализ собранного лексического материала показал, что в торговой лексике Пскова употреблялись словообразовательные варианты общерусских слов, возможно, носившие локальный характер. Вместо широкоизвестного словосочетания сторонние люди 'чужие, посторонние люди, которые могли выступать в качестве свидетелей' (ПСГ, Посольство Жир.-Засекина, А. гражд. расп. Переи. Безобразова, Суд. 1550 г., Новоторг, устав) в "Разговорнике" отмечено словосочетание сторонский человек (с.329); окупщик товаров назван закупом (с.386), тогда как в памятниках XVI-XVII вв. чаще употребляется в этом значении слова закупень (Англ. д., ААЭ ГУ) и закупщик (Дм., СГД ГУ, ДАИ-7); вместо более широко известного и терминологического глагола послушствововать-опослушствовывать 'подтверждать (подтвердить) показаниями, уличать (уличить)' (Новг. судн. гр., Суд. 1497, 1550, 1589 гг., Крым. д. I, Ерш-Ерш.) в "Разговорнике" отражен глагол опослухать (с.290). В значении 'взвзвать в суд' в ряде деловых памятников употреблен глагол позвати (Дог. Смол. о Ригой, Уот. Дв. гр., ПСГ, Новг. судн. гр., Суд. 1550 г.), в "Разговорнике" же в соответствующем контексте использован глагол подзвати (с.210).

В торговой лексике Пскова XVI-XVII вв. находим особые, локальные значения слов, известных древнерусской письменности в

<sup>9</sup> Этот термин справедливо считается многими учеными (Ф.П.Филиным, К.С.Горбачевичем, Р.П.Рогожниковой) неприемлемым при характеристике современного состояния лексической системы русского языка, однако применительно к древнерусскому периоду с его не установленными возможностями выражения одного и того же содержания он может быть использован.

других значениях: изменник (с.284) в "Разговорнике" 'тот, кто нарушает данное кому-л. слово', ср. широко известное изменник 'предатель' (Арханг. лет., Польск. д. III, Зап. прик. лицей); специальное значение развило в речи купцов слово прилипать, по данным И.И.Срезневского оно означало 'приближаться, прилепляться', 'входить в общение', 'принимать участие' и т.д., но в "Разговорнике" оно значит 'активно интересоваться товаром, проявлять желание его купить': Чёму ты прилипашь к тому товару? Товар не по твоёму обычю (362).

Некоторые слова, входящие в торговую лексику "Разговорника", по данным доступных использованию словарей и словарных картотек, следует признать местными, известными в XV-XVII вв. преимущественно псковско-новгородской письменности: срядиться 'заключить договор', ср. Новг. яз. XV в., нарядчик 'распорядитель, хозяин', ср. нарядчик - Соф. вр., 1532 г., въочий, ср. Договор Погоцка с Ригой (Рус.-лив.а., 1407 г.), могорец, ср. Посл. Новг. арх. Генн. м. Сим. 1496-1504 г. и некоторые другие.

Группу слов на данном уровне исследования можно квалифицировать как псковские новообразования в кругу торговой лексики: промежник, прикимок 'барыш', вирка, вирца 'ничтожное количество (о деньгах) или название мелкой монеты', зарок 'нарекание (?)', промежничать 'выполнять обязанности маклера', обручить 'договориться о продаже товара', строгий 'качественный' (товар), разгонный 'разных сортов' (товар), сгребом 'оптом', повадко 'по подходящей цене' и ряд других слов.

К этой же группе нужно отнести экспрессивно-неодобрительные слова ворошка и кобыльник. Автор "Разговорника" записал такую характеристику лиц, названных этими словами: ... человек, который не торгует, да так ходит да посмотрит всякой товар, да не купит ничёво; таково человек (а) зовут по нашём(!) "ворошка" да "кобыльник" (389). Нельзя быть уверенным, что значение этих слов издатели сформулировали верно; ср. в исмейском переводе Тонниса Фенне толкование слова кобыльник - *meierei buder*, тогда, как в английском переводе издателей представлена только калька русского слова: *shag-e-map*. Данные русской письменности и русских говоров, которые можно привлечь для комментирования

этих слов, пока скучны. В псковских говорах воротка 'неосторожный человек' (ПОС, 4), но эта параллель не разъясняет слова в тексте "Разговорника". Слово кобыльник отмечено в Новгородской письменной книге I, 1584 г.: Мъсто... тяглое... Власка кобыльника, — однако Сл.РЯ XI-XVII вв. приводит эту цитату без определения значения слова кобыльник.<sup>10</sup>

В торговой лексике "Разговорника" есть ряд устойчивых словосочетаний, которые представляют собой или варианты общерусских устойчивых оборотов или собственно псковские новообразования в пределах торговой фразеологии. Некоторые из них были упомянуты выше при анализе глагола лѣсти. Укажем еще на ряд таких выражений. Изыматися за поле (с.234) 'выти на судебный поединок' представляет собой местный вариант общерусского устойчивого сочетания, известного с тем же значением в нескольких разновидностях: лѣсти на поле битися, лѣсти на (в) поле, позватися на поле, сведется поле, стоять у поля (Срезневский I, 90, II, 70, II, 26; Сл.РЯ XI-XVII вв., I, 189; 8, 200). Выражение (товар) будет в людях (с.288) 'будет продан' обнаруживает особый смысловой оттенок формы в людях, которая известна и в древнерусском языке, и в современных народных говорах в таких значениях: 'в народе' — Многу мяtekю и крамолъ бывшо в людехъ и молвъ не малъ... (Иак. Бор. Гл. 144 — Срезневский, II), 'при посторонних людях, при гостях' (Дм., АХУ III, 1626 г. — Сл.РЯ XI-XVII вв. 8); в людях 'где живут другие' Ленингр., 'у других посторонних' Ряз. (СРНГ, 17), а также в люди (погасть, ходить, бежать) 'к посторонним, чужим людям' Ряз. (там же); в литературном языке: бывать в людях, показываться в люди; на людях 'на виду у других' (ССРЛЯ, 6). Выражение за одно лицо (продать товар) (с.291) 'придав единообразный вид' также содержит особый оттенок значения слова лицо 'передняя, верхняя, наружная сторона чего-л.', ср.: За 20 аршин

<sup>10</sup> Может быть, значение его прояснит параллели из современных псковских говоров — однокорневые слова, выступающие как экспрессивные, неодобрительные названия детей и молодежи, обычно рослых, здоровых: кобыльник, кобыльняк, кобыльник, кобыльница, кобыльно, кобыльница: кобыльники, ребята балевые, балуются (Шадк.); Во! кобыльняк какой, фсё смешница, на то ани и малови (Порх.); Иди домой! Слыши! Иш кобыльник, смолчи! (Гд.).

камки кармазину травная, на одно лицо ['одного вида, цвета'], по 2 рубли за аршинъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр., 68, 1613 г. - Сл.РЯ XI-XVII вв.). Заметим, что это словосочетание в Сл.РЯ XI-XVII вв. не выделено особо, а встретилось в одном из примеров на значение 'лицевая часть ткани или изделия из ткани'. В современных говорах: липом товар 'на виду' Ворон., липом товар продавать 'в значении красивой укладки' Ворон. (СНРГ, 17). Местный характер фразеологизма по один верх (продать товар) 'оптом, безъ сразу' подтверждается сравнением с московскими документами XVII в.: ... Торгуют оптом, а не в рознь (Указ о взятии в посады людей и крестьян, 1699 г. - ПРП-7, с.302). К этой группе устойчивых сочетаний местного характера примыкает отмеченное "Разговорником" выражение литки пить 'пить вино, водку по поводу совершения сделки' (СРНГ, 17), широкоизвестное в севернорусских говорах, но не отмеченное в древнерусской письменности.

Рассмотрение состава торговой лексики "Разговорника" в историческом и пространственном аспектах целесообразно завершить сопоставлением этой лексической группы разговорной речи Пскова начала XVII в. с лексикой псковской деловой письменности XIV-XV вв. и некоторыми записями псковских летописей, где затрагивалась тема торговли и суда.

Общими оказались такие слова: в разделе торговля - весец, взять, дать, деньги, доля, закуп, кунь, купец, купчина, платить, прибавить (цену), придать (денег), продать, прямо 'верно, честно', смоловиться 'говориться', товар, торговать, убыток цена; в разделе кредитно-денежные отношения - виноват 'должен', дать поруку, долг, залог, поручиться, поручник, прозакладать; в разделе судебно-юридические понятия - вынять личное, залогиться, исказать, крест поцеловать, крестное целование, лопи добрые, опослушать, оправить, орудье, подзывать (в суд), послух, тать, тягаться, украсть, сторонской человек и др. Этот перечень показывает, что традиции делового языка Пскова периода его самостоятельности не прервались после присоединения Пскова к Москве, но в значительной степени сохранились, и не только в языке деловых документов, но и в разговорной речи псковского рынка. Следует подчеркнуть, что в на-

чале XVII в. "Разговорник" отметил в живом употреблении некоторые местные элементы псковской деловой лексики XIV-XV вв.: смолвиться 'сговориться' (с.207), ср. ПСГ смолвить 'условиться'; глаголы смолвиться, смолвить и существительное смолва, по данным Срезневского, употреблялись в памятниках, преимущественно северо-западного происхождения; слюбить, слюбовать 'выбрать то, что понравилось' и 'обещать' (с.373 и 407), ср. ПСГ за слюблено 'за полюбовную цену, по взаимному соглашению'; глаголы слюбити и слюбовать 'обещать' и 'условиться' употреблялись преимущественно в северо-западной деловой письменности XIV-XVI вв. и деловых памятниках Великого княжества Литовского; подзвывать 'вызывать в суд' (с.210), ср. в ПСГ позовник 'должностное лицо, вызывавшее ответчика в суд', позовница 'поповка о явке в суд', известные также и судебной практике Новгорода периода его самостоятельности; орудьё (с.211), ср. ПСГ также орудие; в этом значении слово отмечено не только в псковском памятнике, но и в памятниках новгородских и западнорусских.

Однако "Разговорник" отражает и несомненное влияние в XVI-XVII вв. лексических норм московского делового языка на деловую письменность Пскова, а также и на устную деловую речь. Ср. употребление в "Разговорнике" глагола уличить 'подтвердить вину' вместо доличить и изличить ПСГ, существительного срок 'установленное время исполнения чего-л.' вместо зарок ПСГ и ряд других аналогичных замен.

Рассмотрение лексики "Разговорника" в сопоставлении с лексикой деловой письменности позволяет еще раз подчеркнуть несомненную связь лексического состава памятников деловой письменности русского средневековья и словаря обиходной разговорной речи.

Дальнейшее изучение лексики "Разговорника" должно обогатить историческую лексикологию новыми данными не только об обиходно-разговорной речи средневекового города, но и о социально-детерминированной ее разновидности – речи купцов, торговцев, звучавшей на псковском рынке, изучение которой начато в этой статье.

## ШУЛИКУНЫ. ОБРАЗ И СЛОВО

Еще в 1930-х годах Д.К.Зеленин писал о "загадочных водяных демонах шуликунах у русских".<sup>1</sup> Ранее шуликуны упоминались в трудах П.Кузмищева, С.В.Максимова, В.М.Зензинова<sup>2</sup> и др., но сведения о них, которые могут быть извлечены из этнографических и фольклорных трудов и архивов XIX-XX вв., носят весьма отрывочный характер. Смутные воспоминания об этом образе народной демонологии удается обнаружить еще и сейчас в наиболее удаленных районах русского Севера. Слово попало в диалектные словари и картотеки.

Этнографические сведения о шуликунах, хотя и разрозненны, но в совокупности все же достаточно весомы и основательны. В лингвистическом же отношении, несмотря на многочисленные попытки этимологизации, слово не находило удовлетворительного истолкования, что и удостоверяется в словаре Фасмера, где оно помечено как неясное.

В книге Р.Г.Ахметьянова, посвященной лексике духовной культуры народов Среднего Поволжья,<sup>3</sup> намечены новые и, как представляется, весьма интересные генетические связи для русского шуликун. Однако в работе Р.Г.Ахметьянова русское диалектное шуликун упоминается достаточно вскользь, а для оценки степени достоверности предложенных сопоставлений необходимы обобщенные сведения по семантике, употреблению и главным образом территориальному распределению лексемы. Предлагаемая заметка и имеет своей целью представить материалы по слову шули-

<sup>1</sup> Зеленин Д.К. Загадочные водяные демоны шуликуны у русских. - *Zad swojanski*, t. I, sg. 2. Kraków, 1930, s. B220-B228.

<sup>2</sup> Кузмищев П. Замечания о камчатском наречии, принадлежащее к собранию особенных слов, употребляемых в Камчатке. - *Москвитинин*, ч. 6, 1842, № II, с. 258; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1903, с. 4; Зензинов В.М. Русское устье Якутской области, Верхоянского округа. М., 1913 (оттиск из "Этнографического обозрения", кн. ХСVI-ХСVII), с. 199.

<sup>3</sup> Ахметьев Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

кун, подкрепляющие, как кажется, этимологические предположения Р.Г.Ахметьянова.

Слово шуликун, шиликун, шылхан и другие его многочисленные варианты (сводку которых см. ниже) имеют очень несложную семантическую структуру, основу которой составляют два значения мифологического поля: мифологический персонаж и святочный рожденный.

Значение 'мифологический персонаж' распространено на всей территории фиксации слова: на севере Европейской части РСФСР (Арх., КАССР, Волог., КомиАССР, Киров., Перм.), на Урале (Свердл.), во многих частях Сибири (Новосиб., Иркут., средн. течение р. Оби, Якут.), на Камчатке. Этнографические сведения об этом персонаже имеют в разных источниках весьма различную степень полноты. В Оште (с.265, 268) шиликун (Иркут.), шуликун, (Арх.) определяется как 'домовой': Грех играть в куклы в святой вечер, шиликун утащит (Арх.). У Даля шиликун (Вят., Перм., Сиб.) - 'нечистый дух, черт, злой домовой' (IV, с.633). В печорских записях шеликунка 'бесенок', в "Сборнике местных (арханг.) слов" шуликон 'сказочный рождественский миф' (АПД, кол. 117, п.2, № 18), в пермских современных материалах шиликуны - 'черты', на Пинеге - собир. 'всякая мелкая нечисть, причиняющая людям маленькие неприятности'. Однако есть и более подробные этнографические характеристики, вскрывающие мифологическую семантику образа. По данным Куликовского, шиликуны - это бесы в образе людей с железными головами, в остроконечных шапках, появляющиеся в святочное время (с.137). Шуликены, чуликуны и др. в святочное время въезжают из проруби на конях в санях, "страшны, востроголовы, изо рта огонь, в руках каленый крюк, им загребают детей, кто в это время на улице" (Арх., Пин.). В Вологодской области шульканы - это "чертенки", дети кикиморы. Они рождаются о святах в ненастные ночи и вылетают через трубу на улицу, где и живут до крещенья. Иногда они показываются ворожащим девкам в виде чертят черного цвета, с маленькими рожами и козлиными ножками (АМЭ, № 296, л.6). По вологодским же материалам шильханы - маленькие существа, мальчишки-пакостники и шалуны, живущие артелями в заброшенных сараях, постройках. Они делают мелкие гадости: пьяного в лужу заведут,

столкнут человека в грязь и под. (АГО, оп. I, разр. 7, № 78). Сибирские материалы подтверждают основные характеристики персонажа - появление в святочное время, связь с водой, маленький размер, вредоносность. Селіканы, шеликаны - существа маленько-го роста, "с кулачок". Это нечистая сила, домовые. В крещенье они выходят из прорубей и позднее снова туда возвращаются; могут забраться в избу; в амбара из-за них незаметно кончатся припасы. Чтобы обезопаситься от них, жженым колом обводят во-круг амбара или избы черту. Они заманивают в воду: "Два года тому назад на реке у нас они девку утопили - заманили в про-рубь" (Якут. Индигирка).<sup>4</sup> Шулопаны - черти, бегающие перед крещеньем по льду реки. Во время крещенского водосвятия их якобы давили на состязаниях в верховой езде, так как обилие шулопанов - плохое предзнаменование на предстоящий год (Иркут. - КСРНГ). Воспоминания об этом обряде удалось зафиксировать на Печоре: Великий пост пройдет, будет заговенье. Кругом деревни гоняют тройки, шуликунов топчут. Это будто черти, а потому их и топчут, чтобы они не остались (Коми АССР Усть-Цильма).

В позднейших материалах шуликуны отчасти смыкаются с проклятыми и погубленными матерями детьми и через них - с русал-ками. В пустых избах перед полночью из голобца выходят мальчу-ганы - дети, проклятые родителями. Они могут появляться в де-ревне и причинять неприятности (Волог. Кадн. - АМЭ, № 237). Эти "мальчики" могут также считаться помощниками колдунов (Волог. Чаг. 1981). Наконец, шуликуны прямо называются чертями и беса-ми и имеют характерные черты последних - остроконечную голову или шапку, черный цвет. Однако, несмотря на синкретичность и позднейшие наслоения, шуликун - особый персонаж, обнаруживаю-щий локальные различия, но обладающий известной целостностью. Инвариантные признаки персонажа - связь со святочным или пред-новогодним периодом, с водой, вредоносность, множественность.

В значении 'святочный ряженый' слово шуликун и его вар-иантны функционируют наряду с большим числом иных наименований ряженых (окрутник, хухольник, кулик, кострома, нарядника, пче-

<sup>4</sup> Зензинов В.М. Указ. соч., с.199.

маз, тряпосьник, фофанец и под.) практически на той же территории, что и в первом значении, - Арх., Олон., Вят., Перм., Обь, Новосиб. и др. - иногда даже активнее. В части материалов ряженые-шуликуны противопоставляются иным типам ряженых по виду облачения - подчеркнуто плохому, некрасивому, состоящему из обносок и лохмотьев: В святки шулокан оболокается. Если в хорошую одежду, то ряженый, а если махор какой страшной, то шулокан (Обь - Сл. стар.3); А ежели худенький, махрюшки каки, пимишки драны да чирки на одну ногу, пимишко на другу, шапку драну надеват, рожу намазыкат, так то шулокины зовут (там же).

Переносных значений отмечено всего несколько.

Шиликун 'о людях, имеющих голову, вытянутую по форме' (Олон.- Куликовский, с.137). Перенос осуществлен на территории, где в характеристику персонажа входит упоминание об остроконечной шапке.

Шеликун 'пугало' (Свердл.- КСРНГ). Этот перенос осуществлен, вероятно, на основе значения 'ряженый в некрасивом, отталкивающем наряде'.

Шулокан 'святочный широг' (Забайк.- Сл. Забайк., с.466).

Слово употребляется бранно. О груше детей: Целый день шиликуны под окном возятся (Сл. Забайк., с.463); Бегите отсель, шиликуны, пока вас водой не облили (там же).

Система дериватов у слова развита слабо: шеликунка 'бесенок' (Печ.), глагол в нескольких вариантах: шиликуничать (Опыт., 1852, с.265), шиликуничать (Арх. - Подвицкий, с.192), шулоконичать 'ходить ряженым на святках' (там же, с.194); шулоконство, шулокунство 'переряживание на святках' (Арх.- Подвицкий, с.194).

Поиски истоков слова шуликун шли в разных направлениях. Д.К.Зеленин еще в 1930 г. достаточно определенно высказался в пользу неславянского происхождения слова. Ссылаясь на В.Радлова ("Опыт словаря тюркских наречий", т. 4. СПб., 1911, с.832) и на Киргизско-русский словарь (Оренбург, 1897, с.186), он предлагает считать источником русского шуликун тюркское *sülyk* 'пиявка', на основе которого предполагается возможным образование *sülyk-kap* т.е. 'хан пиявок'.<sup>5</sup> Предполагалась

<sup>5</sup> Зеленин Д.К. Указ. соч., с.В 237.

также первичность значения 'ряженый' и связь с мордовским шылган 'головной убор мордовских женщин, покрывающий голову и спускающийся сзади на спину', так как ряженые могли закрывать голову подобным убором.<sup>6</sup> Представлялось возможным сопоставление с марийским шёлкыан 'грустный, унылый, мрачный, тоскликий', поскольку шуликуны - это, как правило, некрасивые, оборванные ряженые, своим видом наводящие страх и тоску, в отличие от других - смешных и веселых; с чувашским чилле, татарским челле (из перс. čillä) - названием сорока самых холодных дней года с 25 декабря по 5 февраля (в начале этого срока и появляются шуликуны) и татарск. хан 'правитель, распорядитель'. Высказывалась мысль и о славянском характере слова и связи его с шуи 'левый', т.е. принадлежащий нездешнему, "левому" миру темных сил (ср. левый 'черт').

Однако эти предположения не были в полной мере убедительны, так как они лишь косвенно соотносили слово с основными типологическими признаками образа, а главным образом не указывали на персонаж сходных характеристик - близкий или далекий, но непосредственный источник русского шуликун.

С наибольшей вероятностью можно предположить, что русское диалектное шуликун, шиликун, шуликин и проч. заимствовано из коми шулейкин. По свидетельству В.Н.Белицера, коми шулейкины - это водяные, маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды "в день нового года и до крещения разгуливают свободно, по ночам пугая людей".<sup>7</sup> Образ башкирской мифологии шулгэн - 'злой дух, один из двух сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада скота',<sup>8</sup> чувашский сюлюсюн, марийский шюлюш 'некий дух',<sup>9</sup> якутские сюлюканы - 'хозяева подводного мира, которые разводят

<sup>6</sup> Ч е р е п а н о в а О.А. Демонологическая лексика севернорусских говоров. - В кн.: Севернорусские говоры, вып.2. Л., 1975, с.135.

<sup>7</sup> Б е л и ц е р В.Н. Очерки по этнографии народов коми. - Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1958, нов.сер., т.45, с.319.

<sup>8</sup> Б а ш к о р т халъ ижады: Эпос. Уфа, 1972, с. 33-144, 145-187; 302 примеч.

<sup>9</sup> С м и р н о в И.Н. Черемисы. Казань, 1889, с.246.

сюот и выходят в дни Нового года (22 декабря – 5 января) из воды;<sup>10</sup> указывают на наличие этого образа и мотива у тюркских и финно-угорских народов. Особенно развернут образ сюлеканов в якутских мифологических представлениях. Это водяные жители второго рода (первый – у *іччітā*). По внешности они ничем не отличаются от людей, кроме отсутствия бровей. Живут в воде семьями, вылезают из воды во время святок, боясь, чтобы на них не попала освященная "иорданская" вода. Во время пребывания на земле они живут по кладбищам и пустым домам. Очень любят играть в карты и могут играть даже с человеком, но выигранные у них деньги впоследствии превращаются в мох. Они очень богаты и даже существует пословица сүлүкүн үбә үттәх, т.е. "владеет сюлекановыми богатствами", что аналогично речению "богат, как Крез".<sup>11</sup>

В упомянутой книге Р.Г.Ахметьянова приводится ряд соображений, показывающих, что образ шуликуна, имеющийся у финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Предуралья, а также у русских, идет с востока, корнями своими уходит в глубь мифологии алтайских (и тюркских, в частности) народов, которые, в свою очередь, имели достаточно тесные культурные и материальные связи с древними китайцами и корейцами и восприняли от них многие мифологические мотивы и образы. Так, народы Восточной Азии и древних алтайцев объединяет с китайцами общность многих новогодних обрядов и мотив участия в них дракона – хозяина воды. Культ дракона в Китае развит весьма широко, дракон в китайских сказках и легендах присутствует почти неизменно, имея разные обличья и имена. Общее китайское название дракона – лун. Главным драконом является шуй-лун-хуан 'император водных драконов', к имени которого скорее всего и восходит позднейшее наименование шуликун. В.Г.Ахметьянов приводит некоторые общие дистинктивные признаки шуликунов и шуй-лун-хуана и прежде всего их общую связь с новогодними ритуалами, появление из воды и возвращение туда же. Объединяют мифологемы и более частные

<sup>10</sup> Пекарский Э.К. Словарь якутского языка, т. I-III. М., 1959, с. 2390-2391.

<sup>11</sup> Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923, с. 43-44.

свойства, например, считалось, что если шуликунов под Новый год появится много, то год будет плохим, поэтому их изгоняли определенными способами, выходили или выезжали на лошадях на реку "топтать шуликунов". Точно так же обилие драконов дождя было плохим предзнаменованием у китайцев. В образах башкирского шулгэна и шуй-лун-хуана общее то, что оба они - хозяева воды и дождя и имеют по красавице-дочери. По татарским народным легендам мифическая птица шулгэн, шулегэн, шэулегэн является снохой (дочерью) подводного царя; она вылетает из воды в поисках своего сына и призываю поет перед дождем (громом). В китайской мифологии одна из частных инкарнаций дракона - птица.

На основе всех этих сведений Р.Г.Ахметьянов приходит к выводу, что слова шулейкин - шулгэн - шиликун - сүлүкүн, по всей вероятности, являются звеньями одной цепи. "Есть основания полагать, - пишет он, - что это слово имеет монгольско-китайское происхождение".<sup>12</sup>

В пользу высказанных предположений говорят некоторые сведения, которые касаются функционирования слова шуликун в русской диалектной среде. Прежде всего это географический фактор. Приводим перечень вариантов слов с указанием их территориального распределения (д. - значение 'демонический персонаж', р. - 'ряженый'):

Вариант  
наименования

Шиликун

шиликун

шильхан

шиликон

шуликун

шуликун

шуликин

шуликин

шуликен

География

Арх.(р.), Вят., Перм., Сиб., Камч.(д.р.), Забайк. (д.)

Олон. Вят., Сиб., Камч. (р.д.)

Волог. (д.)

Арх. (р.д.)

Арх., (р.д.), Пин. (д.), Перм. (д.)

Арх., (р.), Вят., Перм., Сиб., Камч. (р.д.)

Пин. (д.)

Новосиб. (р.)

Пин. (д.)

<sup>12</sup> Ахметьев Р.Г. Указ. соч., с.58-59.

шулюкин	Обь (р.)
шулъкан	Обь (р.), Иркут. (д.)
шулюкун	Иркут. (д.)
шулъканы, мн.	Волог. (д.)
шулъкон	Арх. (д.)
шулъкон	Арх. (р.)
шулъпаны	Иркут. (д.)
шалыкун	Арх. (р.)
шаликан	Арх. (р.)
шемликун	Свердл. ("пугало")
шемликунка	Печ. (д.)
шемликалы	Якут. (д.)
шельжаны	Якут. (д.)
селиканы	Якут. (д.)
чилыкуны	Пин. (д.)
цилликуны	Пин. (д.)
шиллиун	сев. (д.)
щелкун	Якут. (д.)
сюлюкун	Якут. (д.)
шуликан	Забайк. ("пирог")
шалихун	без указ. места (д.)
шолыхан	без указ. места (д.)
шулейкин	Коми АССР (д.)

Обращает на себя внимание тот факт, что русское шуликон и его варианты отмечены лишь на территориях контактирования с финно-угорскими и тюркскими народами и прежде всего на севере Европейской части, в Поволжье, на юге Сибири. Наивысшая концентрация вариантов, частотность фиксации слова опять-таки на севере Европейской части, а более полная характеристика образа - в Сибири. Северорусские шуликуны почти идентифицировались с бесами и чертятами, сибирские же активно и своеобразно проявляют себя в новогодний период. Места фиксации слова в Сибири указывают на основные пути движения переселенцев, так что скорее всего слово было занесено в связи с перемещением населения из Европейской части и, "вернувшись" на родину, легко и просто укоренилось, найдя благоприятную почву в местных обычаях и поверьях.

Далее, типологическая природа образа шуликунов не находит полного и непосредственного соответствия у славян. В славянских и - шире - европейских мифологических представлениях имеются образы и мотивы, связанные с периодом святок и нового года. У русских это святки - нечистый дух в облике человека или животного, который может и повредить человеку, и принести ему добро. Он опасен для гадальщиц, но не может переступить черту, проведенную железным предметом (Олон.).<sup>13</sup> Святочницы - некрасивые, покрытые волосами духи, появляющиеся на святках в банях и неосвещенных избах (ср. пребывание там же шуликунов), которые могут только петь и плясать, но не говорить (Калуж.).<sup>14</sup> Святоша - нечистый бес, который является тому, кто рядится на святки (Орл. - Даль, IV, с.162). Аналогичную мифологическую семантику имеет и украинская святёха.<sup>15</sup> На севере в святки ходит Варвара со сковородкой и пугает детей (Мурм. Тер. Варзуга, 1979), что прямо смыкается с рядом европейских персонажей, называемых: чеш. *Peruchta*, *Berchta*, морав. *Brerechta*, словен. *Perhta baba*, нем. *Berchte*, франц. *Berthe* и под. Эти персонажи также появляются перед Рождеством или Новым годом. Того, кто не постится в Щедрый вечер, они могут выпотрошить или изжарить, для чего у них есть нож, раскаленная кочерта или сковорода.<sup>16</sup> У сербов подобный персонаж - каракондула, гвоздензуб.<sup>17</sup> Однако у славян и европейских народов святочные персонажи не связаны с водой, тем более не появляются из воды. Этот мотив действительно скорее всего идет с Востока.

Персонажи, идентичные с шуликунами или типологически очень близкие к ним, могут иметь и другие наименования. Это куляш

<sup>13</sup> Георгиевский А. Народная демонология. - В кн.: Олонецкий сборник, вып. IV. Петрозаводск, 1902, с.61.

<sup>14</sup> Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с.100.

<sup>15</sup> Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии, вып. I. Ир. 1916, с.295.

<sup>16</sup> Máčhal H. Nákres slovenského bajesloví. Praha, 1891, с.191.

<sup>17</sup> Кулишић Ш., Петровић П., Пантелејић Н. Србски митолошки речник. Београд, 1970, с.165,87.

‘чертенок, водяной, который на крещенье выходит из воды’ (Волог.-Даль, II, с.217), кулиши ‘маленькие чертеныта разных цветов, которые появляются во множестве в деревнях на святках’ (Зеленин, СРНГ, 16, с.69), шуликуны ‘святочные нечистые в виде маленьких людей на конских ногах, с острыми головами’ (Сиб.).<sup>18</sup> Богатырев в Шенкурском уезде Вологодской губернии отмечает наименование шолышни: «Под крещенье выгоняют из дома шолышнов, выгоняют святой водой из домов, овинов, баней... Окропляют каждого человека, окропят, а потом квартиру – крестообразно... Будто у шолышна шапка железная штыком, в руках носит железную сковородку с горячим угольем и бегая по-на уличу, выговаривая: “На кол девку, на колыш парня”».<sup>19</sup>

По крайней мере два из наименований персонажей, идентичных с шуликунами, являются неславянскими по происхождению. Куляш, вероятно, из коми *kul* ‘злой дух’ (Фасмер, II, с.413), но *kul* (а также рус. тобол. куль ‘черт, злой дух’) заимствовано из ханты (Фасмер, II, с.412). Наименование шолышни сопоставимо с марийским шолыштам ‘ворую’, форма на -шны указывает на коми источник (одно из свойств шуликунов, как отмечалось выше, то, что с их появлением исчезают запасы, пропадают вещи). Стабильность неславянских наименований сходных персонажей еще раз подкрепляет неславянское происхождение самого образа шуликуна и его названия.

Использование наименования демонических персонажей для обозначения ряженых вполне объяснимо, так как обряд ряженья, так же как и появление шуликунов, связан с периодом святок и Нового года. Подобно шуликунам, ряженье “артельми” ходили по деревням, “иудесили”, т.е. устраивали шалости, озорничали. Наконец, факт переряживания, изменения облика очень долго сохранял налет ахристианства, связь с демоническими силами.

<sup>18</sup> Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – Зап. рус. географ. о-ва по отделению этнографии. СПб., 1913, т.ХХVI, с.48.

<sup>19</sup> Богатырев П.Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда. – Этнографическое обозрение, 1918, № 3-4, с.4.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ  
СО ЗНАЧЕНИЕМ 'БЫТЬ, УДАРЯТЬ' С ГЛАГОЛАМИ  
ДРУГИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Взаимодействие глаголов разных семантических классов отмечалось рядом исследователей.<sup>1</sup> Эта тенденция характерна для глаголов говорения, движения, физического воздействия, звучания и др. В составе русского просторечия XVIII в. Г.П.Князькова выделяет группу глаголов физического воздействия на человека, у которых наблюдается тенденция к формированию обобщенных производных значений для обозначения энергичного действия.<sup>2</sup>

Взаимодействие глаголов "удара" с глаголами других семантических классов проявляется в семантической структуре самих глаголов. "Устройство семантических полей, - отмечает Ю.Д.Апресян, - повторяет устройство многозначных слов".<sup>3</sup> В зависимости от семантической структуры ЛСГ со значением 'быть, ударять' будет рассмотрено взаимодействие их с глаголами других ЛСГ.

Глаголам ЛСГ со значением 'быть, ударять' свойственно употребляться в следующих обобщенных значениях: I. Производить удары, ударять; 2. Ударами разбивать, раздроблять; 3. Ударами разминать, молотить; 4. Ударами производить звенившие звуки; 5. Издавать звенившие звуки; 6. Наносить удары, побои кому-н.; 7. Ударами липать жизни, убивать; 8. Говорить; 9. Петь; 10. Идти, бежать; II. Есть; 12. Петь; 13. Делать что-н.; 14. Жалить, кусать; 15. Течь, литься (о жидкости). Из общей семантической структуры глаголов группы видно, что часть значений непосредственно связана с нанесением ударов, стуком. Другая группа зна-

<sup>1</sup> Васильев Л.М. 1) Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971; 2) Семантика глаголов звучания в современном русском языке. - В кн.: Системные отношения в лексике и методы их описания. Уфа, 1977, с.3-20; Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с.29-39, и др.

<sup>2</sup> Князькова Г.П. Русское просторечие 2-й половины XVIII в. Л., 1974, с.137-145, 149-150.

<sup>3</sup> Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974, с.253.

чений непосредственно к ударам не имеет отношения, это значение с разной степенью производности.

Результатом действия над неодушевленным предметом может быть звучание разнообразных твердых предметов. В этом случае глаголы "удара" вступают во взаимодействие с классом глаголов звучания. Глаголы несов. вида бръкать, бръгать, каландаш, ка-  
бунгать, рабайдать, лавайдать, ръчкать, сов. вида - кавнуть,  
колонуть, садануть, торнуть и др. употребляются в значении 'ударами в металлические предметы производить звенищие звуки': Нап сходить ф колокол кавнуть, што сплошно было (Медв.); Я выйду в ведро колону, так и бегут ко мне поросытки (Онеж.); Ф подойник можно садануть (Пуд.). Эти значения реализуются в сочетании с конкретными существительными, обозначающими звучащие предметы, в вин. пад. с предлогом: в железину, в подойник, в ведро и др. Если сам субъект во время движения или какого-н. действия над ним издает звук, то глаголы выступают в значении 'издавать звенищий звук': Сено закупорят горшок, што не бръкали (Онеж.); У нас сплошно, как дзёри ерзонут (Подп.); Колокола так и садят, нарот ф церковь призывают (Кириш.). Некоторые глаголы употребляются в значении 'производить шум, звон, удары твердых, чаще металлических предметов': Это значение реализуется в конструкции ударять + чем. Што ты вёдрами каландаш (Медв.); Придём полоскать, так рабайдам вёдрам, звук такой рабайдучий (Медв.). В зависимости от сочетаемости с конкретным существительным глаголы звучания обрастают дополнительными оттенками, в результате усиливается ситуация звучания.

Для обозначения звуков раздающегося грома употребляются глаголы несов. вида гумайдать, рабайлать, ръчкать, брондать; сов. вида - громонуть, дрязнуть, грохнуть, ръчнуть, тракнуть, шарнуть и др.: Гром гумайдает, молнии сверкают (Кем.). Как зацнёт гром ръцкать, только земля дрожит (Неч.). Гром ръчкнул. Когда громит, мы говорим ръчкает (Медв.). Для передачи звуков грома эти глаголы в зависимости от вида могут иметь значение 'производить резкие громкие звуки, грохотать' и 'раздаться, загреметь'. Перечисленные глаголы относятся к классу глаголов звучания, одни из них характеризуют способ распространения звуков, другие указывают на характер звучания.

ЛСГ глаголов со значением 'бить, ударять' может употребляться с общим значением 'говорить'. В этом значении они взаимодействуют с ЛСГ глаголов говорения. В зависимости от цели высказывания, манеры и темпа речи и т.д. (быстро, медленно, тихо, шепотом, неразборчиво и т.д.) и ситуации высказывания эти глаголы могут употребляться в различных значениях и оттенках значений. В значении 'вести легкий, непринужденный разговор' употребляются глаголы брáкать, рабáйдать, тёпать: Вéцером сидíм, брáкаем, рабáиво слушаем (Карг.); Сидíм рабáйдаем (Медв.); Со старúхой тёпам о жýзни (Шуд.). Некоторые глаголы употребляются в значении 'произносить слова': Мы ляпам по-свóему (Медв.); Городовыé интересно говорят, а мы не интересно бухаем (Череп.); 'Рассказывать сообщать о чем-н.': Ой рабайдунья, всё рабайдую вам (Медв.). 'Болтать, пустословить': Что лячкаешь-то, не знаешь, а лячкаешь (Череп.); Бúдя тебе барабошить, как стáне барабошить, да не скóро замолгчit (Медв.). Наиболее часто глаголы класса говорения употребляются в значении 'говорить быстро, не разборчиво': Ну вот начаl барабошить, ничево не поймешь (Медв.); Ой круто, так круто говорит, как барабошка барабошит, да ничево понять не можно, так круто рабáйдает (Медв.). Часто не разборчивость речи, быстрый темп ее подчеркивается наречиями быстро, круто, иногда весь контекст указывает на это: другой раз ни слова не поймешь, ничево понять не можно.

К группе глаголов говорения примыкает класс глаголов звучания со значением 'издавать голосом звуки, петь': Пéсни-то жáрят, во весь дух пéсни пойт (Тер.); Пайгáли у Ульяны пéсен до сáмово вéчера (Выт.); Мы так пéсни любíли, так поём, зýкам (Печ.). Глаголы звучания также имеют дополнительные оттенки значения в зависимости от манеры пения.

Взаимодействия ЛСГ глаголов "удара" с глаголами передвижения, перемещения наложо отражение в употреблении их в значениях 'идти, ходить (о людях)' и 'ехать, мчаться (о транспорте)'. Это глаголы драть, дуть, зýкать, жáрить, пазгáть, садíть, свистáть, сигáть, тёпать и др., а также производные от них. Чаще всего они употребляются для характеристики темпа передвижения, цели, неожиданности совершаемого действия, для подчеркивания интенсивности движения. Многие гла-

тоти указывают на односторонность действия с разной степенью интенсивности: Вправо дуй, туда в гору, в деревню. Самоты оденешь в долгими голенищами, да и пазгай до самова Питера (Шексп.). Ты севодня за полтара часа, ты свищешь прытко (Медв.). Значение многих глаголов конкретизируется в контексте, и соответственно они приобретают дополнительные оттенки значения: А на работу раньше жарили в лаптях (Пуд.). Глагол жарить имеет в этом контексте значение 'ходить'. Стилистическая сниженность, пейоративность создается лексическим окружением (в лаптях, раньше). На повторность, нежелательность действия могут указывать некоторые глаголы: Она опять посвистала к суседке (Кирил.). Многие глаголы употребляются в значении 'быстро, стремительно бежать'. Чаще всего это значение реализуется в контексте, где речь идет о животных: Как собака пазгает, быстро бежит (Шексп.); Как кони садят, только ноги свищут (Карг.); Медведята как дёрнут в лео, и она [медведица] за ними (Онег.). В этом значении употребляются глаголы, для которых значение, связанное с ударом, является переносным. Интенсивность, быстрота передается при помощи метафорического употребления, суффикса -ну- и сочетания с наречием как.<sup>4</sup>

Глаголы со значением перемещения имеют четкие формы синтаксической обусловленности. Поскольку это глаголы движения, то они указывают на направление движения, сочетаясь с существительными в косвенных падежах, с наречиями: в деревню, до самого Питера, к суседке, в сторону, вправо, подальше и т.д. Для указания как, каким образом совершается действие, употребляется наречие образа действия (прятко, быстро). Таким образом, основные значения в контексте обрастают дополнительными признаками, которые могут входить или не входить в лексические значения глаголов. Если эти признаки заключены в семантике самих глаголов и словообразовательных моделях, то они входят в значение: тёпать 'идти медленно', брызгнуть 'неожиданно пойти, поехать'. Лексическое окружение лишь усиливает интенсивность совершаемого движения, но не входит в значение глаголов.

<sup>4</sup> А разуманова Н.Г. Способы выражения экспрессии в контексте. – В кн.: Севернорусские говоры, вчн. З. Л., 1979, с.63-69.

Многие глаголы ЛСГ "удара" вступают во взаимодействие с глаголами приема пищи. Глаголы типа хогать, лупить, зудить, лочкать, лячкать, хлебать, трёскать и др., а также производные от них характеризуют сам процесс приема пищи, о указанием на то, как едят: с жадностью, с аппетитом, досыта, чрезмерно, проголодавшись, едят чужое, не свое. Часто эти глаголы употребляются в одном контексте о нейтральным общерусским глаголом есть: Хогали, хогали мой хлеб, свобо-то не привезли (Белом.); Рыпку не удиши, так сухá хлеба зудиши, а рыбы не наудиши, так и хлеба позудиши сухá (Медв.); Вот вам хлеба с луком, лочкайте, ёшь-те (Волог.); С капустой выкогала весь хлеб, так нахогалась, го-ворит, так наёлась (Лод.).

Глаголы ЛСГ "удара" могут выступать и в значении 'пить'. Это значение реализуется, если речь идет о жидкости вообще и о спиртных напитках в частности. В зависимости от этого лексемы имеют два значения: 'принимать внутрь какую-н. жидкость' и 'принимать внутрь спиртные напитки'. Глаголы кесов. вида гвоздить, дуть, жарить, зыкать, зыбать, лочкать, садить, свистать, сов. вида - дернуть, дерябнуть, вларить, карзонуть, пазгонуть, садануть и др. при сочетании с существительными чай, вода, молоко употребляются в значении 'принимать внутрь какую-н. жидкость': Ты чай фсё гвоздиши, дуешь, так сыта не будешь (Медв.); На, зыкал, варева нет, чай зыкам только, молоко зыкам (Лод.); Фчера лóчкала много чай (Медв.). Количественная характеристика не всегда присутствует в глаголе, чаще к значению 'пить' добавляется отрицательная оценка. На употребление глаголов в значении 'принимать внутрь спиртное' указывает сочетаемость с такими словами, как водка, пиво, вино, три рюмки: Отёц и вина не пил, а нынче, погляди, жарят стаканами (Кирил.); Как заболит зуп, я из горлышка зужу водку (Тер.); Дубники как начнут зыбать вóтку отаканами (Уст.); А пьяницы не разводят спирт водой, голью садят (Карг.); Карзани ёшё отаканчик, так пьяная будешь (Пуд.); Пазгани-ха стаканчик виза (Выт.). В значении 'принимать внутрь жидкость' и 'принимать внутрь спиртные напитки' глаголы ЛСГ "удара" образуют экспрессивно-синонимические ряды. Они свойственны грубоватой обходно-бытовой речи, среди них выделяются как общерусские, так и диалектные глаго-

лы: карзануть, лóчкать, зыбать, пазгнать и др. Значение их реализуется в конструкции пить + что. Количественная и качественная характеристики либо вырастают словообразовательными аффиксами, либо создается лексическим окружением и всем контекстом, имеющим отрицательную окраску.

Взаимодействие глаголов группы с глаголами других семантических классов распределяется по убывающей линии. Наиболее полно и регулярно наблюдается взаимодействие с глаголами говорения, движения, звучания, производственной и бытовой деятельности. Такая продуктивность и регулярность, с одной стороны, связана с экстралингвистическими факторами, а именно: глаголы, употребляющиеся в этих значениях, отражают живые, повседневные процессы обихода сельских жителей; с другой стороны, объясняется лингвистическими факторами и связана с внутренней формой самих глаголов. Глаголы, во внутренней форме которых заключен звук, шум, звукоподражательные по происхождению, чаще всего выступают в значениях 'говорить', 'петь', 'звучать'. Значения же, связанные с производственной деятельностью, движением, чаще всего имеют глаголы, значения которых являются производными, возникшими в результате метафорических переносов, основанных на ассоциативных и функциональных признаках.

При сопоставлении ЛСГ со значением 'бить, ударять' в говорах и литературном языке выявляются общие закономерности функционирования глаголов, которые проявляются в особенностях семантики глаголов "удара". Эта особенность глаголов группы заключается в диффузности значения как просторечного, так и диалектного глагола, наблюдается же она в структуре многозначных глаголов. Но если у слов разговорно-просторечных диффузность семантики ограничивается глаголами типа драть, дуть, жарить, садить, то круг диалектных глаголов шире и многообразнее. Этот круг расширяется как за счет словообразовательных возможностей диалектного слова, так и за счет включения в микросистему междиалектных слов и слов местных, в основном заимствованных из финно-угорских языков (войдатъ, пазгать, рячкать, шыньгать и др.).

Взаимодействие ЛСГ со значением 'бить, ударять' с глаголами других семантических групп отражает системные связи в лексике.

Э.Д.Головина

ВНУТРИСЛОВНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ  
В СЕВЕРНОРУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ  
(на материале говоров Кировской области)

Хотя научный интерес к проблеме языковой вариантности стойко сохраняется на протяжении уже нескольких десятилетий и ознаменован появлением в последние годы целого ряда разноспектных исследований (монографий, статей, диссертаций),<sup>1</sup> ее нельзя отнести к числу решенных. Главной причиной этого представляется традиционное неразличение и неразграничение нескольких отдельных, вытекающих одна из другой проблем в рамках указанной общей. Это, во-первых, сущность языковой вариантности; во-вторых, типы языковой вариантности; в-третьих, типы вариантов слова; в-четвертых, критерии тождества единиц языка на разных его уровнях.

В данной работе, содержащей анализ внутрисловной вариантности в одном из северорусских говоров, исходными являются следующие теоретические положения.

Вариантность единиц языка, охватывающая все его уровни и наблюдающаяся в языковых системах разных типов, относится к числу лингвистических универсалий и возникает при отсутствии однозначного соотношения между планом содержания и планом выражения: одно значение соответствует двум или нескольким, а не одной материальной оболочке (формальная вариантность), или одна материальная оболочка заключает не одно, а несколько значений (семантическая вариантность).

<sup>1</sup> Г о р б а ч е в и ч К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978; Г р а у д и н а Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980; К р ы с и н Л.П. Социолингвистическое исследование вариантов современного русского языка: Автореф. докт. дис. М., 1980; Б л и н о в а О.И. Проблемы диалектной лексикологии. Докт. дис. Томск, 1975; Ч е р н е й к о Л.О. Опыт парадигматического анализа лексики: Автореф. канд. дис. М., 1980; М и - н и на Л.И. Вариантность местонимений в переходном говоре Анучинского района Приморского края: Автореф. канд. дис. Л., 1981; Ка р т о с е в М.А. Орфографическая вариантность заимствованных слов и ее причины. - Русский язык в школе, 1982, № 3, с.84-89, и др.

Имея в виду один из типов языковой вариантиности — внутрисловную вариантиность, А.И.Смирницкий писал: "В вариантах слова мы находим материально, в звуках объективированную, выраженную лексико-семантическую общность либо при внешне не выраженнем лексико-семантическом различии, либо при внешнем различии, не выражающем никакой лексико-семантической дифференциации".<sup>2</sup>

Вследствие общеизвестной иерархичности единиц языка их вариантиность также иерархична: варьирование фонем создает вариантиность звуковой оболочки морфемы, включющей эту фонему; варьирование морфемы — это в то же время варьирование слова, ее содержащего; варьирование отдельных слов приводит к варьированию формы фразеологизма и т.д.

В настоящее время не выработаны критерии, позволяющие бы разграничивать разноуровневую вариантиность в языке, хотя ощущается настоятельная необходимость в дискретном описании и исследовании явлений, относящихся к варьированию эмических единиц каждого языкового яруса. Неодинаково трактуется отечественными исследователями понятие "вариант слова". Так, А.И.Смирницкий<sup>3</sup> и О.С.Ахманова,<sup>4</sup> например, справедливо не относят к внутрисловной вариантиности регулярные позиционные фонетические чередования в речевом потоке, а К.С.Горбачевич включает фонетическое варьирование в свою классификацию вариантов слова наряду с акцентологическим, фонематическим и морфологическим варьированием.<sup>5</sup> По-разному расцениваются и так называемые словообразовательные варианты слова (волчиха — волчица, апельсинный — апельсиновый, национализировать — национализовать, соглаша — соглажу и т.п.).<sup>6</sup>

<sup>2</sup> Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема "тождества слова"). — Труды Ин-та языкоznания АН СССР, 1954, т.ГУ, с.25.

<sup>3</sup> Там же, с.32-34.

<sup>4</sup> Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лекоикологии. М., 1957, с.196.

<sup>5</sup> Горбачевич К.С. Указ. соч., с.21-22.

<sup>6</sup> См.: Филин Ф.П. О слове и вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с.132.

Чтобы уточнить объем понятия "вариант слова", необходимы четкие, лингвистически обоснованные критерии разграничения вариантиности разноуровневых языковых единиц. На наш взгляд, вариантиность таких единиц, как слово и лексикализованное устойчивое словосочетание, с одной стороны, и вариантность морфем и фонем, с другой стороны, имеют принципиально различный характер.

У эмических единиц языка – разный статус. Слово (а также эквивалентный ему фразеологизм) – основной элемент реальной языковой коммуникации, основная единица языка как коммуникативной знаковой системы. Фонема и морфема – это материальные рабочие единицы, используемые как стратиграфическое средство в ходе разочленяющего лингвистического анализа и служащие для целей дискретного описания слова как основной единицы языка: "Морфема (подобно фонеме) вычленяется только в ходе специального исследования, являясь результатом сознательной абстракции".<sup>7</sup>

В речи абстрактные эмические единицы языка (слова, морфемы, фонемы) реализуются в виде одного из своих вариантов – аллолексов, алломорфов, аллофонов. Вариантность языковых единиц указанных выше двух типов по своей природе различна. Вариантность стратиграфических эмических единиц (морфем и фонем) обусловлена формальной позицией.

Для алломорфов морфемы характерна обусловленность их соседними алломорфами, т.е. "позиционное распределение".<sup>8</sup> Например, "суффикс уменьшительных существительных II скл. представлен алломорфами -к(а) и -очки(а)... причем морф -к(а) виступает только после сочетаний "гласная + согласная", ст, зд... и невозможен после других сочетаний согласных"<sup>9</sup> (берез-к-а, шерот-к-а, борозд-к-а; но ламп-очки-а, кофт-очки-а), префикс де- употребляется перед согласными (деформировать),

<sup>7</sup> Кубрикова Е.С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии.– Там же, с.182.

<sup>8</sup> Русская грамматика, т.1, М., 1980, с.125.

<sup>9</sup> Там же, с.126.

причем исключения здесь возможны, но редки (деэтимологизация и др.). Кроме того, позиционное употребление алломорфов может быть "обусловлено не формальной структурой соседнего морфа, а соседним морфом в целом как носителем определенного (грамматического. - Э.Г.) значения",<sup>10</sup> например: мороз-и-ть и замораж-и-ва-ть. Этот вид позиционной обусловленности можно обозначить как морфемный. Наблюдается и двойная - фонетическая и морфемная - листрибуция алломорфов одновременно. Так, употребление -ся после согласных (моется) обусловлено фонетически, а после флексий рода, числа, падежа - морфемно (мокшийся). Разностороннюю листрибутивную обусловленность алломорфов изучает морфонология.

В значительной мере абстрагирована и звуковая стратиграфическая единица языка - фонема, выступающая в виде "конкретных звуковых реализаций в определенной позиции в словоформе".<sup>11</sup> Ср.: столы [столы], столик [стол'ик] и стол, где гласная фонема <о> в сильной позиции (под ударением, между твердыми согласными).

Позиционное варьирование морфем и фонем не закреплено за определенными лексемами, не индивидуализировано и может быть охарактеризовано как надсловное.

В отличие от надсловного варьирования морфем и фонем речевое варьирование таких эмических единиц, как слово (лексема) и устойчивое словосочетание (фразема), в формальном отношении листрибутивно инертно: вариантность такого порядка лексикализована, более или менее строго индивидуализирована и является внутрисловной (или, соответственно, внутрифраземной). Например: калоша - галоша, бивак - бивуак, творог - тв́орог, зал - зала - зало, кудель - куделя, сахара - сахару, воробушек - воробышек, картина 'произведение живописи' и 'кинофильм'; ничто-же сумнялся и ничто-же сумняшися и т.д. Таким образом, и вариан-

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же, с.69.

там на уровне слова должны быть отнесены все формально не обусловленные материальные и смысловые его разновидности.

В предлагаемой статье рассматривается только варьирование внешней оболочки слова, т. е. формальная вариантность. Основной конкретный материал, на который опирается автор, — это лексика современных кировских говоров, относящаяся к местной географической терминологии, а также смежные лексические пласты (названия растений и т. п.). Использована картотека, содержащая более 800 словарных единиц, собранных в ходе диалектологических экспедиций разных лет. В плане языковой вариантности кировская географическая терминология еще не анализировалась, хотя, как известно, "исследование теоретических основ проблемы слова и его вариантов на базе детального изучения отдельных групп слов — одна из важных задач лексикологии".<sup>12</sup> Анализ диалектных языковых единиц в рамках определенной лексико-семантической группы делает возможной статистическую обработку материала, которая применена и в данной работе.

Варьирование материальной оболочки слов в местной географической терминологии представлено двумя основными разрядами — грамматическими и неграмматическими вариантами лексем.<sup>13</sup>

Грамматические варианты слова включают, во-первых, формообразовательные варианты (вариантность фонем наблюдается в аффиксах и флексиях, образуяих грамматические формы слова: длиннее — длиньше, нести — несть, жеребцов — жеребцей); во-вторых, категориальные варианты (эксплицитное и имплицитное варьирование гласов в грамматическом роде и в склонении).

Поскольку эксплицитные категориальные варианты широко представлены в диалектном материале, остановимся на них подробнее. Они представлены несколькими разновидностями:

---

<sup>12</sup> Филин Ф.П. Указ. соч., с.133.

<sup>13</sup> Учитывается как диалектно-диалектная вариантность (баларужина — баларужина, стрежь — стрежа, вал — валь — вала), так и диалектно-общерусская (просек — просека, илем — ильм).

А. Варьирование гласо, различных по грамматическому роду и по склонению:

а) м.р. - ж.р. II скл.: вал - вала 'красная глина', ильм - ильма 'род вяза', мяснѝг - мяснѝга 'глина', пáберег - пáберега 'заливаемая часть берега', пелёд - пелёда 'стенка гумна', прилúк - прилук 'внешняя дуга речной излучины', крайу́ль - крайу́ля 'изгиб реки, дороги и т.п.', сutíрь - сutíря 'спорный участок', хóлуй - хóлудя 'нанос от разлива реки';

б) м.р. - ж.р. III скл.: вал - валь 'красная глина' ердан - ердань 'прорубь';

в) м.р. - ср.р.: плес - плесо 'участок реки';

г) ж.р. - ор.р.: жни́ва - жни́вьё 'жнивьё', верéтья - верéтье 'сухая возвышенность'.

Б. Варьирование гласос одного рода, но разного склонения: стрежа - стрежь (стрежень), вала - валь (красная глина).

Отглагольные префиксально-бессуффиксные существительные, различающиеся по грамматическому роду (типа засéк - засéка, выгор - выгорь), не входят в данную классификацию внутрисловных грамматических вариантов, поскольку большинство исследователей, анализировавших диалектный и общерусский материал, склоняется к тому, что это словообразовательные синонимы, представляющие не внутрисловную, а межсловную вариантность в русском языке.<sup>14</sup>

К неграмматическим вариантам слова относятся фонематические и акцентологические его разновидности. Следует иметь в виду, что различные виды неграмматических вариантов слова могут быть не только полными (различные материальные оболочки во всех словоформах), но и неполными (различия лишь в некоторых формах слова), например: огнь - огонь, правы - правы.

#### 1. Фонетическое варьирование:

А. Количествоное варьирование: алýбыш - балибыш 'круглая возвышенность', аржíще - аржíш 'поле, бывшее по рожью', верéтья - верéтье 'сухая возвышенность', заболотки -

<sup>14</sup> См. об этом: Шамина Н.А. Явление родовой синонимии в русском языке: Автореф. канд. дис. Казань, 1971.

‘заболоченное место’, йльм – йлем род вяза, кочкарник – кочкарник ‘бугристое место’.

#### Б. Качественное варьирование:

а) СубSTITУЦИЯ гласных: ольшаник – ольшаник ‘ольховник’, ольшаник – ольшинник ‘то же’, халуй – холуй ‘нанос от разлива реки’, чомкас – чымкас ‘расстояние между охотничьями шалашами’, бузун – бызун ‘мелкий сухой скрипучий песок’;

б) СубSTITУЦИЯ согласных: вап – лап ‘красная глина’, лыбун – зыбун ‘трясина’, ложботина – ложготина ‘небольшой заросший лог’, согра – шогра ‘заболоченная, поросшая мелколесьем низина’, мышелка – мичелка ‘небольшая возвышенность, мыс’, подсека – подчека ‘росчисть’, шумник – шубник ‘вид березы’, чистяк – чистяг ‘росчисть’;

в) СубSTITУЦИЯ гласных и согласных: вискирь – выскирь ‘выдающаяся часть чего-либо; мыс’, засек – сусек ‘закрома’.

#### В. Смешанное (количественно-качественное) варьирование: чомкаст – чымкао ‘расстояние между охотничьями шалашами’.

Г. Метатезы: баралужина – баларужина ‘лужа’, ладонь – долонь ‘ровный участок’, тундра – трунда ‘вязкое непахотное место’.

2. Акцентологическое варьирование: бельник ‘белая глинистая почва’, бечёвник ‘прибрежный галечник’, волошка ‘островок леса или покоса’, заполек ‘дальнее поле’, засек ‘вырубка’, каменистая почва’, наволок ‘заливной берег’, община ‘общественный лес’, остожье – остожё ‘площадка для скота’, подсека ‘вырубка под росчисть’, пригорода ‘загон’, фура ‘лесная река’, ямуряна ‘яма’, ячменьше ‘поле, бывшее под ячменем’.

Акцентологические варианты – наиболее распространенный тип внутриоловной вариантности в исследуемом говоре. В целом же явление внутрисловного варьирования охватывает примерно четвертую часть проанализированного диалектного лексического материала.

Исследователи полагают, что в территориальных диалектах лексическое варьирование отличается особой продуктивностью сравнительно с кодифицированным общерусским языком, чему способствует “устная форма бытования диалекта и связанная с этим широта норм словоупотребления, воздействие на диалекты литературы”.

турного языка и обусловленное этим воздействием двуязычие (местного населения. - Э.Г.), взаимодействие говоров с иными диалектами и вызванная этим интеграция разнодиалектных лексем, влияние на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором и т.д."<sup>15</sup>

Изучение языковой вариантности, в особенности - внутрисловной, на диалектном материале имеет не только общелингвистическую теоретическую ценность, но и практическое применение в деле составления областных словарей. В уже вышедших диалектных словарях нет единобразия в подаче вариантов слова, словообразовательных синонимов и т.д. Так, в СРНГ не скорректирована подача глагола кадачих - кадочик - кодачик - кадочик - кодо-чиг - кодочик, балендрясить - балентрясить - балантресить - балантроsить и др.

Кроме надсловной и внутрисловной вариантности, бывшей предметом рассмотрения в данной статье, в языке существуют и такие типы вариантности, как надсловная вариантность (парадигматические отношения синонимичных, омонимичных единиц) и валентная, т.е. вариантность синтагматических отношений языковых единиц: это явление множественности словообразовательной мотивации, многовалентной лексической и синтаксической сочетаемости слов и т.п. Их изучение на диалектном материале, т.е. в устно-разговорной территориальной разновидности современного русского языка, может оказаться чрезвычайно плодотворным для решения проблемы языковой вариантности как в общетеоретическом, так и в практическом (лексикографическом) плане.

<sup>15</sup> Б л и н о в а О.И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова. - В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. I. Новосибирск, 1972, с. 99.

ЗАМЕТКИ ПО СЕВЕРНОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Народная фразеология, органическую часть которой составляют диалектные фразеологические единицы разных видов, изучена в значительно меньшей степени, чем литературная, о чём довольно убедительно написано А.И.Федоровым<sup>1</sup> и что подчеркивается в других исследованиях народной речи и лексикографической практике.<sup>2</sup> Определившийся интерес к изучению русских народных говоров и важность местных устойчивых сочетаний для исследования фразеологии национального языка делает целесообразным введение в научный оборот и данных по северорусским говорам, отражающих небольшую часть богатой фразеологическими материалами КСРТК.

Основной целью заметок является выяснение предметного содержания диалектных фразеологизмов, зафиксированных в картотеке, и их соотнесенности с фразеологией литературного языка.

Тематический подход к описанию местных фразеологизмов<sup>3</sup> позволяет выделить несколько групп сочетаний, функционирующих в речи носителей говоров и обозначающих социально важные понятия:

1. Сочетания, обозначающие занятия, производственную деятельность человека, вид выполняемой работы (часть из них указывает на прошлое в жизни людей): хаем бить 'работать', ходить своей рукой 'делать что-либо самому', ходить хозяйством 'работать по дому, хозяйствовать', убрать дом 'построить дом', ходить в товарищах 'быть попутчиком', бреднем ходить 'ловить рыбу

<sup>1</sup> Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980, с.3

<sup>2</sup> Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980, Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981; Чагинева В.И. К изучению диалектной фразеологии. - В кн.: Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972; Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972, и др.

<sup>3</sup> Правомерность такого подхода подтверждается и новым словарем-справочником, построенным по тематическому принципу: Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1981.

бреднем', ходить на бродки 'ловить рыбу', ходить по убегу 'ставить сеть', ходить по нянькам 'работать нянькой', ходить по бурлакам 'работать в отхожем месте', уйти на отходни 'быть на отхожих промыслах', ходить по работникам (работницам) 'наниматься в работники (работницы)', ходить на хлебы (по хлебам, на кузык) 'обедать по очереди у хозяев скота (о пастухе)'.

2. Сочетания, характеризующие праздное времяпрепровождение, развлечения людей: ходить как бобричек 'бездельничать', ходить в походушках 'слоняться без дела', усидком сидеть 'сидеть без дела', сесть в угол 'находиться дома', ходить в народ 'гостить', ходить в чужаки 'гостить в чужой деревне', ходить на удивление 'посещать увеселительные зрелища', ходить утешкой 'танцевать утошний танец', ходить в кадрелку 'танцевать кадриль', ходить за котомками 'сидеть с девушками'.

3. Сочетания, обозначающие разного рода действия. Среди них - фразеологизмы со значением 'бить', 'наказывать', 'доставлять неприятности': фордовень дать 'побить', дать ходу 'побить в наказание', на чай дать 'наказать', на ложке утопить 'отомстить при удобном случае'; с общим значением 'говорить': фоном фукат 'ворчать, высказывать недовольство', язык за уши закидывать 'много говорить', воздымать хвоста 'затевать скору', на ура поднимать 'приветствовать, поздравлять', на уру вздыхать 'подбрасывать под крики "ура"', делать условку 'уславливаться, договариваться'; другие обозначения различных действий, движений: ходьма ходить 'двигаться в разные стороны, шататься', пойти на уход 'уйти', унести с глаз 'убрать, спрятать', делать усадку 'оседать', хлестать в ладони 'аплодировать', хлебнуть глазом воды 'промыть глаз'; фразеологизмы, подчеркивающие результат тех или иных действий, поведения человека: устроиться на великие дела 'достичь высокого положения', утереть хвост кому-н. 'одержать верх', подложить (положить) свой ум 'проявить себя', пойти на урон 'понести потери', сделать на факте 'показать на примере', дать ума 'направить на верный путь'.

4. Сочетания, характеризующие физическое и психическое состояние человека: уронить голос 'окрикнуть', усталь берет 'об усталости', холодный пот прошел 'о состоянии озинба от страха', слезами убиться 'много плакать', уснуть спать 'заснуть',

откинуть хвост 'уснуть', лежать без ума (без памяти) 'находиться в тяжелом состоянии', выходить на ходах 'перенести болезнь на ногах', попасть в чахотку 'заболеть туберкулезом'. косье не утянуть 'погибнуть', в упряжку класть 'умирать', уснуть этим сном 'умереть во сне', к ногтя уйти, уйти во мры 'умереть', умереть с языка 'скоропостижно умереть', умереть живой смертью 'пропасть без вести', подкулить хвост 'испутаться', сердце умерло 'о сильном испуге', душенька халтит 'душа болит', в уме водить 'думать, беспокоиться', поворить (подумать) умом 'усиленно думать', взять в ум 'собразить', обойти умом 'перебрать в мыслях', остаться без ума 'забыть', часть в ум 'прийти в голову', в умах нет 'нет в мыслях', ум гинет 'трудно сосредоточиться на чем-н. одном', ум кругом пойдет 'о потере способности ясно соображать', в уме устоять 'сохранить здравый ум, рассудок', ум спал 'кто-н. утратил память, забыл', на ус брать 'запоминать'.

5. Сочетания, называемые положительные или отрицательные качества человека, поступки, поведение, свойства характера: ходкий на руку 'драчливый', мешком хлыстнутый 'со странностями в поведении', в уме 'умный, толковый', ума полно кумполо 'очень умный', держать ум 'быть умным', комедию уродовать 'капризничать', упряжку вертеть 'упрямиться', фокус ставить 'доставлять неприятности', ходить на душой 'беспокоить, не давать покоя', завести в характер 'разгневать', урываться урывком 'стремиться во всем успеть; убегать украдкой'.

6. Сочетания, характеризующие трудную, полную лишений жизнь человека: поесть всяких хлебов 'всего повидать, все пережить', хватить шильцем патоки 'много пережить, испытать в жизни', в соль хлебом тыкать 'жить бедно, испытывая недостатки'.

7. Сочетания, называемые человека и предметы, отвлеченные понятия по какому-либо характерному для них признаку: уста терпеливый 'молчаливый, спокойный человек', благая утроба 'покладистый человек', Ефрем ушастый 'разиня', чайный нос 'любитель пить чай', чайные люди 'любители пить чай', хлюпая девка 'старая дева', утичье молоко 'чай', урожайная корова 'высокоудойная корова', беседная фатера 'дом, занимаемый для посиделок', зеленая улица 'вид игры', умиральное платье 'одежда для

погребения', уха по балкам 'уха о рыбьей печенью', цветные го-  
дички 'молодость', умное время 'зрелый возраст', добрый ум  
'трезвый ум', легонький умок 'состояние легкого опьянения'.

8. Сочетания, содержащие в себе качественную характеристику действий, состояний и т.п.: на усмике 'весело, с улыбкой', в усмerte 'очень сильно', язык утынат 'вкусно', в вели-  
кую упряжку 'очень крепко', только хвост замахается, в упряжку  
'быстро', по упряжкам 'время от времени, урывками', без упряж-  
ки 'непрерывно', уседкой сидеть 'усердно', на ура 'как при-  
дется', холодом и голодом (жить) 'бедно', без упокоя 'без кон-  
ца', ничем чего 'совсем ничего нет', не по уму 'не по нраву',  
идет (ложь) как из ушата 'льет как из ведра', идти по уму  
'выходить замуж по своей воле', уйти (уходкой) ходкой 'само-  
вольно, без согласия родителей выйти замуж'.

9. Сочетания, имеющие временное значение: на упряжку 'на-  
долго', в утрах, в утро 'утром', к утрему 'к утру', над утром  
'под утром', не в час 'не вовремя', до часу 'преждевременно',  
в урывок 'в свободное время', не успеть отворить глаз 'очень  
окоро'.

10. Сочетания бранного характера: хвати малеш 'черт возь-  
ми', усов те в бок 'пожелание чего-либо неприятного, нехороше-  
го'.

По структуре рассматриваемые фразеологизмы разноштатны. В их составе встречаются образования от двусловных сочетаний, среди которых преобладают глагольно-именные, типа воздымать хво-  
ста, чуру не чуять, и именные, типа чайный нос, ходкий на ру-  
ку, вплоть до развернутого предложения, например, ум кругом  
пойдет, ума колно кумполо. Однако их структурное разнообразие,  
как уже не раз отмечалось исследователями, в целом соответствует структурным типам фразеологизмов литературного языка.

В компонентном составе фразеологизмов отметим наличие об-  
ластных слов в небольшой части сочетаний, которая выделяется  
на фоне значительного числа фразеологизмов, образованных на ос-  
нове общеупотребительной лексики. Таковы обороты хаем бить 'ра-  
ботать', ср. отмеченное в архангельских, кемских говорах хай,  
заимствованное из карельского haju 'ум, разум' (Фасмер, IV,  
216); усов те в бок 'пожелание чего-либо неприятного, нехоро-

шего', ср. зафиксированное в новгородских говорах усов 'засов, запор, жерль' (Даль, IV, 527); хвати малеш 'черт возьми', ср. отмеченное в говорах Прионежья малеш 'леший'; иу их ко фрянкам 'прочь, вон, долой', ср. бытующее в олонецких говорах фрянка 'чирей, нариц' (Фасмер, IV, 208); ходить на кузик, душенька халтит - неясны кузик, халтит (последнее, может быть, связано с сиб. халтить 'студить' - Даль, IV, 541).

По характеру их семантики фразеологизмы имеют в большинстве случаев обобщенно-переносное значение, по-разному связанное с семантикой их компонентов.

Во-первых, выделяется сравнительно небольшая группа семантически неразложимых сочетаний типа илиом, утративших мотивировочные признаки и характеризующиеся, как писал В.В. Виноградов, абсолютной невыводимостью значений целого из компонентов; <sup>4</sup> черта в стуле накачать 'наболтать, наговорить', черту на печь не закинуть 'много', к ногтю уйти 'умереть', хаём 'быть' 'работать', ходить как бобричек 'праздно проводить время, бездельничать'; как царя привез 'кто-н. устал от работы' и др.: Чёрта в стуле накачат, всё расскажет (Медв.); Все крещёные дивутся, что я ещё хаём бью (Белом.); Вечёр придёт - как царя привезла, делать ничего не хочется (Бокс.); День она ходит как бобричек, ей и стульчик не стоянло (Кем.). Немотивированным представляется и фразеологизм уйти во мры 'умереть'. В сибирских говорах мры 'мрак, туман со снегом' (Даль, II, 368), но в этом случае вызывает сомнение форма мры с твердым согласным. Скорее, это "развертывание" глагола умереть (ср. поехать в Могилевскую губернию от могила).

Во-вторых, выделяется значительная часть фразеологизмов образного характера, семантически неразложимых, но сохраняющих мотивированность целостного значения, связанного, по выражению В.В. Виноградова, с "пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства":<sup>5</sup> поесть (испытать) всяких хлебов 'много пе-

<sup>4</sup> Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947, с.22.

<sup>5</sup> Там же, с.247.

режить', перетираться до чужого нутра 'вмешиваться в чужие дела', царское и боярское своротить 'перемешать, перепутать', два царства царствовать 'хорошо жить в мирской и загробной жизни': Всего повидать, всё пережить, ой, всяких хлебов поедено (Медв.); Всяких хлебов за жизнь испытала (Карг.); Люди перетираются до чужого нутра (Волх.); Ой, батышки-светы, своротили царско и боярско, всё вместе (Чуд.); Богатый живёт - два царства царствует, бедный человек тут плюхо живет да и на том свете, а богатый два царства царствует: здесь живет хорошо, туда пойдет, тоже ему хорошо будет (Белом.).

В-третьих, широко представлены фразеологизмы с общим аналитическим значением, в которых один из компонентов имеет фразеологически связанное, а другой свободное значение (умереть по части 'умереть естественной смертью', держать в части 'содержать в порядке', завести в чувство 'привести в сознание'; чудеса строить 'фантазировать, выдумывать что-либо необыкновенное'): Один зять на льду уился, другой по части умер (Чепр.); У меня уж двадцать годов бурак, он ловкой, лёгонький, я его и дёржу в части (Пуд.); В чувство завели и всё (Подп.); Она щодеса-то тоже строит, знат говорить-то, наговорит всего (Шлес.).

Известное многим северорусским говорам слово упряжка 'часть рабочего дня от одного приема пиши до другого' в разных предложно-падежных формах развило новые, фразеологически связанные значения: в упряжку 'быстро', по упряжкам 'время от времени', без упряжки 'непрерывно'.

Сопоставление диалектных фразеологических единиц по структуре, семантике и лексическому компонентному составу с литературной фразеологией показывает, что отдельные сочетания синонимичны общеупотребительным: в ооль хлебом тыкать ср. перебиваться с хлеба на квao (с куска на кусок, с корочки на корочку, с гроша на копейку),<sup>6</sup> уйти во мры ср. уйти к праотцам, сыграть в ящик, дать дуба.<sup>7</sup> Некоторые обороты обнаруживают се-

<sup>6</sup> Фразеологические обороты литературного языка даются по кн.: Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И.Молоткова. М., 1967.

<sup>7</sup> Обороты с пометой "прост." приводятся как экспрессивные единицы литературного языка.

мантическую близость с общенародными, но, как правило, имеют иной компонентный состав, а часто и иную структурно-грамматическую оформленность: только хвост замашется ср. только пятки сверкают, завести в характер ср. довести до белого каления. Фразеобразующей активностью характеризуется глагол ходить, особенно в 1-й семантической группе: ходить по нянькам, ходить по работникам, ходить по бурлакам. В литературном языке другая структурная модель, с глаголом совершенного вида: пойти в нянки, работники, дворники и т.п. Значительная часть оборотов тождественна по значению и по структуре общенародным сочетаниям, но отмечена вербированием лексических компонентов, среди которых встречается и литературная, и областная лексика: ходить над душой - отстоять над душой; утереть хвост - утереть ноо; льет как из ушата - льет как из ведра; поджулить хвост - поджать хвост и др. Широко представлены и несоотносительные с литературным языком обороты, отражающие некоторые особенности местного хозяйства, быта, обычая: убрать дом, бродцом ходить, ходить по убегу, уйти на отходни, ходить на кузик, ходить в чужаки, на уру вздымать.

Представленные в статье устойчивые сочетания не отражают всего фразеологического богатства КСРГК, но дают фразеологам новый материал для сопоставительных и типологических исследований.

В.И.Трубинский

### О РАСПРОСТРАНИТЕЛЕ У + РОД.П. В ЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ПРИЧАСТИЕМ

Несмотря на обилие и большую продуктивность в севернорусских говорах чисто диалектных оборотов с неизменяемым кратким страдательным причастием как двухсоставных, так и безличных, наиболее употребительным типом нечленнопричастной конструкции

<sup>1</sup> Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, с.27-223.

остается здесь общерусский оборот, в котором причастие согла-  
суется с именем в роде и числе: дом поставлен, изба пооставле-  
на, избы поставлены. Это относится, как свидетельствуют на-  
копленные материалы, даже к тем частным системам русского Се-  
вера, где степень употребительности ярко диалектных страда-  
тельно-бездличных оборотов причастных конструкций оказывается  
наивысшей.<sup>2</sup>

По причине его видимой обще распространенности данный тип  
не задерживал, как правило, внимания диалектологов. Он не на-  
шел отражения в синтаксической части "Программы сопирания све-  
дений для диалектологического атласа русского языка" (Яро-  
славль, 1945; М.; Л., 1947), а следовательно, не смог быть по-  
настоящему отражен и в самом атласе. Однако, как все же уда-  
лось выяснить И.Б.Кузьминой, используя помимо анкетных также и  
дополнительные материалы, в масштабе всех русских говоров этот  
оборот предстает как явление различительное. Была установлена  
его примерная изоглосса, отграничивающая сравнительно неболь-  
шую территорию в западной части среднерусской полосы, а именно  
северную половину селигеро-торжковских говоров. Здесь оборот,  
по свидетельству исследовательницы, полностью замещается экви-  
валентной ему конструкцией с неизменяемой формой на -ши страда-  
тельного залога: дом (изба, избы) построили.

Имеет рассматриваемый тип, как стало теперь очевидно, и  
другую изоглоссу, "скрытую", не установленную пока еще сколь-  
ко-нибудь точно, — ту, что соответствует весьма резкому раз-  
личию в его употребительности. О существовании такого разли-  
чия убедительно говорит уже простое сопоставление магнитофон-  
ных записей (дорожек одинаковой длины) севернорусской (напри-  
мер, южно- и восточноновгородской, прионежской, вятегорской,  
каргопольской, пинежской) и южнорусской (например, смоленской  
или калужской) диалектной речи. На каждую южнорусскую форму  
нечленного причастия в данной конструкции приходится, как обна-  
ружилось, 5-7 и более соответствующих севернорусских форм и 3-  
5 западносреднерусских.

<sup>2</sup> Р у с с к а я диалектология /Под ред. Н.А.Мещерского. М., 1972, с.216.

Есть, наконец, еще одно важное диалектное различие оборота, в значительной, видимо, степени связанное с предыдущим. Это характерная для русских говоров широкого Северо-Запада, но не свойственная южнорусским, восточносреднерусским и многим севернорусским говорам возможность употребления в составе причастной конструкции сочетания предлога *у* с именем в род. падеже в функции распространителя с чисто субъектным значением: А мусор-то здесь у забора у ей верно высыпан, а у кого ж? (акцент на распространителе) (Оской Чуд.).

На этой различительной черте оборота, пока еще мало изученной, мы и сосредоточим внимание в настоящей статье. Как часто реализуется указанная возможность в диалектной речи? Каково взаимоотношение "чисто субъектного" и обычного, "посессивного" значений в семантике распространителя? Как эксплицируется первое, вычленяясь из синкетического значения посессивности? Какую роль играет данный распространитель в залоговой и временной системе глагола? Попытаемся по возможности ответить на эти вопросы.

На первой ступени анализа все наши факты подразделились в отношении семантики распространителя *у* + род.п. лишь на три группы, различаемые на основе вполне объективных признаков (по преимуществу тоже семантических). Это конструкции, в которых данный распространитель имеет следующие значения: 1) только обладателя, 2) обладателя и деятеля одновременно; 3) только деятеля (как в последнем примере).

Рассмотрим названные группы:

1. Конструкции, в которых чисто посессивное (т.е. несложненное значением деятеля) значение распространителя является бесспорным. Объективный признак: по смыслу фразы, из ситуации или контекста ясно, что обозначенный распространителем обладатель результата действия, выраженного основой причастия (или одушевленный предмет, на котором как-либо отражается этот результат), не есть деятель: *А тот хвостался да фёс садет спинато, после посмотрели веть спинато фёс у его вычарапана ноктями байник вычарапал* (Труфанова Гора Нин.); *Молоды-то люди веть дома теперь не живут, а стары-то люди даж у них сила вынята* (Лекшмозеро Карг.); *У Фёдора-то веть глаш выстрелен и Семён Малинин без ногий* (Богослово Пест.).

Подобные факты составляют до 12% всех рассматриваемых конструкций, содержащих распространитель у + род.п.

2. Конструкции о недифференцированным посессивно-субъектным значением распространителя. Группа очерчивается четко, но лишь негативно, по отсутствию признаков 1-й и 3-й групп: Весь огорожен у их участок-то штот никто не залол (Шотова Гора Карп.); Нет, ведёрко я уж убрала, убрала уж, милюшка, у тебя веть фсё тут изрыто, фсё перекопанс, фсё у тебя перерыто, что о робу у меня таково хабсу не бывало (Устье Кировское Пест.); Син приехал, выломил [лодку], она у меня закрыта, чтобы не раздирало ветром, так доски лопамиша от ветра (Шуй Прион.) и под.

Данная группа — самая объемная (включает до 75% всех фактов). Она наиболее важный объект нашего рассмотрения и подлежит дальнейшему анализу (см. с.132-135).

3. Конструкции, в которых распространитель у + род.п. имеет только значение деятеля. Отметим следующие два объективных признака.

Первый признак (как бы противоположный тому, что выделяет 1-ю группу). По смыслу фразы (или контексту) ясно, что обозначенный распространителем производитель действия не является обладателем результата этого действия. Результат здесь, в тому же, никак не оказывается на деятеле. На долю распространителя остается в таком случае "чистое" значение деятеля: Козлы-то ёты у соседа у Васи зделаны дай боу здравья (Подолесье Гд.).

Выяснилось далее, что данный признак лишь наилучшим образом удостоверяет "чистоту" значения деятеля в семантике распространителя, показывает принципиальную возможность такого значения. Однако заведомое несовпадение реальных "обладателя результата" и деятеля (если именно последний обозначен распространителем, как в только что приведенном примере) не является для значения деятеля условием непременным. Подобное значение распространителя весьма язвительно вычленяется из общего посессивно-субъектного значения также и в тех еще более частных случаях, когда из ситуации ясно, что деятель стал обладателем результата своего действия. Но факт обладания не получает отра-

жения в семантике подобных конструкций, тем самым обеспечивается "чистота" значения деятеля, выражаемого распространителем: *А вó дровы, погляш, у Филипа у самово раскóлоты* (Ремда Сер.).

На первый план в подобных случаях выступает уже не семантический, а описываемый ниже второй, структурный, признак.

Второй признак. Распространитель, обозначающий только деятеля (не обладателя), несет на себе обычно фразовое ударение, нередко являясь при этом речом (ядром) высказывания. Последняя в диалектной, как, впрочем, и во всякой устной, некодифицированной речи, определяется чаще всего (если только актуализация высказывания действительно происходит) не словопорядком, а интонационно-акцентными средствами, а также сопровождающими их иногда внешними актуализаторами: *Ето у ме́ня, говори́т, фё построено, фё своё, голáти-то закрепи́л* (Шато́га гора Карп.); *Он фё ей налади́л, фё у него́ наложено* (акцент на у него), *фё он оби́л; опкраси́л* (Пуя Прион.); *Яблоки у его́ растут и фё растёт, фё у его́ поса́жено* (акцент на последнем распространителе) (там же); *Телеви́зор на́ш хоро́ш работает, у Воло́ди почине́н* (акцент на распространителе) (Оскуй Чуд.); *Тот цве́т [цветок] у менé ви́шит, а той [тот] у Любы* (акцент на распространителях) (Чудская Рудница Гд.); *Ето, погляш, тóжа у ево́ нарисо́вана, у ма́лова* (Подоле́шье Гд.); *А е́то, кажы́сь, у ей писа́но* (актуализатор — модальное слово) (Б. Саби́цы Куж.).

Выражение чисто агентивного значения распространителем *у + род.п.* оказывается, видимо, иногда возможным и без его акцентации. Так бывает в случае отсутствия в семантике рассматриваемых конструкций значения обладания или значения актуального результата, сказывающегося на объекте — обозначении подлежащего: *Рáньше я слéк и ревлю, что берёску сломáют, а тé-перы́-то онí избалóваны [изрезаны, изрублены] у ребя́тишек, тó-порóм подру́бят и води́чка-то побежы́т, берёзовка* (Устицкое Пеот.); *Во и буты́лка ф травы́ у кавó-та брошена* (Самолва Гд.).

Факты 3-й группы в записях немногочисленны (составляют лишь около 6% от всех причастных конструкций с данным распространителем). Существен, однако, сам факт их наличия в русском национальном языке. Важна упомянутая уже принципиальная раз-

можность в его системе таких двусоставных (не безличных) причастных конструкций, где идея субъекта-деятеля оказывается полностью выделенной из синкетичного посессивного субъектного значения данного распространителя (такое же полное освобождение идеи деятеля от значения принадлежности находим, как уже было замечено, в ярко диалектном полнонепереходном посессивном перфекте – безличном обороте у него уделено, для которого, правда, в отличие от рассматриваемой структуры, подобное значение сочетания у + род.п. является обычным; фактически это уже не факультативный распространитель, детерминант, а своеобразный аналог подлежащего).<sup>3</sup>

Данная возможность означает одновременно (коль скоро причастная конструкция двусоставна, а мотивирующий глагол – переходный), что распространитель, получая "чистое" значение логического субъекта-деятеля, неизбежно становится в таком случае (уже на синтаксическом уровне) субъектом пассивнозалоговой конструкции, т.е. приобретает примерно то же значение, какое имеет творительный субъекта в кодифицированной системе (у кого вышит цветок = кем вышит цветок).

Справедливо ли, однако, считать, что пассивнозалоговый распространитель существует лишь в малочисленных примерах 3-й группы и что та же предложно-шадежная форма в предложениях самой объемной 2-й группы не причастна к выражению пассива?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим подробнее примеры 2-й группы.

Попытаемся по возможности различить также и среди этих фактов, с явно недифференцированным посессивно-субъектным значением, неодинаковые ступени отчетливости значения деятеля в семантике распространителя. Различие между ними здесь уже не эксплицируется сколько-нибудь четко. Чтобы избежать излишней субъективности, разделим 2-ю группу примеров лишь на две подгруппы – а и б.

<sup>3</sup> См.: Timberlake A. Subject properties in the North Russian passive. – In: Subject and topic. New York, 1975. р. 545–570. См. также: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) /Под ред. В.П.Недялкова. Л., 1983, с.224.

В подгруппу 2-а поместим примеры, где значение деятеля в семантике распространителя оказывается не вполне явственным; причем неотчетливость этого значения будем определять по признаку преобладания над ним посессивного значения, а точнее — по неполной достоверности того, что выраженный распространителем обладатель результата действия (а это выражение здесь бесспорно) является одновременно и деятелем. Таковы следующие факты: Нéт, у нас здéлана прóдуха-то посмíю трубы, она сверху крышок (Труфанова Гора Пин.); А я говорю: "Нé, мама, не буду пить молокá твоегó, у вас сноú плёвано да заколдовано" (Шотова Гора Карп.); У нас кóт-то повáжен, мы за стол и он за стол (Мы "повалили", приучили? Или это произошло помимо нас?) (там же); У меня лéс-то был на плошáтке навóжен (там же). В этом "связочном" варианте конструкции значение сказуемого, скончее, "претеритно-результативное" ('имелся, будучи навоженным'), чем аористическое ('навозила').

В группу 2-а правомерно отнести также облера распределенные случаи с ярко выраженной статальностью значения причастия, целиком обусловленной заведомо "результативным" значением (или оттенком значения) производящего глагола. Например: Привалились одлохнуть и видят, что змей плывёт, приплыла, а у той рот открыт, спит, и змей в рот заплыл (Самино Выт.).

В подобных случаях, несмотря на полную достоверность того, кто является производителем действия в прошлом, выраженного основой причастия (рот открыл именно она (та), а не кто другой), значение деятеля в семантике распространителя (у той) сведено практически на нет. Отметим как важное, что в подобных случаях не всегда реализуется (даже при участии сверхсегментных средств) упомянутая выше возможность превращения распространителя в обозначение "чистого деятеля". Ср.: это у неё открыт рот, а не у него (здесь акцент — на распространителе, который, несмотря на это, остается обозначением "носителя состояния", а не деятеля; смысл здесь тот же: у кого открыт, а не кем открыт); Цапол, а шапка-то у его адёта аль не? (Слобода Сл.); Мне поплыли за грибами, глядишь, во такими кучами, клубовьи, и у фсих вот головы так высунуты, а хвостами заплетёны, тóко свищут гадовья, голову приподымают и свищут (Самино Выт.).

Подгруппу 2-б составляют конструкции, где значение деяния в семантике сочетания у + род.п. оказывается вполне явственным.

Выделим здесь сначала конструкции более близкие подгруппе 2-а, а именно те, причастие в которых имеет значение вторично-го "посессивного результата".<sup>4</sup> Особенность семантики оборота состоит здесь в том, что результат действия, выраженного причастной формой, сказывается не только на его реальном объекте, но и на агенце-посессоре, обозначенном посессивным сочетанием: у сына в Рыбинском [в Рыбинске] малина, земляника садовая на-сажона, всего́ полно (Шотова Гора Карп.); Она двоём с невеской приеде, у невески-то отпуск еши́ не бран (Вальтево Пин.); у ей ковёр красивой достан (Лесная Солецк.); Севонни просыпающа - апять у них идёт дело, уже фёс пропито у их, чистенькие (Слобода Сл.); у ево [царя] жёнка-то веть японка взята (Ремда Сер.).

Вторичный посессивный результатив опирается, как видно из примеров, на глаголы типа взять, брать, купить, достать, получить и под., само значение которых обеспечивает охарактеризованную выше семантику оборота. Конструкции подобного типа свойственны и литературно-разговорной речи, однако в говорах они отличаются большей употребительностью.

В остальных примерах, представляющих подгруппу 2-б, гораздо более многочисленных, причастие обладает меньшими "результативными" ("статально-пассивными") свойствами и соответственно большей "акциональностью" ("процессуальностью"). Однако значение деятеля в семантике распространителя у + род.п. осложнено здесь той или иной степенью значения "обладания результата" действия, выраженного причастной формой: Фёдор-то у их работал, таки веть дома-то у них наставлены, сын-то оделися, а те сыновья тройма остались в доме (Шотова Гора Карп.). Я пятачилась, лёгкий вошёл в меня, а поп учёул что я-то болею, они опкатили [меня], повалили, а хозяин говорил: "Ты не гляди, что она повалёна-то у их, ты запахай её пот пёчку и дикось пройдё"

<sup>4</sup> См.: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)... с.221-222.

(там же); У меня́ ишшо́ трава́ не фся́ скоблен, да на́ть за вёника-ми итти́ (там же); У меня́ по́сле мужа́ ётот [самовар] куплен, со-грёеш – на вёсь день кипяток (Богослово Пест.) (предложение содержит обстоятельство времени после мужа, поэтому форма на-и имеет не результативное, а перфективно-пассивное значение); А у старика́-то фсё налажено, во на улицы-то пади́ копейка, – дак найдёш, так чисто у нево́ (Щуя Прион.); А сего́нни да и фчера́ у меня́ пе́чка зато́блена (там же); У ёй [кошки] катя́ты заташбоны в зат (Ремда Сер.); Фсё у тя́ шшепа́ перебрана, што ш тоби́ нёколи перешпите́ть? (там же); Шпалёры у нас пригато́влены (там же); см. также пример на с.129 (а мусор-то...).

До полного выделения идеи деятеля из общего посессивно-субъектного значения остается здесь расстояние совсем ничто́жное. Оно, как было показано выше, преодолевается в конструкциях 3-й группы путем обеспечения "смыслового алиби" для данной идеи, а также с помощью некоторых структурных средств.

Отметим теперь как важное, что факты подгруппы 2-б значительно преобладают в диалектной и полудиалектной северо-западной речи среди конструкций 2-й группы (примерное количественное соотношение подгрупп 2-а и 2-б равно 1:3). Если же учесть, что 1-я и 3-я группы представлены, сравнительно со 2-й, довольно малым количеством примеров, то можно утверждать следующее.

Факты 2-б, где значение деятеля в семантике распространителя выступает как предельно отчетливое, хотя и не отдаленное полностью от значения обладателя результата действия, являются господствующими над всеми иными конструкциями с образованием на -и, -т при посессивном сочетании у + род.п.

Последний вывод для нас особенно важен: среди рассмотренных конструкций господствуют факты группы 2-б, где значение деятеля в семантике сочетания у + род.п. наиболее выразительно (после группы 3-й) и находится как бы на грани выделения из синкетического значения посессивности. Это дает нам основание считать, что положение "на грани" как раз и является нормальным для современных северорусских и западносибирских говоров и полудиалектов, наиболее "угодным" для их залого-временной системы. (В меньшей степени, но все же характерны струк-

туры 2-6 также и для разговорной речи носителей литературного языка, причем не только уроженцев северо-западных районов). Объясняется это, очевидно, следующим.

Во-первых, особенностями данного звена временной системы глагола. В конструкциях типа "образование на н, т + посессивное сочетание у + род.п.", как и во всякой другой перфектной конструкции, естественным образом подчеркивается результат действия, в то время как значение производителя действия закономерно отступает на задний план, хотя тоже получает выражение.

В соответствии с этим семантика распространителя у + род.п. соотносится в основной массе примеров с обоими элементами перфектного значения формы на н, т — основным и второстепенным. Он как раз и призван выразить здесь, с одной стороны, отношение субъекта к результату произведенного им действия (т.е. основному, как было замечено, элементу перфектного значения; деятель предстает обычно как обладатель результата действия или как лицо, заинтересованное в этом результате), с другой стороны — обозначить самого производителя действия. Поскольку же идея действия в значении образования на н, т, как правило, второстепенна (находится на втором плане), то говорящему и нет обычно нужды усилению подчеркивать деятеля.

В этой неакцентированности или даже неполной определенности деятеля заключается своеобразная "гибкость" данной разновидности перфекта. В случае необходимости, как было показано, говорящий всегда может с помощью дополнительных и, в частности, сверхсегментных средств полностью выделить идею деятеля из посессивной семантики (см. факты 3-й группы). В большинстве же случаев, когда подобной необходимости нет, положение "на грани выделения" оказывается для говорящего предпочтительным.

Во-вторых, это положение оправдывается особенностями русских залоговых оборотов. Известно, что страдательный оборот даже в кодифицированном языке чаще всего выступает в своем двучленном ("неопределенно-личном") варианте (без третьего члена — агентивного дополнения в творительном падеже). Еще более чужда трехчленная пассивная конструкция с творительным субъекта разговорному языку. И не только по причине ее гро-

моздкости, но прежде всего - из-за отсутствия в большинстве случаев прямой коммуникативной необходимости в обозначении деятеля.

Итак, в конструкциях 2-й группы (обеих выделенных выше ее подгрупп - 2-а и особенно 2-б) язык нашел уникальный способ не-полного и "разностепенного" устранения третьего члена при одновременном сохранении оборотов как пассива. Возможно, как уже говорилось, и полное исключение агента, ор. конструкции без распространителя (сено скошено) или факты 1-й группы (распло-ночка-то у ребенка выстирана), или же, наоборот, - сохранение его как полноценного третьего члена пассива (факты 3-й группы).

Е.А.Белоусова

### ГЛАГОЛ БЫВАТЬ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ

В построении текстов современного русского литературного языка слово быть участвует как глагол и как частица. Формы глагола быть, как правило, функционируют в синтаксической позиции предиката, т.е. являются предикативным ядром предложения. В этой позиции выделяют две разновидности предиката: первая - организующий центр предложения, или ядро предложения, собственно предикат; второй - полу предикативная связка. В первом случае в набор сем глагола быть обязательно входят сема ' наличия, бытия' и сема, указывающая на итеративный характер этого бытия ('повторяющийся, неоднократный'), например, Петр бывает в театре. Бывать в роли связки характеризуется наличием лишь семы, указывающей на повторяющийся, дискретный характер проявления признака, названного отдельным словом, т.е. полу предикативная позиция выполняется частично делеконканизированным глаголом: Петр бывает добрый. Здесь собственно квалификационную роль выполняет прилагательное добрый, а быть лишь уточняет характер существующей между предметом, который именуется Петром, и признаком, который характеризует Петра, грамматической связи, т.е. быть указывает здесь на то, что связь признака и предмета имеет непостоянный, дискретный характер.

В современном русском языке можно говорить о структурной "поддержке" конкретно выделяемого значения глагола в собственно предикативной позиции, что позволяет лексикографам выделить контекстные реализации как бы имплицитного семантического набора в качестве самостоятельных значений глагола. Так, например, представлен глагол бывать в современных словарях русского языка.<sup>1</sup>

Слово бывать в говорах используется очень широко: его функциональный спектр, по существу, не знает ограничений – оно употребляется в качестве союза, частицы, междометия. В этой статье детально рассматривается употребление его в качестве глагола в позиции сказуемого.

Материалом наблюдений послужила КСРГК и магнитофонные записи монологической и диалогической речи, произведенные при обследовании некоторых населенных пунктов этого же ареала.<sup>2</sup>

Несколько слов о принятой в этой работе методике анализа. Исходным при рассмотрении фактов принимается значение, которое

<sup>1</sup> В "Словаре русского языка" в 4-х т. (т.1. М., 1982, с.129) выделяется 5 значений, которые в определениях обнаруживают ориентацию на широкий контекст, следствием чего является необходимость иллюстрировать значение текстом, включаяшим порядок нескольких предложений.

<sup>2</sup> Необходимо сказать, что при знакомстве с материалами прежде всего обращает на себя внимание то, что речевая продукция в ситуациях собиратель – носитель говора и речь носителей говора между собой значительно различаются: в первой ситуации, как правило, речь носителя говора в значительной степени приближена к литературной разновидности русского языка; во второй больше элементов, характеризующих именно данный говор, что нашло отражение в материалах. Так, магнитофонные записи, отражающие ситуацию собиратель – информант (=носитель говора), характеризуются чертами, которые носитель, вероятно, усвоил через другие каналы связи: радиовещание, общение с носителями и литературной разновидности русской речи. Магнитофонные записи взаимного общения старшего поколения носителей говора (которые, к сожалению, удалось получить в очень незначительном объеме) свидетельствуют о близости их речи к тому, что нашло отражение в материалах дифференциального Словаря русских говоров Карелии, ориентированных на выявление различных говора и литературной разновидности русской речи. Поэтому в основу данного исследования положены материалы КСРГК.

устанавливает собиратель.<sup>3</sup> Затем с целью нахождения признаков, сигнализирующих наличие данного значения, обследуются тексты.

Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что глагол бывать в говоре функционирует в роли предиката, при этом, как и в литературном языке, в двух разновидностях – предикативного центра предложения и полу предикативной связки. Рассмотрим отдельно каждую из названных позиционных разновидностей.

А. Тексты, в которых глагол бывать является предикативным центром высказывания, можно сгруппировать в соответствии с набором сем, имеющих постоянный и обязательный характер, и значением, которое приписывается глаголу.

1. Выделяется группа текстов, в которых глагол указывает на бытие как статическое состояние предмета, о котором идет речь. Обязательный собственно глагольный состав сем в глаголах этой группы текстов представлен семой 'бытие'. В предложениях этой группы реализуются следующие конкретные текстовые значения глагола.

1. Высказывания, в которых реализуется значение глагола 'быть – наличествовать', организованы следующим образом: обязательно наличие подлежащего и сказуемого. Подлежащее (существительное в форме именительного падежа) обозначает предмет в собственном смысле слова. Анализ текстов показывает, что нейтральным для предложений этого структурного типа является препозиция глагола-сказуемого и постпозиция подлежащего. Например: У меня давно бывала така брошка, годов 20-30 назад (Медв.). Нарушение этого порядка следования компонентов связано с дополнительными коммуникативными задачами – вынесение глагола в психологически значимую позицию – или с законами организации текста: Колотушки таки бывали, лён обивать (Чуд.); Полати-то бывали, ны в домах фё рушица, по-новому в домах-то (Карг.). Структурным распространителем этой модели в этой подгруппе текстов является локатив или поссесор, но тоже с ло-

<sup>3</sup> Значение глагола устанавливается собирателем ситуативно и уточняется, как правило, информантом (носителем говора), от которого текст записан.

кативным оттенком значения, т.е. своеобразный указатель пределов бытия – наличия предмета. Существенным представляется и то, что распространитель здесь имеет обязательный характер и, при отсутствии в предложении, восстанавливается из более широкого контекста или ситуации.

2. Тексты, в которых устанавливают значение глагола ‘быть – иметься’, близки по структуре текстам, в которых глагол бывать имеет значение ‘быть – наличествовать’. Отличия: позиция подлежащего в этих случаях открыта и для существительных, называющих живые существа; посессивный распространитель – здесь обязательный структурный компонент. Например: У неё детей не бывало (Выт.); Шесть лет или семь женаты, а ещё не бывало никого (о детях) (Пуд.).

3. Значение ‘жить’ реализуется в трехкомпонентной структуре: подлежащее + сказуемое + распространитель с локативным значением, т.е. в структуре, аналогичной той, в которой этот же глагол имеет значение ‘быть – наличествовать’. Различает эти структуры, во-первых, семантическая конкретизация позиций подлежащего (назонование живых существ) и обязательная пропозиция его и, во-вторых, то, что позицию локативного распространителя занимают существительные, называющие среду обычного обитания существа, о котором идет речь в предложении, например, Белая тундра, там белого моху много было, оленей держали, теперь лось там быват (Канд.); Она, значит, меж людьми-то деревеньска-то не бывала (Медв.).

4. Структурные особенности предложений, в которых глагол бывать имеет значение ‘быть – находиться’. Прежде всего следует сказать, что значение ‘быть – находиться’ у глагола бывать обнаруживается также в трехкомпонентной структуре предложения: подлежащее + сказуемое + распространитель с локативным значением. Подлежащее и локативный распространитель являются обязательными структурными компонентами, реализация их в предложении имеет обязательный характер. В позиции подлежащего выступают существительные, называющие предмет в собственном смысле слова. Например: Тут раньше соха стояла об стенку, тут раньше бывала соха (Лод.); У нас часовня бывала на краю, а теперь там фсё нарушено (Подп.); Земли не видно, столько камней. Сколько годов навоз не бывал, только удобрение (Медв.).

Как можно видеть, все выделяемые значения связаны со структурными особенностями трехкомпонентных по составу предложений, а именно: обязательный или факультативный характер реализации данной структурной позиции и семантика существительных в позиции подлежащего.

II. В рассмотренных выше примерах речь шла о бытии как статическом состоянии предмета. Выделяется группа примеров, в которых значение глагола быть и собиратель, и информант связывают с самостоятельным перемещением с одного места на другое. Забегая несколько вперед, отметим, что в семантическом наборе значений глаголов, связанных с перемещением, входит кроме семы 'бытие' и сема итеративности.

Структурной особенностью предложений этой группы является обязательная реализация позиций подлежащего и сказуемого. Позиция подлежащего конкретизируется существительными, называющими лицо, животное или же предмет, способный самостоятельно перемещаться; позиция сказуемого — глаголом быть, значение которого обнаруживает зависимость от значения структурных компонентов предложения.

I. В литературном языке дифференциация слов, обозначающих перемещение, осуществляется лексически, в самом глаголе, например, идти и ходить, бежать и бегать, плыть и плавать, лететь и летать и т.д. В семантическом наборе этих глаголов есть общая для них всех сема 'перемещаться'; различаются эти лексемы наборами, которые включают семы со значением способа перемещения (с помощью ног, ног и рук), положения тела (вертикальное, горизонтальное), средства перемещения, интенсивности его, односторонности — разносторонности и др. Так, глаголы идти и бежать могут быть описаны через общий для них набор сем: 'перемещаться', 'вертикальное положение тела', 'с помощью ног', т.е. 'находясь в вертикальном положении, отталкиваясь ногами, перемещаться'. Дифференциация глагола бежать должна быть дополнена указанием на интенсивность процесса и наличие/отсутствие точки опоры во время перемещения: 'находясь в вертикальном положении, быстро отталкиваясь ногами и зависая в воздухе на какой-то момент, перемещаться'. Таким образом могут быть описаны и другие глаголы этой семантической группы.

В говорах описываемого региона глагол бывать указывает на перемещение вообще. Дифференциация способов перемещения осуществляется, как правило, с помощью контекста,<sup>4</sup> т.е. в тексте если это важно, отдельным словом названа среда, в которой перемещается предмет, или же связанное со средой средство перемещения. Например: За морошкой никто не бывал в этом году (Онеж.); Водой бывала ... и на пароходах, и по реке, и по озеру (Карг.); А теперь с Великой губы в зимний период самолёт бывает (Медв.); Теперь-то уж мне больше за морошкой не бывать (Онеж.); Бывало грибов наберу, ягод наберу, а сё год далёко не бывать (Медв.). В предложении могут быть и компоненты, называющие конечные пункты перемещения. При совпадении одного из них с местом нахождения говорящего пункт этот в предложении может быть не эксплицирован. Оба эти компонента, однако, для реализации значения глагола в данном случае необязательны.

2. Предложения с обязательным структурным компонентом, обозначающим предмет, достижение которого является целью перемещения, т.е. компонент со значением предела перемещения. Смысл предложений этой группы может быть истолкован как перемещение до какого-то предела в одном направлении: Я к им не бывала уж сколько (Кирил.); Фси писки пить, дах домой не бывать (Карг.); Вам-то уж в Онегу-ту не бывать (Онеж.); Мна к вам бывать што, вот, прийду али приеду (Шексн.). Обязательность компонента со значением предела перемещения в предложениях этого структурного типа несомненна. Ощущение его возможно только ситуативно, например: Клавдия-то фсё ёшю не бывала [= приходила, заходила]? (Тер.).

Структурно и примеры типа Та ведь здесь родилася, никуда не бывала (Карг.); Прихожу домой, а Роман сидит у окна да и чай хлебает, говорит, никуда не бывал (Пуд.); Ходили, слухали на улицу, то гроб покаженца ... никуда слухать не бывала

<sup>4</sup> В описываемых говорах используются и глаголы, лексически обозначающие различные по характеру и способу виды перемещения. Вопрос о специфических особенностях использования этих глаголов и глагола бывать в данном регионе здесь не рассматривается. В этой работе выясняются лишь особенности функционирования глагола бывать.

(Медв.); По дороге-то ты сюда не бывала (Пуд.) могут быть истолкованы как предложения, в которых говорится о перемещении в одном направлении. Однако значение слов, конкретизирующих данную структурную позицию, затушевывает информацию о перемещении в одном направлении и переносит акцент на многоактность перемещения. Последнее подтверждается и примерами типа Медведи-то постоянно бывают здесь (Онеж.).

Значение глагола в примерах этой группы может быть определено так: 'перемещаясь, побывать у кого-л., где-л., посетить кого-л.' Иначе говоря, в предложениях этого структурного типа в значении глагола содержится имплицитная информация о повторяемости перемещения, значение же, связанное с направленностью движения, уточняется глагольным определителем.

3. Предложения со структурным компонентом, обозначающим пространство, в котором, по достижении его, находится предмет. Примеры: Будто в Данилове не бывали, бывали. Тешерь-то не бывала, а раньше бывали (Медв.); Я ешшо не бывал в лесу, надо итти поглядеть, будет ли морошка (Подп.); Бывали волки и в деревни, в Данилове был (Медв.); На той стороне-то как дикари нарот, нигде не бывали, ничего не видели (Канд.); Я на веку в больнице не бывала, не баливала (Тер.); Я в школе не бывала ни одного дня (Подп.).

Как можно видеть, глагол-сказуемое в предложениях этого структурного типа детерминирует подлежащее с точки зрения наличия – пребывания, которое является результатом самостоятельного перемещения предмета. Значение наличия – пребывания у глагола бывать связано с потенциальной возможностью повторяющегося процесса перемещения, а следовательно, и дискретности пребывания.

Предложения, реализующие данное значение глагола бывать, могут иметь в своем составе и компонент, обозначающий предмет, который является целью совершаемого перемещения. Оба компонента (и со значением предмета – цели перемещения) могут встречаться совместно в одном и том же предложении, но для реализации значения глагола 'быть – пребывать' необходимым оказывается компонент о локальном значением.

4. Особое место занимают примеры, в которых в позиции

подлежащего находятся существительные, называющие ситуацию (вечеринка, свадьба, расставанье, случай), или количественный оборот. В них достаточно четко обнаруживается путь делексикализации глагола бывать. Примеры этой группы свидетельствуют о том, что в процессе утраты лексического значения глагола значительная роль принадлежит иерархической перестройке собственно глагольного набора сем, которая вызывается семантикой структуры и лексическим наполнением ее компонентов.<sup>5</sup> Так, в примерах, в которых есть компонент, называющий место, где произошло событие, и компонент, указывающий на то, что описываемая ситуация имеет отношение к одному лицу, реализуется значение глагола 'быть, состояться в прошлом'. У меня свадьба бывала здесь (указательный жест в сторону дома) (Выт.). Сема 'быть' является определяющей здесь. В предложениях, структура которых представлена только двумя компонентами — подлежащим и сказуемым, определяющей является сема итеративности, т.е. сема, указывающая на повторяемость, а сема 'бытие' имеет здесь, в семном наборе глагола, подчиненный характер. Не нарушает такой иерархии глагольных сем и наличие в структуре предложения компонента с временным значением, например: Похудеет невеста — до того плачет. На другой день вечеринка бывае (Пуд.); Не бывало у меня такого расставаньца (Лоух.).

На самой границе лексики и грамматики находятся примеры с глаголом бывать, в которых роль подлежащего выполняет слово случай: Я того не знаю, не бывало у нас случаев (Плес.). Здесь глагол указывает лишь на обычную повторяемость какого-то события из серии событий, названных существительным-подлежащим. В таких предложениях существительное и глагол могут быть "свернуты" в одно слово — глагол случаться, — которое само способно выражать значение обычности и, следовательно, повторяемости события. То же значение глагола обнаруживается и в примерах с подлежащим типа всякий: Доколе ногу всю обожгла. Вот как упала,

<sup>5</sup> Признаки этого явления можно обнаружить уже в примерах, смысловое значение которых связано с перемещением (см. подгруппы II раздела А). В этих примерах основной оказывается сема итеративности. Именно она характеризуется обязательной структурной реализацией в предложении.

всяко бывает (Прион.); у нас-то не так, а туда дальше, за Ко-  
рикино бывает, напьются и укокошают друг друга (Плес.).

Б. Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что в своей сочетаемости бывать в позиции связки не отличается от употребления в литературной разновидности современного русского языка. В приюзочной позиции зарегистрированы в личных предложениях существительные в форме творительного падежа, прилагательные в формах именительного и творительного падежей, нечленные формы прилагательных, предложные сочетания, причастия и безлично-предикативные слова в безличных предложениях.

Обращение к содержательной стороне примеров позволяет обнаружить особенности функционирования глагола бывать и в этой позиции. В значительном большинстве примеров бывать в позиции связки, как и в литературном языке, характеризуется утратой семы 'бытие' и сохранением семы 'литеративность'. На первый взгляд, в литературном языке мы сталкиваемся с аналогичной картиной. Но это лишь на первый взгляд. В говорах представляется возможным говорить о двух значениях глагола бывать в позиции связки. В первом случае бывать аналогичен глаголу быть в этой же позиции в литературном языке, во втором обнаруживается аналогия функционирования глагола бывать в говорах и связки быть в литературном языке.

1. Так, в говорах сема 'литеративность', как и в литературном языке, может иметь два проявления. Во-первых, может указывать на то, что не все предметы, называемые данным именем, обнаруживают связь с данным признаком, например: Бывает некрасивый, а характером хороший, не человек, - душа(Онег.) - и на то, что связь предмета и признака (или проявление признака) имеет не-постоянный характер, например: Устиня зачасто бывала пьяная (Пуд.). Во-вторых, может указывать на обычность проявления связи между предметом и признаком, например: Вот если зимой они народятся, как бывают переступёны (Подп.); Стар да мал два раза не бывает (Неот.); Стар да мал дважды глуп бывает (Пуд.); Зимой очень холодно бывает (Подп.). Иначе, как можно видеть, в этом случае связь предмета и признака имеет дискретный характер; избирательная связь конкретного предмета и признака или

же повторяющийся характер проявления связи имеет устойчивый характер. Здесь быть, как отмечалось выше, в связочной позиции аналогичен функционированию его в этой же позиции в литературной разновидности современного русского языка.

2. В отличие от литературного языка в говорах выделяется группа примеров, в которых быть не осложнено никакими информативными элементами, кроме грамматических, т.е. здесь быть выступает в качестве чистой связки, равной по значению связке быть в литературном языке. В этих примерах быть употребляется лишь в форме прошедшего времени, т.е. относит высказывание в план прошлого, указывая на то, что предмет с таким признаком существовал в прошлом. Смысловое содержание, которое выражается в примерах этой группы, — обычность, недискретный характер связи предмета и признака: Каток бывал круглый, а палица продолговаста, узенька (Под.); А умывало бывал глиняный, с рожком (Под.).

Магнитофонные записи свидетельствуют о том, что в настоящее время в говорах описываемого региона сосуществуют грамматические связки быть и бывать с преобладанием в употреблении связки быть. Тем не менее быть и бывать являются формальными и содержательными субститутами и могут быть характеризованы как свободные варианты. Косвенным подтверждением, как представляется, являются и примеры типа Хеннина с Эстонии бывала взята (Медв.); Нет. Уж бывало [было, исполнилось] семидесят давно (Медв.), в которых быть имеет лишь строеовое значение, т.е. употреблено в первом примере вместо частицы был (-а, -о), участвовавшей в образовании давнопрошедшего времени.

В заключение следует сказать, что специфическим для функционирования глагола быть в русских говорах Карелии является то, что все выделяемые значения, независимо от модели, на базе которой образовано предложение, т.е. выполняет ли глагол роль предикативного центра в предложении или же является связочным компонентом в составе предиката, группируются в три ряда. В одном глагол быть характеризуется наличием лишь семы 'бытие', в другом ряду значений, которые передаются построениями с глаголом быть, определяющей является 'итеративность'. В обоих рядах прослеживается путь делексикализации глаголов, но в первом

процесс этот связан с "затуханием" семы 'бытие', во втором - с "затуханием" семы 'теративность'. Между этими рядами располагаются примеры, в значении которых наличествуют обе семы.

М.П.Русгова

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГАМИ ИЗ, ОТ  
В СЕВЕРНОРУССКИХ И ВОСТОЧНОБОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ  
ПИСЬМЕННОСТИ XVII-XVIII вв.

Сопоставительное изучение семантики предложных конструкций до сих пор остается малоизученным в славянском историческом языкоznании.

Цель настоящей статьи - сопоставить значения пространственных глагольных конструкций (далее ПГК) с предлогами из, от в памятниках, созданных на территориях исконно севернорусских говоров и восточной Болгарии.<sup>1</sup> Привлечены севернорусские памятники, написанные в XVII в., или списки XVII в. Языку севернорусских памятников типологически соответствует язык болгарских текстов конца XVII-XVIII вв. Сопоставлялись источники повествовательно-житийного характера, книжный язык которых имеет отдельные элементы живого народного языка.

Предлоги из, от как в русских, так и в болгарских материалах представлены в ПГК, семантический признак (далее СП)<sup>2</sup> которых обозначает исходную точку движения, находящуюся в

<sup>1</sup> О пространственных глагольных конструкциях см.: Кузнецова А.И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка: Автореф. канд. дис. М., 1963; Шкаран З.С. Глагольные предложные конструкции пространственного значения в памятниках древнерусского языка: Автореф. канд. дис. Киев, 1971; Златкин В.З. Пространственная и временная многозначность древнерусских предложно-падежных форм: Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973; Спасова - Михайлова С. Финальна и сепарационна функция на предлогозите в български език сравнително с други славянски езици. - Славянска филология. София, 1973, XII.

<sup>2</sup> Семантический признак представляет собой выражение пространственного отношения того или иного типа.

замкнутом пространстве того или иного типа. При этом совершающееся от исходной точки движение может иметь горизонтальную и вертикальную направленность.

Движение горизонтального направления характеризуется и рядом других СП. Рассмотрим эти семантические признаки.

I. 'Перемещение с какой-либо целью в горизонтальном направлении, при котором происходит отделение от исходной точки, находящейся в замкнутом пространстве'. Этот СП характерен для немалого ряда ШПК с глаголами: рус. выходить, выидти, исходить, излазити, изити, идти, отъти, отъбжати, побѣжати, течи; болг. бѣгам, ида, изида, излазя, искова, излеза, изпльза, изѣрѣкна, изходя, истичам, отделя се, отида, теча, тичам, търгна, утѣка.

Характерно, что в основном глаголы, входящие в семантическое ядро ШПК, как в русских, так и в болгарских источниках – префиксальные. Поэтому на общую семантику ШПК в целом влияют и такие семантические особенности глаголов, как начинательность, результативность, финитность. Немалую роль при характеристике ШПК играет и значение существительного, которое, сочетаясь с глаголом движения и предлогом, является существенным элементом семантического ядра.<sup>3</sup> В конструкциях с предлогом из в ядро ШПК могут быть представлены существительные, обозначающие:

### I. Трехмерное пространство:

а) постройки, помещения и их части (монастырь, црква, пустынъ, обитель, дом, келія, олтар, ограда, шатер, храмина, терем): рус. И изъде из шатра Ольг (Уст. лет., с.21); и поклонися епископу и ... изъди ис церкви (Жит. Ал. Нев., с.36); Хто хочет видети, вылезет из храмини (Уст. лет., с.42); И выниши Олга ис терема (там же, с.42); и абие самоволъ устроимся из дома своего (Жит. Ал. Нев., с.44); И тогда выходаху из домовъ своих (Пов. о чуд. ик., с.558); И никому же дающе изъти из монастыря (Пов. печ. мон., с.30); И потомъ изъде из монастыря (Жит. Ник., с.540); И не изхожаше ис пустыни той

<sup>3</sup> При этом тип падежа, выступающего в конструкции, не учитывается.

нимало (там же, с.539); Человѣче, скоро изыди изъ келии твоей (Пов. печ. мон., с.142); Преподобный же изыде ис кѣлии своей (Жит. Ник., с.543); Излазя ис кѣлии своей (там же, с.544); И побѣже ис пустыни (там же, с.544); Они же скоро течаху из обители (Пов. печ. мои., с.136); б о л г. Излеза за монастирият си свой (КД, л.87); излезе из црквата (Паз.сб., л.48 об.; СД, с.211); Излезе из олтаря (КД, л.14 об.; ПД-2, л.231); Излезеше из вратата небесныхъ (Др. сб., л.11 об.; ПД-1, л.37); Ни можаха да излезатъ из оградата (ПД-2, л.122); Искочиха из ада (КД, л.125); Потече кладенецъ из црквата (Паз. сб., л.157; СД, с.280);

б) водные бассейны (море, река): б о л г. Излязоха 4 вѣты из морето (КД, л.121; Ков. сб., л.188 об.); И видѣх из реки чи тече медь (Ст.Еп., л.23);

в) транспортное средство (кораб, гемия, повозка, лодья): р у с. Государь вошедъ из своей повозки (Пов. печ., мон., с.105); И выскакаша из лодей вои Игоревы (Уст. лет., с.21); б о л г. Изльзе из корабль (Ков. сб., л.5); Изльзе ис кораблата (Тет. сб., л.13 об.); Изльзе из гемията (К.сб., л.33; СД, с.245);

г) различные предметы (камик): б о л г. Изльзе огнь из онзы камикъ (СД, с.202).

2. Двумерное пространство (град, Новгород, Казань, Смоленск, место, двор): р у с. Князь Александр Васильевич из Новагорода в Владимиръхал (Уст.лет., с.47); Того же лѣта князь Василий Васильевич Шуской побѣжал из Великаго Новагорода (там же, с.88); И царь Аляхам из города ис Казани со князьями своими и с силой внекал против воевод (там же, с.96); Ярополк ... выѣхъ из града (там же, с.30); и царь Аляхам сам вниде из города неволею (там же, с.96); И вниде владыка из Смоленска на мост (там же, с.104); И на всяк день татарове, из города вилязя, билися с русью (там же, с.96); И поиша из Новаграда на Дынѣр реку (там же, с.20); Поселяне изходаху из осадныхъ мѣсть, яко то изъ града Изборска, из Печерскаго монастыря, из Гдова (Пов. печ. мон., с.19); б о л г. Излезе из градътъ пешъ (КД, л.30); Излязохъ из мояте дворове (Паз. сб., л.29); Ще да изльзе из пусто мѣсто (ПД-1, л.4).

3. Части тела (уста, око): р у с. изыде из главы ис коневы, из сухие кости змии (Уст. лет., с.23); б о л г. Излазя огнь из остатка (Др. сб., л.4 об.; ПД-1, л.11 об.; Паз. сб., л.1 об.); И из очите му излазаш огнь (СД, с.128).

Помимо ШК с предлогом из в анализируемых памятниках письменности рассматриваемый СП представлен большой группой конструкций, в состав которых входит предлог от. В семантическом ядре встречаем существительные, обозначающие:

#### 1. Трехмерное пространство:

а) постройка, помещения и их части (палата, црква, темница, обитель, дом, гробница, врата, олтар): р у с. И два старца честна пзыдоша отъ святого олтаря (Жит. Ал. Нев., с.27); Изыдоша отъ палать (Пов. печ. мон., с.116); И изыдохъ от гробницы святаго (там же, с.143); Идеше Никонъ от цркве великог богоявления (Жит. Ник., с.539); Разбойницы отбѣгоща от обители (Пов. печ. мон., с.127); Отшедъ блаженный Савва от Лавры (там же, с.110); Диаволь от темница своея изшедь (Посл. Корн., с.528); Видят тии ротмистры иѣкоего воина идуща отъ задникъ врать (Пов. печ. мон., с.154); б о л г. Излѣзи от монастыръ (СД, с.265); да отиде от неговъ домъ (Ков. сб., л.69); Излѣсь от мой домъ (Паз. сб., л.47 об.); Да излезутъ от соборної цркви (БД, л.15); Но-добръ да идешь далечь от монастырю (СД, с.221);

б) водные бассейны (море, река, езеро); б о л г. Излезе от морието (БД, л.188 об.); Излѣзе от рѣкъта кръстинъ (СД, с.95); Сички бѣгаха от това езеро (Паз. сб., л.152 об.);

в) средство передвижения (корабь): б о л г. Излезе от корабъ (ПД-2, л.124);

г) некоторые предметы (котел, тесла, камак): б о л г. Грмех излазе от котело (БД, л.108 об.); Гълобъ излѣзе от тесла (БД, л.97); Излезе гласъ от камака (Ков. сб., л.46 об.).

2. Двухмерное пространство (град, мѣсто, орман): р у с. И поиде от Смоленска в насаде и ста на Смидинъ (Уст. лет., с.37); И умре, от змия уяден, егда иде от Царяграда (там же, с.22); Онъ отъиде от града (Пов. печ. мон., с.54); От града Пскова и от монастыря Печерского со вѣмъ воинотвомъ отъидоша (там же, 30); Они же отбѣгоща от града (там же, с.16); И повелѣше єму изыти от мѣста того (Жит. Ник., с.540);

б о л г. Да излезите от туй мѣсто (БД, л.189); Испльзе от мя-  
стото си (КД, л.7 об.); Сички людие от града отдоха (КД.,  
л.30); Тичат от градо мъже (БД, л.68); Ами са отдели от урма-  
нут малку (СД, с.127); Тргнаха от Иерихон (СД, с.99).

3. Однородные вещества (огнь): б о л г. Излезе светый  
от огньят (ПД-2, л.176).

4. Части тела (брата, уста): б о л г. Излезе от брадата  
му огнь (ПД-2, л.178 об.); Изходи от уста божии (Паз. об., л.  
175 об.); Сичките са почудиха на речите дето тичѣха от уста-  
та му (СД, с.159).

5. Некоторые предметы (корен, идол): б о л г. От коре-  
неть неговъ води истичаха (Ст. Би., л.50 об.; К. об., л.82);  
Изиде писакъ от идолите (ПД-2, л.212).

II. СП 'появление, приход субъекта, который вышел, отда-  
лился от замкнутого пространства' характерен для ПИК с предло-  
гами из, от. В ядро ПИК входят в памятниках русского языка гла-  
голы прийти, приходить в сочетании с предлогами от, из и  
приѣхати – только с из. В болгарских источниках с рассматриваемым СП отмечен только глагол дода в сочетании с обоими  
предлогами от и из. В ядре ПИК представлены существительные,  
указывающие на:

#### 1. Трехмерное пространство:

а) строение, помещение (церковь, келья, гробница): р у с.  
Прииде множество другихъ храбрыхъ воиновъ, ово от церкви, ово  
отъ гробницы, ово от келий и от служебъ монастырскихъ (Пов.  
печ. мон., с.154);

б) водные бассейны (море): б о л г. Скорбенъ додѣ или  
от море или от алы человеци (ПД-2, л.110 об.).

К существительным, обладающим тремя измерениями, можно  
отнести и слово облак: б о л г. И дуде гласъ из облакъ (К  
об., л.95).

2. Двухмерное пространство (град, село, вѣсь, нива, гора):  
р у с. В то же время придоша из Царяграда три красноѣвцы  
(уст. лет., с.41); Прииде из Новагорода князъ (там же, с.47);  
Прииде вѣсть ио Перми (там же, с.97); И прииде посол Добрыня из  
Польтеска (там же, с.129); Князъ великий Андрей Юрьевичъ прииде  
ио Кieва; Иногда же придоша послы из великаго Рима (Жит. Ал.

Нев., с.8); Приѣхали из Литвы к великому князю ... внучата (Уст. лет., с.100); Приидеша варязи от западных стран (Жит. Ал. Нев., с.22); Он же начат приходить к преподобному из града Порхова (Жит. Ник., с.540); Множество же народа приходят из града Пскова и изъсей (Пов. о чуд. ик., с.559); Приѣхали из села нарицаемого Згорокъ два мужи (Жит. Ник., с.545); Яко от святые горы Афонский прииде (Пов. печ. мон., с.107); б о л г. Доди Анастасия от ниву (БД, л.13).

III. СП указывает на 'изведение, удаление кого-, чего-либо из замкнутого пространства'.

В новгородских памятниках встречается глагол извести с предлогом из и существительным Египет: И сихъ всѣхъ забыла и бoga своего изведшаго я от работы из Египта (Жит. Ал. Нев., с.41).

В псковских памятниках отмечены ШПК с глаголами отгнati в сочетании с предлогом от и существительным мѣсто и выслati с предлогом из и существительным монастырь: Различные гады хотѧщие святаго устрашити и от мѣста того отгнati (Пов. печ. мон., с.111); Стрѣльцовъ из монастыря выслали (там же, с.27).

В болгарских памятниках зафиксированы глаголы извадя, изведа, изгонювам, изгоня, источа, истрѣгна, испадя, испѣда са, ѣрля, которые наряду с предлогом от сочетаются о существительными, обозначающими:

1. Трехмерное пространство:

а) строение или помещение (къща, черкова, темница): Защо насъ изгониваш от къщията наши (СД, с.248); Изгоним от светата черкова (БД, л.15 об.); Извадя от темница (ЦД-2, л.103);

б) водные бассейны, углубления, обладающие внутренним объемом (море, трап): И напрасно го извадиха от морието (СД, с.214); Извади Даниила от трапу (БД, л.38; СД, с.207).

2. Двухмерное пространство (Ерусалим, дъно): Да са испади от Ерусалимъ (К. соб., л.11 об.); И напрасно го извадиха от дъното (СД, с.214).

3. Названия частей тела (гръло, гъртан, ръка): Изтрѣгна от грълото диаволско (КД, л.61); Дето ма е извадилъ от гарта на вражия (СД, с.243); Да ги извади от диаволските ръце (КД, л.10).

В группу конструкций с предлогом из входят четыре глагола

с префиксом из – наряду с существительными, которые обозначают:

1. Трехмерное пространство (манастир, темница, гроб, яма, варница): И ги испъди из манастирию (БД, л.44 об.); Изведоха го из темнишата (БД, л.65 об.; Паз. сб., л.127); Испустиши сички христианни из темнишите (СД, с.248); Да го извадиха из варницата (ПД-2, л.205 об.); Извадиха мощите из гробать (Паз. сб., л.2); Да го извадятъ из онази яма (КД, л.20).

2. Двухмерное пространство (Египет): Какъ ги извель боягъ из Египет (СД, с.202).

3. Части тела (ръка): И истръгна ма из рацете диаволски (БД, л.55 сб.; СД, с.243).

IV. СП ‘отвести, отнести’ отмечен в русских памятниках в ПК с предлогом из в сочетании с глаголом изнести и существительным церковь и с предлогом от – с глаголами перевести, перенести, и пространственным существительным град: Пренесены быша мощи Николы Чудотворца от Мир в Бар град (Уст. лет., с.42); Повѣждъ посадникомъ да изнесутъ из церкви съятые иконы (Пов. печ. мон., с.92); Иоанн Титов переведен бе от царствующаго града Мюокви (там же, с.134).

Рассматриваемый СП характерен и для трех ПК с предлогом из, зафиксированных в памятниках болгарской письменности, наряду с глаголами изнеса, износя, пренеса и существительными дом, кораб, град: Износя благо из дома своего (Ст. Еп., л.25); Изнесе сички стълпове ис корабъ (КД, л.42); Наутрѣ пренесуха го из градо (СД, с.154).

V. СП указывает на ‘отправление движения от исходной точки, находящейся в замкнутом пространстве. При этом движение совершается в обратном направлении’. Этот СП отмечен как в русских, так и в болгарских источниках только в ПК с предлогом от, глаголами пойти, отпустити, ототупити, върна се, с существительными град, гора, земля: р у с. И пойде от Царяграда въспять к Киеву (Уст. лет., с.22); Князъ великий... мѣсяца сентября в 8 день отпусти от Твери (там же, с.57); И отступи мало от земли их (Хит. Ал. Нев., с.22); б о л г. Като се врънаха вънъ от новите градове фуртуна голѣма хвана (СД, с.188); Тогиша са върнаха апостолите от гората елеонска (ПД-2, л.225 об.).

VI. СП указывает на то, что 'движение, исходная точка которого находится в замкнутом пространстве, направлено по вертикали вниз'.

В исковских памятниках в ШК этого типа находим только глагол опадати в сочетании с предлогом от и существительным камень: Како спаде зорница от среды каменей огненыхъ (Посл. Корн., с.528).

Также с предлогом от встретились и пять глаголов - слѣза, падна, отпадна, испадна, фрыли са - в болгарских текстах XVIII в.: Фрыли са от моста (Паз. сб., л.49); Слѣзи от коня (КД, л.40; БД, л.69 об.); Падна от ногата червие (КД, л.7); Град силенъ падна от небето (СД, с.188); От воздухъ падна книгата (БД, л.12); Отпадна от рай (КД, л.9 об.); Испадна от царството си (Ков. сб., л.90 об.).

VII. СП указывает на 'направленное по вертикали вверх движение, исходная точка которого находится в замкнутом пространстве'.

В ядро конструкции русских памятников входит только предлог из наряду с глаголами востати, воздвигати, подънятися и существительными башня, гроб: Князь Александр въста из гроба (Ист. Ал. Нев., с.27); И въ той чась великий огнь поднялся из башни (Пов. печ. мон., с.15); Слово из мертвыхъ возстави и из гробовъ воздвиге (там же, с.58); И абые воставъ из гроба, сѣде на немъ (там же, с.121).

В составе ядра ШК болгарских памятников представлены глагол стана с предлогом из и от и подвигна са - только с от: Стана болни из келиата здравъ (БД, л.13 об.); Стана от одаротъ си (СД, с.149); Телоту му са повдигна от стълпът (КД, л.8 об.); Повдигна са от Солун (СД, с.149).

Рассмотренные семантические признаки анализируемых пространственных предложных конструкций и их сопоставление позволяет сделать вывод о значительном семантическом единстве, наблюдавшемся в текстах северорусских и восточноболгарских памятников письменности.

СООТНОШЕНИЕ ИЗОГЛОСС И ИЗОПРАГМ  
НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

При исследовании диалектных различий изучение географии слов невозможно изолировать от географии вещей, предметов материальной культуры.

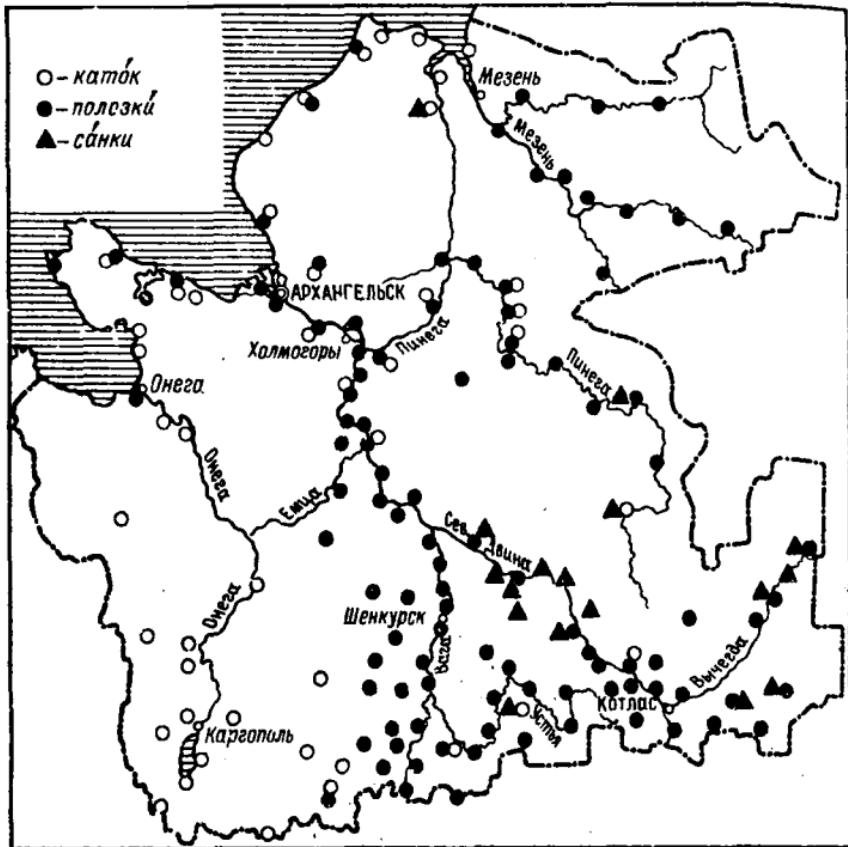
Автором настоящей статьи составлен лексический атлас Архангельской области. В этом атласе представлено несколько карт этнографического и этно-лингвистического характера, что сделало возможным сопоставление лингвогеографических и этнографических показателей.

Здесь публикуются отдельные карты атласа, иллюстрирующие связь географии слов и географии реалий. На значительном числе лексических карт, в частности, прослеживается граница, проходящая примерно по водоразделу Онеги и Северной Двины с Вагой. Она отражает основные сферы культурного и языкового влияния Новгорода и верхнего Поволжья на северо-восток Европы (см., например, карту 1).

Рассмотрим более подробно связи между западной зоной (бассейн Онеги) и восточной (бассейн Северной Двины с Вагой). Остановимся, во-первых, на онежско-двинско-пинежско-мезенских изоглоссах, во-вторых, на онежско-важских лексических связях.

1. По картам атласа устанавливаются лексические связи говоров юго-запада области и бассейна Онеги с говорами Пинеги и Мезени. В отдельных случаях онежско-пинежские или онежско-мезенские связи отражаются на картах в виде сплошного пояса от Онеги по Емце, по Двине от устья Емци до устья Пинеги и далее вверх по Пинеге. Довольно часто явление, распространенное таким полукругом, отмечается в бассейне Мезени, иногда на Кулой и в Поморье. Например, попечка (карта 2).

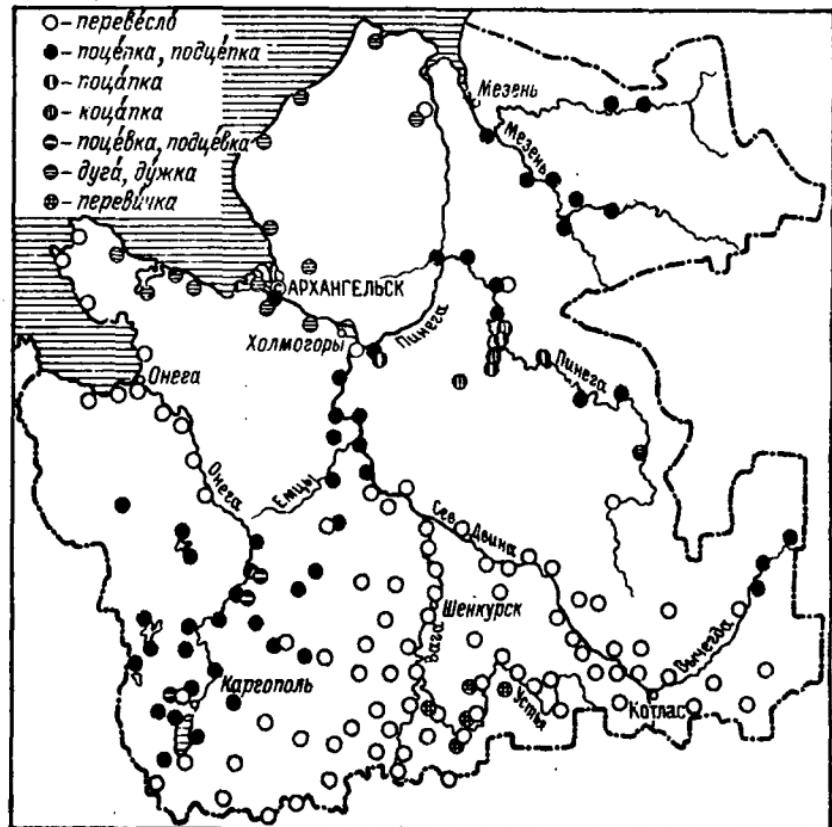
В ряде случаев на той же линии от Онеги к Пинеге и Мезени наблюдается только цепочка островков, которые тянутся в этом же направлении. Например, улица (карта 3).



Карта I. Приспособления для передвижения больших чугунов в русской печи.

На некоторых картах цепочка прерывается на Емце, на Двине, на Пинеге. Например, кошель (карта 4), клуб, клубок (карта 5), рогатка (карта 6).

С этой же линией совпадает этнографический показатель (карта I). На территории современной Архангельской области используются различные приспособления для передвижения больших чугунов в русской печи: на Северной Двине, ее притоках, на Мезени и в Поморье — металлическая подставка под чугун, напоминающая полозья санок, которая называется полозки или санки; на Онеге, а также по нижней Пинеге и в

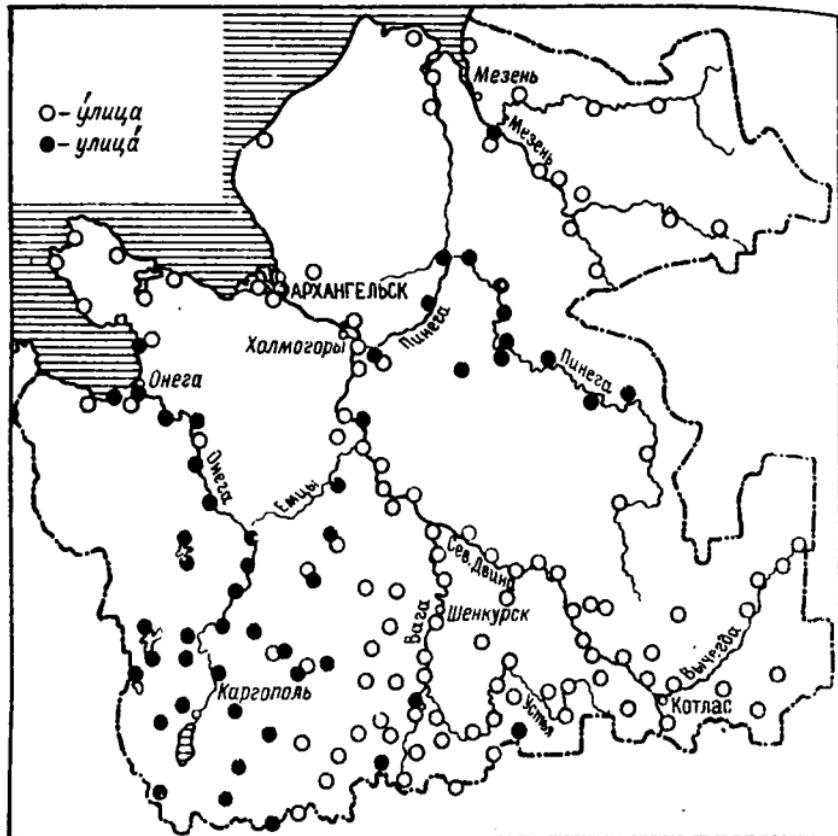


Карта 2. Ручка корзини.

Поморье применяют деревянный каток, который подкладывают под ухват.

Направление онежско-двинско-пинежско-мезенских изоглосс, видимо, отражает прежде всего древнейшую новгородскую колонизацию. Эти изоглоссы воспроизводят древний путь, связывавший с давних пор Новгородскую землю с Двиной, Пинегой, Мезенем. В древних письменных документах упоминаются погосты, расположенные на этом пути (Водла, Кенозеро, Онега, оттуда по Емце на Нижнюю Двину).<sup>1</sup>

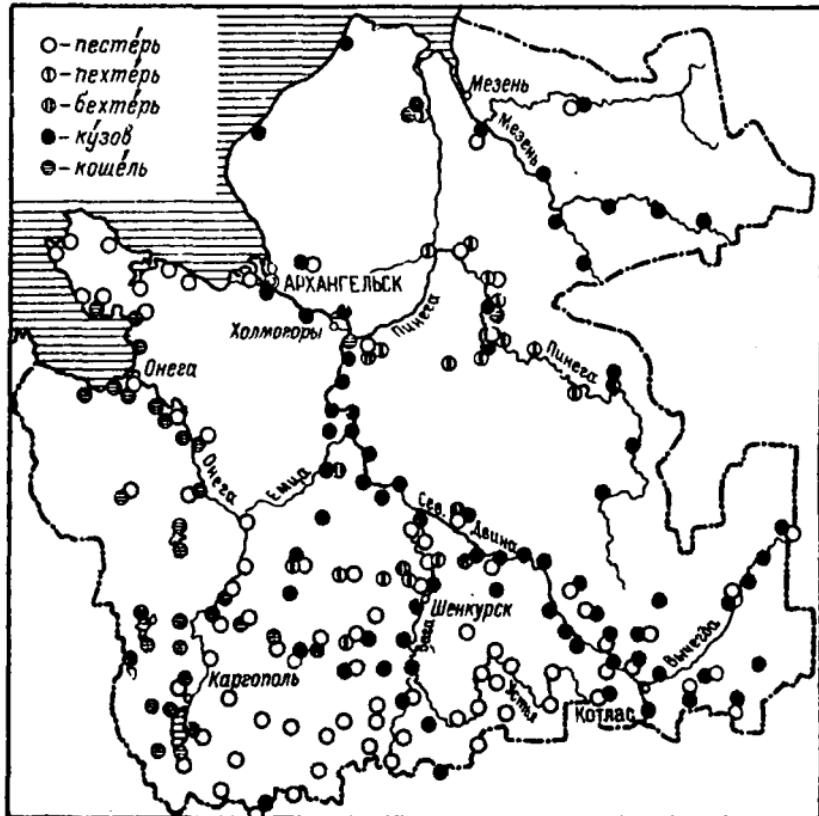
<sup>1</sup> Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 93, 100 и след.



Карта 3. Дорога в поле между изгородями.

В более позднее время традиции этих говоров поддерживались связями, существовавшими между их носителями. По старому тракту Петербург-Каргополь-Холмогоры-Архангельск. Другой старый почтовый тракт на Мезень шел через Холмогоры, затем вдоль Пинеги до селения Волок (ныне Пинега); далее до Труфановой горы, затем близ устья Вашки выходил к реке Мезени; зимний путь от Волока шел прямо к г. Мезени.

2. Помимо тех лексических связей между бассейнами Онеги и Северной Двины, которые описаны выше, лексические связи уста-

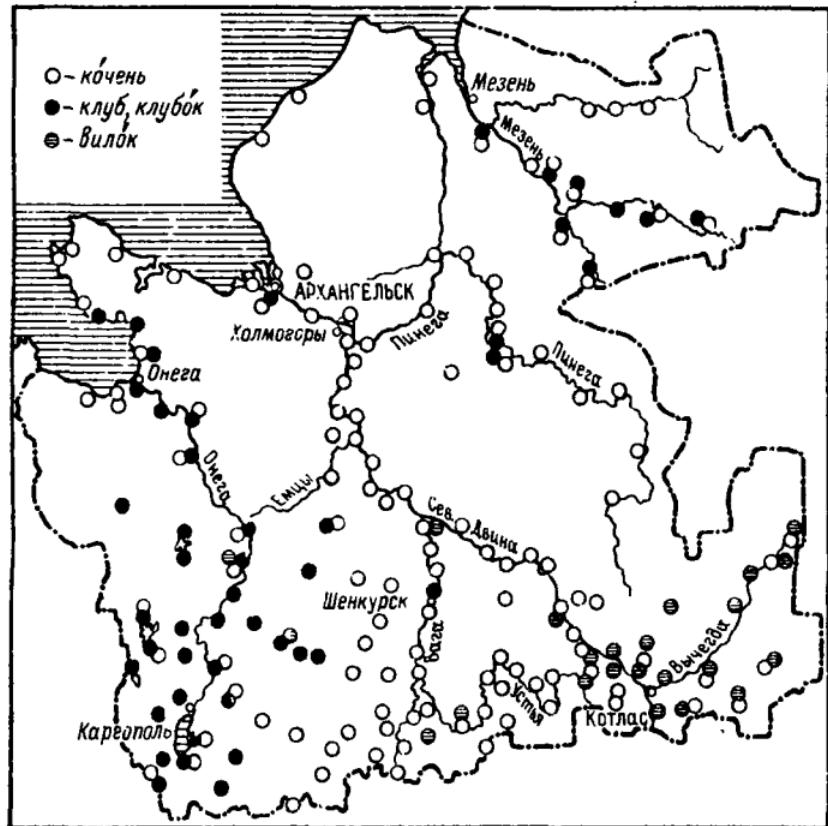


Карта 4. Заплечная берестяная корзина с крышкой.

навливаются также в пределах Няндомского р-на и киене. На многих картах выделяется вожоко-онежский ареал. Иногда он охватывает весь бассейн Онеги. Таковы границы распространения слова пушкин (карта 7).

На отдельных картах слова вожко-онежского ареала распространены от устья Ваги вниз по Двине или отмечается восточнее, в верховьях Двины, например, въезд (карта 8).

В некоторых случаях слова, отмеченные и на Онеге и на Ваге, не образуют оплошного вожко-онежского ареала, распространены цепочкой островков, например, тапиа (карта 9).

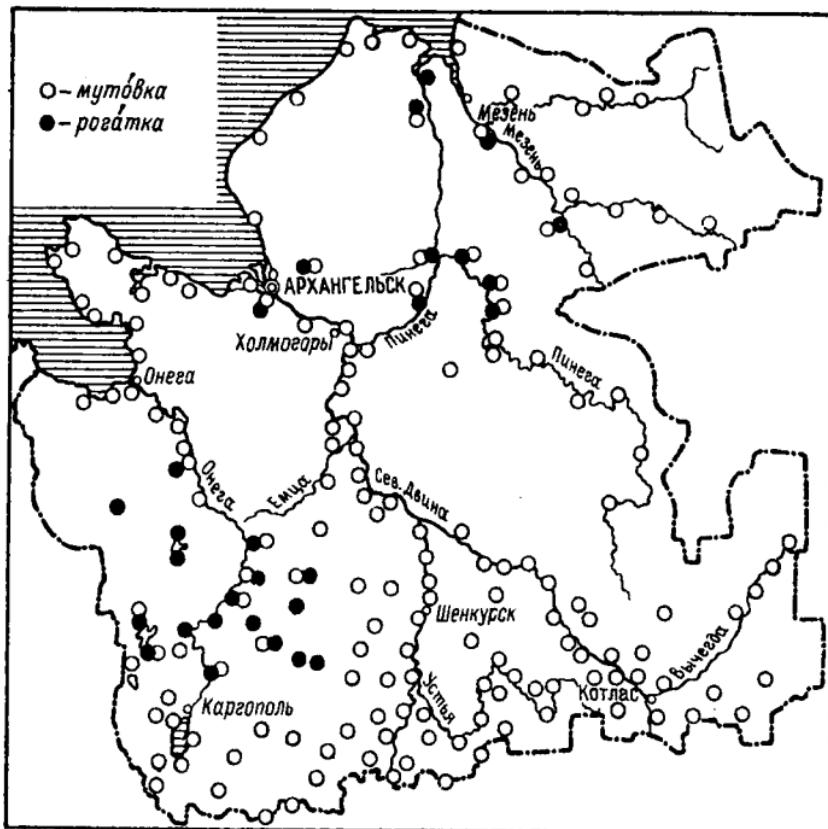


Карта 5. Кочан капусты.

Важно-онежские лексические связи отражают, видимо, направление колонизации с запада, из Новгородской земли. Граница распространения изгороди из жердей, укрепленных наклонно,<sup>2</sup> также отражает, по всей вероятности, следы новгородской колонизации.

Г.Г.Мельниченко на основе анализа диалектных различий в современных говорах на территории бывшего Владимиро-Сузdalского княжества делает вывод о мощном колонизационном потоке

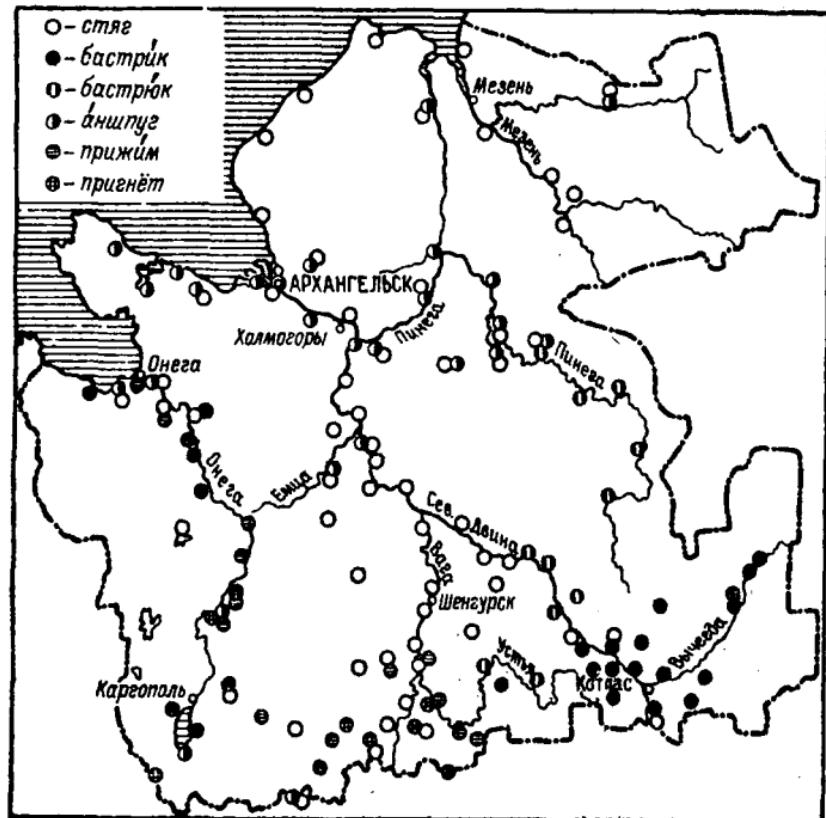
<sup>2</sup> Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области.— Русская речь, 1971, № 3, с.93.



Карта 6. Приспособление для размешивания теста, каши и т.п. - палочка с сучками на конце.

на восток словен (новгородцев) в северной части исследуемой территории, по левую сторону Волги.<sup>3</sup> Направление распространения слов на восток на юге Архангельской обл., возможно, вызвано одним общим колонизационным потоком новгородцев, проходившим по северной территории бывшего Владимира-Суздальского кня-

<sup>3</sup> Мельниченко Г.Г. 1) К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимира-Суздальского княжества XII - начала XIII в. - Вопросы языкоизнания, 1970, № 5, с.40-41; 2) Слова, обозначающие корзины. - Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та, 1964, вып.52, с.82-83.

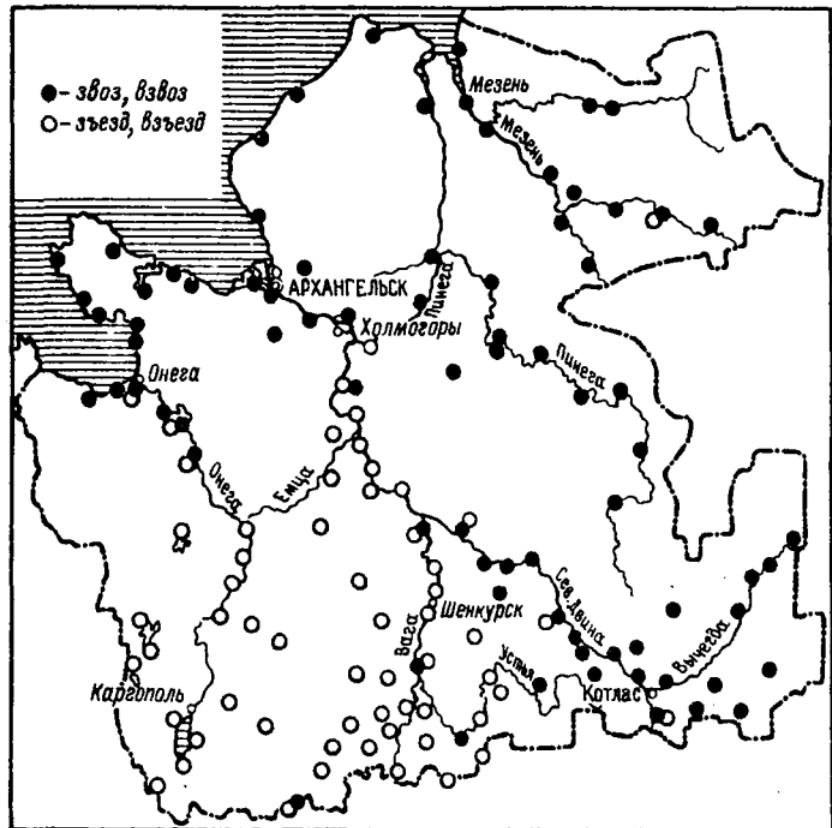


Карта 7. Карта, о помощью которой окрепляют сено, скопы на возу.

жества и игу малого региона. Материалы исторических документов подтверждают направление новгородской колонизации от Онеги не только в Подвилье, куда попадали с Онеги по Емце, но и в Важско-Вельский край, куда попадали через Можу (правый приток Онеги).<sup>4</sup> Видимо, в самой южной части области сказалось влияние двух колонизационных потоков — новгородского и ростово-суздальского.

Волнообразный характер распространения лексических явле-

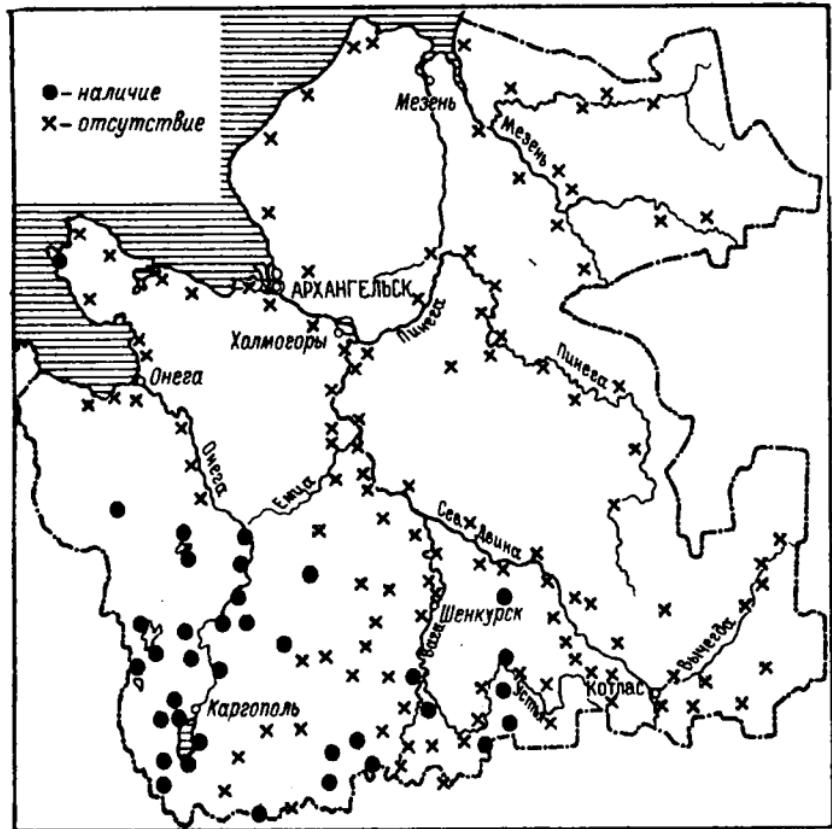
<sup>4</sup> Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства, с. 100-101.



Карта 8. Бревенчатый настил для въезда на второй этаж хозяйственной постройки.

ний на Двине и Ваге наводит на мысль о длительном соперничестве Новгорода и Москвы в XIV-XV вв. Следы его, по словам М.В. Витова, обнаруживаются также "в постепенном и закономерном переходе особенностей современной крестьянской культуры и физического облика современного населения, живущего вдоль северных рек, особенно Двины и Ваги. Этот переход, отражающий взаимное проникновение компонентов, выявляется на значительном участке от устья Емцы до истоков Ваги и Двины".<sup>5</sup>

<sup>5</sup> Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII-XVII вв.). М., 1964, с.7.



Карта 9. Распространение слова тяща 'грязь, грязное то'.

Отдельные этнические группы на территории современной Архангельской области в достаточной мере сохранили следы древних колонизационных потоков, так как приток населения извне закончился здесь в основном в XVII в.: центр торговых сношений с Западной Европой переместился с Белого моря на запад, к Балтийскому морю. Сохранению этнических групп (и говоров), по мнению М.В. Витова, способствует и гнездовой тип расселения, который связан с относительной изоляцией небольших групп населения, особенно в условиях низкой плотности.

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ  
С СЕВЕРНОРУССКИМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ КУШАНИЙ)

Задача настоящей статьи – рассмотреть вопрос о характере связей между севернорусскими и западными среднерусскими говорами, с одной стороны, и об отношениях внутри западных среднерусских говоров (псковских и калининских) – с другой. Материалом для исследования является лексико-семантическая группа "названия кушаний".

В лингвистической литературе на данных фонетики, грамматики и лексики подчеркивалась несомненная связь псковских и калининских говоров, в основном псковских говоров и оstashковских.<sup>1</sup> Наша цель – расширить и углубить сведения о близости говоров двух соседних регионов на новом лексическом материале, впервые вводимом в научный оборот, а также проследить их связь с севернорусскими говорами.

В предлагаемой статье для анализа взят языковый материал, извлеченный из картотек ПОС, из ОСГК и его картотеки, а также лично собранный и проведенный авторами в полевых условиях на территориях обеих областей. Для выявления связей с севернорусскими говорами использовались данные, извлеченные из ряда словарей и диалектных картотек. Нам удалось обнаружить около полусотни общих лексем – названий кушаний в псковских и калининских говорах (учитывались только названия одного и того же кушанья, либо кушанья, сходного в приготовлении). Следует отметить, что русские народные наименования кушаний мало привлекали внимание исследователей, поэтому многие сведения, приводимые в статье, могут быть в будущем уточнены и дополнены.

<sup>1</sup> Копорский С.А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. – Учен. зап. Калинин. пед. ин-та, 1945, т.Х, вып.3, с.3-163; Герд А.С. (1) О некоторых суффиксах лиц в псковских говорах. – Учен. зап. Псков. пед. ин-та, 1963, вып.15, с.38-42; (2) К истории псковских говоров. – Программа XII научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Ленинград, 1970, с.84-87; Меркулов Н.Ю. Псковско-Осташковские изоглоссы (на материале рыболовецкой лексики). – В кн.: Псковские говоры. Л., 1979, с.55-59.

Сопоставление наших материалов с лексикографическими данными о других русских говорах выявляет связь слов, отмеченных в псковских и калининских говорах, как с севернорусскими, так и с южными и юго-западными говорами. Это вполне закономерно, так как центральная часть псковских говоров и калининские говоры в их западной части представляют собой в основном один тип среднерусских говоров, имеющих черты как северных, так и южных и юго-западных русских говоров.

Учитывая тематическую направленность сборника, мы отобрали для описания слова, имеющие псковско-калининско-северный ареал (воего 32 слова).<sup>2</sup>

Лексемы среднесевернорусского ареала можно разделить на три группы. Первая группа представлена словами, отмеченными в современных псковских и калининских говорах и распространенными в указанном значении в других говорах русского языка, преимущественно севернорусских.

Бабáха 'оладья, блин'. Пск.: Ся́вонни бабáхъ нъпяклá, макáй бабáхъм в си́ту (Ал. Федорцево); З гарóху рéньшь бабáхи пяклí (Остр. Демешкино); Ему лúчше нрáвящие штеничныи бабáхи (Соп. Садки). Калин.: Бабáхи и из афсянай и из хýтнýй мухí пяклí. (Ост. Овинец); Блин завéща па-стариннаму бабáхъ (Ост. Вятка); Харашы бабáхи с мáслам (Выш. Леонтьево). Слово известно во многих других деревнях Осташновского р-на, а также в Удомельском р-не (ОСГК, 28). В СРНГ (2, 17) слово имеет пометы оташ. твер., демян. новг.. Слово бабáха отмечено также в Загорском и Клинском р-нах Московской обл. (СГП, 16).

Картофельник 'картофельная запеканка'. Пок.: Картофельник делают, о яйцом запекают, с салом (Вл. Дроздово). Слово записано также в Локнянском р-не. Калин.: Зáфтра картофельник здéлаю из свéжей картошкы (Нелид. Марьино); Гатóвим картофельник ис картофеля (Мако. Рыбинское). Записано также в Бежецком, Ка-

<sup>2</sup> В статье не анализируются слова этого ареала, ранее уже описанные одним из авторов: барканик, грибник, гуша, хитник, капустник, кромонка, рыбник, ыголница (см.: Луговин и о в а И.С. Лингвогеографические данные и вопрос об отношении псковских названий кушаний к севернорусским. - В кн.: Севернорусские говоры, вып. 2. Л., 1975, с. 66-73).

шинском, Молоковском, Новоторжском, Рамешковском, Спировском и Старицком р-нах (ОСТК, 85). Это слово в указанном значении широко представлено в северорусских говорах: костромских, ярославских, вологодских (СРНГ, 13, 103). В значении 'кушанье из картофеля, с картофелем' встречается в архангельских говорах (Подысокский, Грандилевский).

Картошник. В псковских говорах диалектизм имеет два значения. Одно значение – 'лепешка о картофельной начинкой, не прикрытой сверху тестом': Расклéшиш тóнка, тóнка, картошни накладёш, бóрная тéста, края́ заворотиш, картошники (Н.-Рж.Извоз). В калининских современных говорах слово имеет значение 'шрот о картофелем' (Новоторжский и Кесовогорский р-ны). В СРНГ (13, 106) оно дано с пометой пск., твер., осташ. Другое значение слова – 'лепешка из сырой картошки': Пск.: Ляпóшки с сырой картошкы назывались картошники или драники (Себ.Анинск). В указанном значении слово отмечено в современных калининских (ОСТК, 86) и в новосибирских (СРНГ, 214) говорах.

Кокорка 'лепешка, края которой загибаются или защищиваются кверху, а середина наполняется творогом, картошкой, ягодами и пр.' Пск.: Какóрки с тварагóм-ть напеку́, с малакóм и паедиши (Печ. Моложба); Кокорки пекли с тълянным семечкам (Гд. Чудская Рудница). Слово записано также в Пушкиногорском и Славском р-нах. Калин.: Какóрки я давно ни пеки́ (Виш. Красномайский); Был бы твароб, а какорки будут (Лес. Телятники); Какорки пекут о кáшой, с картошкой (Бол. Н.Березай); Какорка – ёть круглыя калабóушки, а начинка свéрху (Ост. Корпово); Я назéмки какорки о яблóкым пекла (Кум. Ферково). Записано существительное также в Бежецком и Удомельском р-нах (ОСТК, 98). В СРНГ (14, 96) оно имеет пометы вышнёвый., твер., калин., пск., новг., петерб. Слово известно в Забайкалье (СРГЗ, 160) и в Новосибирской обл. (СРНГ, 209, 227).

Наливáнка 'лепешка из недрожевого теста, иногда с начинкой, положенной сверху'. Пск.: Ета и наливáнки на прастали-ши в белой муки (Локн. Опоки). Записано также в Островском и Псковском р-нах. Калин.: Люблю блины-наливáнки печь (Нелид. Марьино); На блины наливáнки канапáльные сёмки – ёть наливáнки (Ост. Палиха); Наливáнки делают с картофелем, творогом, гречиш-

вай кашай (Ост. Котчище). По данным КСРНГ, слово имеет севернорусский ареал, отмечено в костромских и новгородских говорах.

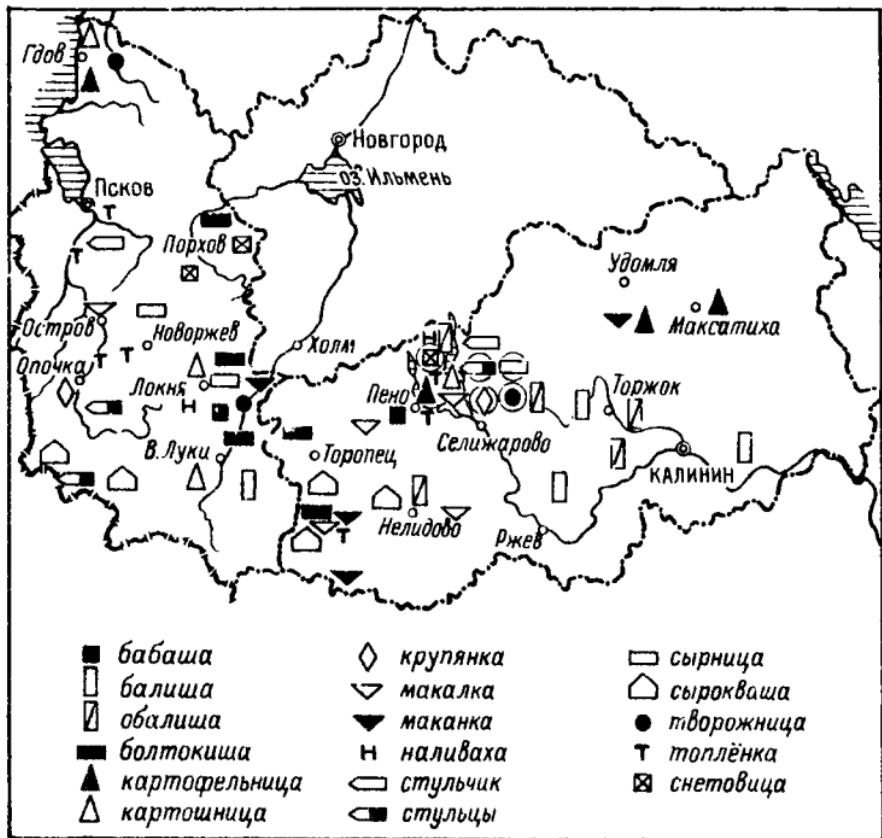
Олякиш 'непропеченный хлеб'. Пск.: Алякиш, апекаш - хлеб, когда на далякёща (Локн. Опоки). Калин. Алякыши какие-ть получились (Пен. Зaborье). В калининских говорах известны в этом же значении лексемы алякуш и аклякиш: Алякуш - это сырое тесто ф хлеби (Калин. Вишняково); Ни дапичош хлеб - вот и аклякиш (Ост. Ревеницы); Аклякиш получился у меня (Зап. Скрабы). Аклякиш записан также в Калининском р-не (ОСГК, 157). По данным СРНГ (I, 248), алякиш имеет пометы новоржев., порх. пск., осташ. твер., влад., пенз.; алякуш - пенз.; алякаш - Сырмолово Холм., Пск., Юрьев Влад., пенз., сарат. Формы олякиш, олякыш известны псковским, тверским, ярославским, владимирским, ивановским и саратовским говорам (КСРНГ; КЮС, 133).

Вторая лексическая группа представлена диалектизмами, отмеченными в современных псковских говорах, по данным И. Карпова<sup>3</sup> - в осталковских говорах, в современных калининских говорах, а также встречающимися в сибирских говорах и в говорах Прибалтики, куда, возможно, они проникли значительно позднее. Изоглоссы слов, имеющих ареал в псковских и калининских говорах, нанесены на карту. Условный знак на карте указывает на фиксацию слова в одном населенном пункте или в пучке близко расположенных селений.

Сырница 'запеканка из творога и крупы'. Пск.: Сырница, творак и кипятят, круп житных ссыпят и маслят яё (Локн. Опоки); Сырница у меня ф пёцке, тварак пасалёной с маслам (Н.-Рж. Извоз). В Дополнении (263) с пометами пск., осташ. твер., в Словаре Даля (IV, 376) с пометой твр. 'кушанье из творогу и гречневой каши'. В новосибирских говорах (СРНГ, 529) сырница 'блюдо из творога с яйцами и маслом'.

Творожница 'запеканка из творога и крупы'. Ставят ф пёчку творак о крупоj, маслам маслят, тварожница, густая, прижарыши.

<sup>1</sup> Карпов И.И. Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осталковского Тверской. 1855 г.- РГИ., БАН, шифр 17.10.16.



Названия кушаний, отмеченных только в псковских и калининских говорах.

маленька (Лонн. Опоки). Слово записано также в Гдовском р-не Псковской обл. В Словаре Даля с пометой пск. творожница 'творожная лепешка с гречневой кашей' (ГУ, 395). В Дополнении с пометами пск., осташ., твер. творожница 'леденчка из творогу с гречневой крупорой' (265). В значении 'творожная запеканка' слово отмечено в говорах бассейна реки Оби (СРСГ, 222).

Топлёнка 'молочный суп'. Пск.: Таплёнка есь, малóший суп (Палк. Клюево); Таплёнка, а па-рáньшму заливáха, тóлькъ малако да рис, да рашкí, да мъкарóнн (Оп. Макуттино). Слово записано также в Псковском и Пушкиногорском р-нах. Калин.: Таплёнка нынчи слáткая (Ост. Заболотье); Две пястки [крупн.] в малако

Фы́шиш – вот и таплёнкъ (Ост. Перетерг); Малако́ с круло́й тó-  
пят – вот и таплёнкъ (Ост. Коново); Люблю́ таплёнку на мъла-  
кé (Зал. Улин). Слово записано также в Псковском р-не. С по-  
метой псковское диалектизм топлёнка в Опыте ‘молоко, вареное о  
крупами’, в русских старожильческих говорах Прибалтики топлён-  
ка ‘молочный суп с крупой’,<sup>4</sup> у Даля с пометой гж. ‘кашица на  
топлённом молоке’ (IV, 416).

Третья группа рассматриваемых слов представлена диалек-  
тизмами, отмеченными в современных псковских и калининских го-  
ворах и не встреченными в других говорах русского языка.

Бабаша ‘печёный хлеб’. Пск.: Кушай, фюсная бабаша (Локн.  
Опоки). Калин.: И́а, вазьми бабашу [при обращении к ребёнку] (Пен. Зaborье). В том же значении в Западнодвинском р-не от-  
мечено слово бабад: Бабаш сиво́ния ни уда́лся, ни пашчёный ка-  
кой-ть (Улин).

Балиша ‘мучная каша’. Пск.: Ка́ша балиша мучна́я, о муке  
аржано́й. Хош с пашаны́тнай (Вл. Букино). Калин.: Балиша – эт  
хама, хош из оғсянай муки́, хош из жы́тнай (Луж. Карманах). Слово  
записано также в Калининском и Новоторжском р-нах (ОСГК,  
29). В СРНГ балиша ‘кушанье из ячменной муки’. Новоторж. Твер.  
(2, 72). С тем же значением в калининских говорах записано  
слово обалиша: И сича́с абалишу дёлай (Ост. Коршово); Абалитай  
жы́ткую кашу зва́ли (Ост. Вятка). Отмечено слово также в Каме-  
нецком, Медновском, Нелидовском р-нах (ОСГК, 146).

Болтокиша ‘загустевшее квашеное молоко, простокваша’. Пск.:  
Болтокиша – сёдшее молоко́, кислае, прастакиша иначе (Тор. Мещо-  
ки). Слово записано также в Плюсском и Холмском р-нах Псков-  
ской обл. По данным областной лексикографии (Опыт, 12) слово  
отмечено как псковское. Однако оно встретилось и в Калининской  
обл.: В жару́ лу́ччи балтайкишы папью, чим малака́ (Зал. Улин).

Картофельница ‘картофельное пире’. Пск.: Там тибé мале́нь-  
къ картофельницы здёльнь, ёта талчоная картошка с малаком ски-  
питиш (Гд. Ветвеник). В Опыте (78) слово отмечено как псков-

<sup>4</sup> Немченко В.Н., Синица А.И., Мурни-  
кова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих  
говоров Прибалтики. Рига, 1963, с.325.

ское. Калин.: Картофельница с картошками, двух яиц и сольки (Ост. Ляхово); Картофель толкнут о водой — и ф печь — вот и картофельница (Уд. Саниково); Картофельница — эта картошка, ана заправлялась маслом (Ост. Палиха).

Картошница 'картофельная запеканка'. Пск.: Картошница — картошку растолкнуть, масла туда, малака и жарют, карда ф той же пасуди, карда на сковоротки (Н.-Сок. Алё). Слово записано также в Бежанишком, Великолукском и Гдовском р-нах. Калин.: Картошница ис картошки, папалям с яйцом (Ост. Хитино); Картошница — первое угощение, жарили ф чашке: картошка, лайло и малако (Ост. Кононово).

Крупянка 'суп с крупой'. Пск.: Крупянка — с крушой суп (Оп. Духново). В СРНГ (15, 322) крупянка 'похлебка с крупой' с пометами пск., осташ. твер., калин.

Макалка 'соус, в который что-н. (хлеб, блины, картошку) макают'. Пск.: Сыгодни макалку дёлала, эта памечка такая, блины, какоры макать (Пушкинские горы). Калин.: С макалкой фкусней блины (Пен. Зaborье); Сколько ты макалки-ть развила (Ост. Заболотье); Макалка — это картошки расталкнут в чашке дири-вялкий, развидут кипятком да хънаплянтым маслым зальют (Олен. Холмец); В макалку макают блины (Зап. Козино); Макалка г блины делавща с творагу (Ост. Палиха).

В том же значении в псковских и калининских говорах отмечено существительное маканка. Пск.: А вот пакушайте маканки нашей деревенской, макать в яйца картошкой (Холм. Ветно). Калин.: Свари картошку и зделай маканку (Жар. Щучье); Макай хлебам в маканку (Зап. Скрабы). Записано слово также в Удомельском р-не (ОСГК, 124). В СРНГ (17, 307) диалектизм отмечен как калининский.

Наливаха 'толстый блин, лепешка'. Пск.: А еще наливаха, а кто и драчёна завёт, с теста з белава (Локи. Опоки). Калин.: Наливаха паспела уж (Ост. Заболотье); Наливахи ис теста пякнут, там картошка с малаком (Ост. Черный Дор). В Пеновском р-не Калининской обл., записано это слово со значением 'тесто для блинов, лепешек': Наливаху зделъть, можнъ и блины печь (Пен. Зaborье).

Стульчик 'густая каша (кисель), взбитая при заваривании, охлажденная и нарезанная кусочками'. Пск.: Стульчик — наша га-

рохавая и с муки, астынет и нарезай ножичкам, фукусная очень (Палк. Кларево). Калин.: Стульчики делали мы, гарохавая мука когда была. Верили в гаршке, патом выпьют ф чашку, потом застынет. Вот эти стульчики ф чашке памакут маслом и бли, как хладец (Ост. Добрая).

В том же значении, что и стульчик, в псковских говорах отмечен диалектизм стульцы. Пск.: Стульцы делали, маслом валожили, гарох абдирёш, на муку намёлиш, паставиш кипяток, в ришато вывьратиш эту кашу, штои застыла, разрёжши (Оп. Голованово); А стульцы утобоять так: кипит вада, смыши муку и калотиш, патом уваривают, патом выливают, ана застынет, режим, маслом заливаш (Себ. Хлоде). В Опьте, Дополнении с пометами пск., твер. осташ., в Словаре Даля с пометой пск., стульцы<sup>5</sup> в том же, что и в псковских говорах, значения. В современных калининских говорах отмечается и однокоренное образование стул 'любой очень густой кисель, застывший, нарезанный кусочками'.

Сырокваша 'загустевшее квашеное молоко, простокваша'. Пок.: Сыракваша и прастакиша, так уварят старые люди (Себ. Прилиши); Эта будя сыракваша, малако пракисла (Нев. Мелихи); Там сыракваша, мсжа ёде свежая малако есть (Вл. Синие Ворота). Калин.: Ишё кислае мылако называют сыркваша (Зап. Улин); Оладьи я бсегда пику на сыркваше (Нелид. Ключевая). Слово отмечено и в других селениях Западнодвинского р-на (ОСГК, 246).

Особо необходимо остановиться на диалектизме снетовица 'похлебка, суп со снетками': Цхлябал бы типеръ снятавица (Слав. Амосово); Матка в эта время снятавица сварит (Дн. Буровкино). Слово записано лишь в современных псковских говорах. В Дополнении (249) с пометами пск., твер. осташ. также отмечается этот диалектизм. В современных же калининских говорах слова нет, да и похлебок со снетками не делают.

На лексической карте значки, указывающие распространение слов крупинка, снетовица, стульчики, сырница, творожница на территории Калининской области, обведены кружком, так как в сопре-

<sup>5</sup> См. об этом слове и его производных в статье: Луто-винова И.С. Об одном псковском назывании гороховой каши (стульчики).— В кн.: Псковские говоры. Л., 1979, с. 35–38.

менных калининских говорах они не встречаются, не зафиксированы на данной территории в XIX в.

Довольно большое количество лексем, обозначающих одно и то же кушанье или кушанье, сходное в приготовлении, позволяет говорить о значительном лексическом сходстве западных среднерусских говоров как с севернорусскими, так и между собой. Наличие слов с одинаковым значением, различными словообразовательными аффиксами и одним и тем же мотивировочным признаком – факт живого языка, в котором никогда не прекращаются процессы трансформации и образования новых слов при помощи продуктивных аффиксов.

Данные лингвистической географии подтверждают псковско-калининско-севернорусский ареал. Как уже было ранее установлено по фонетическим и грамматическим данным, территория Псковской области в центральной части и территория Калининской области в западной части – зона западных среднерусских говоров, имевших в основе черты как севернорусских, так и юнорусских говоров и составлявших некоторое единство.<sup>6</sup>

Материалы данной статьи подтверждают несомненное сходство псковских и калининских говоров с севернорусскими. Установлено также проникновение отдельных лексем в уральские, сибирские говоры. Это явление, вероятно, более позднее, связанное с миграцией населения. Возможность же севернорусской основы как псковских, так и калининских, вернее их части, говоров, вполне вероятна, ведь в XII в. – это территория Новгородской земли.

Связь этих говоров давняя, вызванная историческим соседством псковичей и тверичей, а также общностью происхождения славян этой группы: в летописи с IX в. уже упоминаются кривичи, район расселения их как раз бассейн Великой, Ловати и озера Селигер. По данным археологов, среди кривичей выделяется несколько локальных групп, одна из которых псковская. В зону ее обитания включается территория от Псковского озера и бассейна реки Великой до Валдайских озер и верховьев реки Волги.<sup>7</sup> Сведения

<sup>6</sup> Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. с.147-150.

<sup>7</sup> Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973, с.20.

археологов дают основание предположить, что эта древняя псковская зона проявляет себя и в связях между псковскими и верхневолжскими говорами.

Среди опубликованных материалов второй половины XIX в., имеющих пометы пск., твер., осташ., выделяется ряд слов, отсутствующих в современных калининских и отмеченных в современных псковских говорах. Это также наводит на мысль о единстве древней основы этих говоров, которые, возможно, ближе к псковским, нежели к селигеро-торжковским говорам.

А.С.Герд

### К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ГОВОРОВ ПОСВИРЬЯ

Почти по самой границе Ленинградской области с КАССР течет Свири из Онежского озера в Ладожское. Вниз по течению в нее впадают реки Быньма, порогистая Важенка, Яцеба, Шоткуса, Оять. Этот район от истоков Свирь до устья рек Шоткусы и Ояти вместе с деревнями по южному Подпорожью - Ошта и образует Посвирье. Сегодня на Свирь живут почти исключительно русские.

Посвирье вместе с Олонецким (Ладого-Онежским) перешейком - важный в историко-лингвистическом отношении район. Собранные за последние 20 лет ленинградскими полевыми диалектологами обильные лексические материалы позволяют привлечь их сегодня к решению проблем этнолингвистической истории Посвирья.<sup>1</sup>

Отметим типы лексических связей говоров Посвирья с другими говорами на крайнем северо-западе РСФСР.

1. Говоры Посвирья и говоры к югу от Свирь (от Свирь до Новгорода), исключая Белозерье и говоры к северу от Свирь.

Абазурить, абазуриться 'вести себя не так, как следует', абазурник 'озорник', ах, только моё, басалай 'шалун, озорник', баша-баша, башенька-башенька, бяшенька-бяшенька 'подзывные слова для овец', бейнка 'тесемка по платью', белений суп 'суп',

<sup>1</sup> См. КСРГК - архив кафедры русского языка Ленинградского университета.

заправленный сметаной', белить суп 'добавлять сметану в суп', белянка 'блондинка; о любимой'; блындат 'бронить, шататься'; боркан 'морковь', буерага 'метоль, ненастье', гольы есть (пить) 'обычно: есть без хлеба'; горькушка 'плетва', грумнуть 'ударить чем-н.; упасть', гуржом 'вместе', двоячата 'близнецы', дрочёна 'личница', ёкаться 'икать', жмойла 'жадный человек', запрошлый гол, запрошлым годом 'позагородный гол, в позапрошлом году', измятина 'отходы при сбивании масла', калян 'хесткий, затвердевший', картосличе 'исле, с которого убран картофель', кокора 'кушанье', корнилец ты мой 'ласк. обращение', кремялик 'о человеке крепкого здоровья', жити 'часть окна', маткин берег 'бранио', мугатной 'крепкого сложения', мизгнуться 'упасть', на пробоску 'босиком', недосоль 'что-н. недосоленное', ой ты пынега 'о пыжасе; прозвище', пережабина 'мелкое место на озере', плетенка лука 'связка', распустить сено 'разложить для просушки', ситовик 'гриб', сукром 'сруб', чернуть 'зачернить', шалгун 'заплечный мелок', шурка 'воздобленный'.

2. Говоры Повсирья, говоры к югу от Свири до Новгорода, русские говоры Прионежского и Кондопожского районов КАССР (западное Прионежье), а также говоры Вытегорского района Вологодской области, исключая Заонежье, Беломорье, Белозерье, Каргополье.

Бучило 'то, в чем кипятят белье', каверзать 'сплетничать; портить', летошник 'годовалое животное', нятина 'тина'.

3. Говоры Повсирья, говоры к югу от Свири, говоры к северу от Свири (Прионежье, Заонежье, Пудожье, Обоченжье), исключая Каргополье, Беломорье, Белозерье.

Берестень 'корзина', веник 'полоска, веха, знак чего-н.', вольный воздух 'чистый, свежий', вдвоих, гамзить 'делать не так', гомонить 'громко говорить', головтина 'драка; убийство', городня 'изгородь', двойчаты 'близнецы', дрюники 'саны', хелудок 'желток', заботин 'заботливый', иичея 'часть сетей', корец 'ковш', молодильный, одворок 'пристройка около дома', луковавая трава 'перья лука', мазурик 'бранио', мали-мали 'подзывающие слова для овец, кур', мокрица 'сорняк', пегачи 'пегий',

челишня 'сарай', перехватка 'еда до завтрака', пилькать 'моргать, о глазах', подольховник 'гриб', пястка 'небольшое количество чего-н.', распашное окно, рагоза 'ссора', райдуга 'радуга', спорознить 'освободить', старый малец 'холостяк'.

4. Говоры Посвирья, говоры к югу от Свири, говоры к северу от Свири до Терского берега Белого моря, исключая бассейн р. Онеги на востоке, Каргополье, Белозерье.

Благой 'хороший', боря-боря 'подынечные слова', бульбак 'пузырь, волдырь', верёх, наверёх, гайтан 'тесемка, шнурок', хуравина 'кликва', замкнуть двери, зень 'земля; пол', ивень 'иней', изгорода, колпак 'часть печи', кореник, кореничок 'корзина', лоза 'ива', обуденком 'в один день'.

5. Говоры Посвирья, говоры к северу от Свири (Прионежье, Заонежье, Пудомъе, Обонежье), исключая говоры к югу от Свири, Беломорье, Белозерье.

Бабка 'укладка снопов', белохрёбтая корова, бородавица 'бородавка', бубарка 'мошка', бурандат 'ворчать', валюшечка 'парик теста', кичуга 'охапка, связка', кобылица 'ягода', косовик 'блин', кирандат 'болтать, бормотать', мачкать 'бить'.

6. Говоры Посвирья и говоры к югу от Свири, говоры Каргополья (исключая Белозерье, Заонежье, Беломорье).

Кокшать землю 'взрыхлять', межень 'середина лета', муранник 'муравейник'.

7. Говоры Посвирья, говоры к югу от Свири и к северу от Свири, включая Каргополье, бассейн р. Онеги, но исключая Белозерье.

Боском, вольный парень, вольница 'шалун, озорник', горькуха 'гриб', гостьбище 'пребывание в гостях', давень 'недавно', душмяный 'душистый', жихарь 'житель', загнета 'щепки', заломка на двери 'засов', исрдань 'прорубь', лоснить 'блестеть', лытки 'голень', масолник, маслянка 'гриб', макса 'печень', обрядиться 'управиться по хозяйству'.

8. Говоры Посвирья и говоры к югу от Свири до Новгорода и на восток до Белозерья (Череповецкий, Белозерский, Шекснинский районы), исключая говоры к северу от Свири и Каргополье.

Глумиться 'казаться, чудиться', деяники 'варежки', домаха 'хозяйка', доселёшний 'старинный, прежний', мулить воду 'му-

тить', клуша 'наседка', паграться 'пачкаться', старый 'парень', холостяк', тарковатый 'добрый; щедрый'.

9. Говоры Повсвирия, говоры к югу от Свири, говоры к северу от Свири (Прионежье, Заонежье, Пудожье, Обонежье), говоры на восток до Белозерья, исключая Каргополье, Беломорье, бассейн реки Онеги.

Белуга 'тип почвы', глонуть 'глотнуть', глушина 'вид березы', гмыриться 'хмуриться', дюже 'очень', жадобный 'ласковое обращение', комлатах 'безрогая', кокша 'топор', красушка 'гриб', лава 'мостки', одёр 'часть телеги'.

Типы лексических связей говоров Повсвирия выявляют тем самым и соответствующие диалектные зоны.

Типы 1, 2, 3, 4 обнаруживают прочные связи говоров Повсвирия с новгородскими говорами. Тип 1 четко очерчивает северную границу ладого-тихвинской группы, вновь подтверждая справедливость ее выделения.

Тип 3 выявляет собственно северо-западную, ладого-онежскую диалектную зону и противопоставляет ее говорам и Беломорья и Каргополья.

Тип 4 вычленяет новую единую ладого-онего-беломорскую зону русских северо-западных диалектов, как будто бы не отмеченную до сих пор в специальной литературе.

Тип 5 показывает тесные связи говоров Повсвирия с говорами в районе Онежского озера и одновременно очерчивает ладого-тихвинскую группу юга.

Типы 6 и 7 очерчивают две другие диалектные зоны: тип 6 - зону, охватывающую Свири, южное Обонежье и Каргополье, а тип 7 - основную большую северо-западную зону русских диалектов от Волхова и Карелии до реки Онеги и озера Лача на востоке.

Типы 8 и 9 выделяют особую зону интенсивных исторических связей Поволховья и Повсвирия о говорами на восток до Белого озера. Выделение этой группы, по-видимому, началось еще в до-новгородский период.

Какова же историческая интерпретация приведенных данных?

В целом типы 1-5, и в особенности тип 4, отражают, по-видимому, сильную собственно новгородскую миграцию по Волхову, Свири, Ладожскому и Онежскому озерам, реке Выг в Карельское

Беломорье, на Терский берег. Ее интенсивность была сильнее к югу от Белого моря, о чем и свидетельствуют типы 2,3, достаточно определено показывающие древнюю противопоставленность всех говоров от Волхова, Ояти и Свири до Онежского озера диалектам Беломорья. С исторической точки зрения тип 3 выявляет новгородско-онежскую зону, а тип 4 - зону новгородско-онежско-беломорскую.

Каковы исторические основы этой противопоставленности? Ее следует искать, с одной стороны, в типе субстрата, а с другой - в языковой ситуации раннего средневековья. По-видимому, первоначально в Посвирье и в районе Онежского озера жили носители иных прибалтийско-финских диалектов, чем в Беломорье. Как показывают материалы семинара о происхождении карел, проходившего в 1976 г. в Финляндии в Йоэнсуу, ряд авторов полагает, что население Олонецкого перешейка в разные эпохи не было однородным и имело смешанный характер.<sup>2</sup> Русские летописные источники с Белого моря говорят не о вesi и карелах, а о лопи и лопских погостах (о дикой лопи, о лешей лопи). Показательно, что и историки считают, что Карельский берег от устья реки Выг до Керети карелами был освоен позднее XIV в.<sup>3</sup>

Однако главное в другом. На Ладого-Онежском перешейке, в Посвирье, в Прионежье, Заонежье и Обонежье, где климат мягче, несомненно, издавна более высокой была и плотность населения, как прибалтийско-финского, так и новгородского. Население имело оседлый характер. Именно здесь активно шли процессы этнического и языкового смешения, сильнее проявляли себя тенденции к билингвизму. В Беломорье же проникновение новгородцев носило в основном феодально-монастырский и охотничье-рыболовецкий характер и проходило позднее, чем, по-видимому, массовое заселение Ладого-Онежского перешейка и Обонежья в целом. Тип

<sup>2</sup> Баранцев А.П. К вопросу о происхождении индо-карельских диалектов. - В кн.: Университет Йоэнсуу. Серия гектограмм А, № 0 24, Б. Происхождение карел. Доклады семинара от 30 - 6 - 2 - 7 1976; Киркинен Х. Карелы, изначальное племя или слияние? - Там же, с.7-19.

<sup>3</sup> Очерки истории Карелии, т.1. Петрозаводск, 1967, с.59.

5 как раз и свидетельствует об интенсивности этих процессов, которые в определенный исторический период привели и к обособлению говоров Посвирья вместе с онежскими диалектами как от говоров к югу от Свири, так и от беломорских диалектов.

Следует подчеркнуть также справедливость членения русских диалектов бассейна Свири на две части – северо-западную и юго-восточную, отмеченного на ДКРЯ АН СССР. Говоры Посвирья ниже Усланки-Свирьстроя, Яндебы до устья Свири ближе по своему типу к остальным говорам ладого-тихвинской группы, чем к говорам верховьев Свири. Напротив, именно говоры среднего и Верхнего Посвирья в Подпорожском районе содержат наибольшее число лексических соответствий онежским диалектам. Например, именно здесь зафиксировано большинство свирических глаголов на -айдать (-андать), известных также и на Онежском озере.<sup>4</sup>

Каковы причины этого расчленения? Поскольку здесь, в районе Уланки – Яндебы не проходило никаких политических границ, возможно, что это расчленение связано о разными типами субстрата и само свидетельствует о неоднородности прибалтийско-финских диалектов XI–XII вв. Можно предположить, что именно к северу и северо-западу от линии Яндеба – Уланка, вверх по Свирь обитали иные прибалтийско-финские племена, чем к югу от этой линии и ниже по Свирь. Не свидетельствует ли именно это расчленение русских диалектов о более старом разделении в этом районе карел и вепси?<sup>5</sup>

По-видимому, тип 6 исторически отражает один из отдельных новгородских миграционных потоков на север по Волхову, Ладожскому озеру, Свири и через южное Обонежье в Заволочье.<sup>6</sup> Более опорно: был ли этот поток чисто славянским в самой своей основе?

<sup>4</sup> Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии. – Советское финноугроведение, 1979, № 4, с.243–247.

<sup>5</sup> Коцуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X–XII вв. Л., 1973, с.66–67.

<sup>6</sup> Ср. мнение В.В.Пименова о мощном движении по тем же путям в Заволочье древней вепси (Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965, с.50).

Тип 7 хорошо очерчивает тот этап общего новгородского продвижения на север и на Онегу, когда влияние Великого Новгорода здесь определенно превосходило влияние Ростова Великого.

По ряду признаков к говорам Посвирья тяготеют говоры в бассейне реки Оять, которые вместе образуют северную подгруппу ладого-тихвинских говоров (к северу от рек Капша, Кондега, нижнее течение Паши), противостоящую южной пашко-сясьской подгруппе ладого-тихвинских говоров. Противопоставлению этих двух подгрупп определенно способствовало и то, что с первой трети XVIII в. именно в междуречье Ояты, Паши и Капши в разное время проходила южная граница Олонецкого уезда, Олонецкой провинции с Ингерманландией или Новгородской губернией, а с 9 сентября 1801 г. и до 1917 г. — южная граница Олонецкой губернии. Примечательно, что и по оей день именно здесь — в междуречье Ояты и Паши — проходят южные границы Лодейнопольского и Подпорожского районов Ленинградской области.

Говоры к югу от Капши, Кондеги, Паши, в бассейне Волхова, исторически развивались, по-видимому, на территориях, где неславянское население к моменту новгородского заселения встречалось уже спорадически, островами. Не последнюю роль играла начиная с 1144 г. близость и к самому Новгороду, и к Старой Ладоге, а с 1560-х годов — к Тихвинскому и Зеленецкому монастырям.

Типы ареальных и исторических связей, выделенные в статье, представляют тем самым и предварительное членение русских северо-западных диалектов по лексическим данным.

Н.А.Мещерский

#### О НОВЫХ ТРУДАХ ПЕРМСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

Диалектологи Пермского государственного университета им. М.Горького и Пермского педагогического института в течение последних лет опубликовали ряд новых интересных исследований.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> О работах более раннего времени см. наши обзоры в кн.:

Успешно продолжается выпуск межвузовских тематических сборников статей "Живое слово в русской речи Прикамья". В 1976 г. вышел в свет пятый выпуск названной серии в составе двенадцати статей.

Т.И.Ерофеева в статье "Взаимодействие литературного языка и диалекта (к вопросу о локальных морфологических явлениях в речи лиц, владеющих литературным языком)" продолжает начатую ранее актуальную тему об особенностях разговорной речи местной интеллигенции.

Ф.Л.Скитова плодотворно расширяет и углубляет исследование истории слов, вошедших из пермских говоров в общенациональный русский литературный язык в течение последних десятилетий. В ее статье рассмотрена история слова воловушка.

Н.А.Медведева затронула проблему воздействия языка художественной литературы на обогащение общенародного языка областными словами. По ее наблюдениям, слово баз 'скотный двор', характерное для южнорусских говоров, проникает в речь жителей севера не без влияния известных произведений М.А.Шолохова.

Языком пермских письменных памятников XVII — начала XVIII в. продолжает заниматься Е.Н.Полякова. В ее статье речь идет о различных наименованиях имущества в изученных ею документах.

А.А.Грузберг уже вторую свою работу посвятил словам древнерусского языка в лексике пермских говоров. В его работе анализируются группы слов, производных от глагола блазнить. Внимание автора останавливается также на существительном водополье, на слове челпан 'вид хлеба', прилагательных черемной 'красно-багряный', шадровитый (от шадра 'оспа'). Исследование истории названных слов приводит автора статьи к правильному заключению, что в народных говорах и в городском просторечии нередко могут сохраняться любопытные материалы для построения исторической лексикологии русского языка.

А.В.Шварц в статье "К вопросу о дублетности в народной речи" исследует слова антонимической пары давно — недавно, микросистемы со значениями 'в течение некоторого времени', 'с

малых (молодых) лет до настоящего времени", "на следующий день", "на следующее утро", "в первое время". Автор отмечает трудность внедрения в говоры таких слов литературного языка, как, например, первоначально, что может быть объяснено, с точки зрения автора, наряду с другими факторами также и тем, что в говорах вполне достаточно своих лексических средств для выражения близких рассмотренных выше значений.

С точки зрения общей и исторической лексикографии представляет интерес работа А.П.Чудикова "Слова семантически сильной и слабой позиции в контексте (к вопросу об иллюстративных материалах в словарях)". Мы согласны с автором статьи в том, что составителям словарей необходимо следить за тем, чтобы речения, иллюстрирующие употребление в речи каких-либо слов, приводили бы в контекстах с наиболее характерным для данного слова употреблением в сильной семантической позиции, наиболее ярко и полно раскрывавшим данное значение.

А.П.Галичева и Л.В.Сагарный посвятили совместно написанную статью проблемам экспериментального исследования "нового" слова на материале диалектной речи. Названная работа убедительно показывает продуктивность применения лингвистического эксперимента, проводимого через распространение и заполнение анкет, при изучении словообразования в народной речи.

А.Л.Молева рассматривает в своей работе существительные типа быстрдь, черндь, образованные от прилагательных в говоре села Акчим. Заметим, что этот весьма продуктивный тип словообразования характерен не только для говоров, но может быть назван общерусским. Имена существительные подобной словообразовательной модели, производные от качественных прилагательных, наблюдались не только в лексике деловых памятников XIV в., как это отмечено в статье, но и в более ранний период, по нашим наблюдениям, в повествовательных произведениях XII в.

К.А.Федорова в заметке "Чайник скипел или вокипел?" ставит вопрос о том, как оформлять заглавное слово словарной статьи, если в речи оно употреблено с приставкой, образованной с пропуском начального согласного в (приставки ва-, вс-). Мы согласны с автором, что в таких случаях целесообразно проводить в заголовке статьи слово в его литературном оформлении, а

далее делать пометку то же; например: вздумать – то же, что одумать, и лишь затем уже давать семантические пояснения. Эта рекомендация может рассматриваться лишь как самая общая, во всех сомнительных случаях следует исходить из внимательного анализа не только формы, но и семантической функции данных приставок.

Интересно для до сих пор еще мало разработанной области диалектной фразеологии остановиться на статье "Образно-выразительная фразеология в соликамском говоре Пермской области", написанной А.Н.Борисовой. В работе разбираются метафористические стержни таких фразеологизмов, как не входить в кожу 'располнеть', животы рвать 'смеяться сильно, до изнеможения', ног не видеть 'быть чрезмерно полным' и т.п. Выражения подобного рода приоцки всем русским и славянским народным говорам.<sup>2</sup>

Наконец, в статье Н.Т.Потаповой, иллюстрированной речевыми примерами и наглядными графическими таблицами, рассмотрены различные способы выражений причинно-следственных отношений в простом предложении. В этой статье речевой материал говоров севера Пермской области сопоставлен с лекоикой и синтаксисом деловой письменности XVIII в.

Шестой выпуск обсуждаемой нами серии появился в 1978 г. В нем содержится 14 работ. Статья Ф.Л.Скитовой "Слово матаня в словарном запасе жителей Перми" рассматривает взаимодействие диалектной и общерусской лекоики в разработке терминологии современной русской фольклористики. Слово матаня используется для обозначения частушки особой разновидности. Это слово бытует в говорах приволжских и заволжских областей, в том числе широко распространено среди населения пермского края. Статья Т.И.Ерофеевой и Л.К.Королевой, сотрудницы Пермского комитета по телевидению и радиовещанию, посвящена определению статуса разговорной речи на материале речевого общения жителей Перми. Авторы считают, что официальную разновидность речи пермяков есть основание включить в рамки устной неподготовленной речи носителей литературного языка при их официальном общении. Тем самым расширяется лингвистический статус современной русской

<sup>2</sup> См. об этом кн.: И в а л к о Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.

разговорной речи. Следующая статья написана также Т.И.Ерофеевой и посвящена языческим явлениям в разговорной речи горожан. Автор полагает, что наличие колебаний в произносительной литературной норме отражает борьбу письменной традиции и живой народной речи.

Статья Л.Е.Черзаковой "Слова голомед, гололедига и ожелель в русской научной терминологии и разговорной речи" освещает проникновение в специальную терминологию народных слов, обозначающих различные атмосферные явления. Статья О.И.Богословской и В.В.Быкталиевой посвящена изучению семантической структуры слова в народно-поэтической и народно-разговорной речи. Авторы утверждают, что язык фольклора, будучи неадекватен местному диалекту, является его художественной формой, представляя особую функционально-стилевую разновидность. Работа А.П.Чудинова (Стерлитамакский педагогический институт) показывает соотношение лексико-семантических групп глаголов бытийности в литературном языке и диалектах. В статье В.А.Галичевой дано экспериментальное исследование процесса деэтимологизации производных слов на материале верхневишерских говоров Красновишерского района Пермской области. Работа выполнена на основании карточки Акчимского словаря. Лексике акчимского говора . посвящена работа А.А.Мошевой (Пермский университет) и А.П.Медведевой (Зональная школа комсомольского актива г.Перми) об именах существительных с суффиксом -оТЬ. В работе А.А.Мошевой и Л.И.Поповой исследуются префиксальные прислагательные в том же говоре. В.В.Мерлин (Пермский педагогический институт) описывает частицу дак, широко распространенную в северорусских говорах, как средство выражения актуального членения. В литературном языке этой частице соответствует слово так, употребляемое в Акчимском говоре в качестве наречия и местоимения. Возникновение дак из так объясняется отличием этой частицы от наречия-местоимения при ее специализации для выражения актуального членения. Работа Л.В.Потаповой и Л.В.Загорской показывает употребление сочетаний существительных в род. падеже с предлогами от и из в говорах севера Пермской области. Статья Е.Н.Поляковой, как и ее работы в ранее опубликованных сборниках, раскрывает источники изучения разговорной лексики XVII в. В данном случае речь идет

о переписной книге Прокопия Елизарова 1649 г. по вотчинам Строгановых. В работе Е.Н.Поляковой и Т.М.Разумовой (учительницы средней школы с.Березовка Пермской области) изучаются названия растений в Пермских письменных памятниках конца XVII – начала XVIII в.

Завершается сборник двумя развернутыми рецензиями: на "Словарь говоров Соликамского района Пермской области" (Пермь, 1973) и на книгу Н.Н.Прокошевой "Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья" (Пермь, 1972). Заметим, что обе рецензируемые книги принадлежат перу сотрудников Пермского пединститута.

Седьмой выпуск одноименной серии межвузовского сборника научных трудов вышел в свет в 1979 г. В этом сборнике 15 статей. В составе редколлегии сборника, возглавляемой Ф.Л.Скитовой, кроме работников Пермского университета, находим сотрудников Пермского пединститута, Уральского университета, Владивостокского пединститута и др. Среди авторов видим фамилии не только преподавателей вузов, но и, например, Т.А.Шубину, сотруднику завода им. Калинина в Перми, Л.Е.Щербакову из Пермского медицинского института и др.

Содержание помещенных в этом сборнике статей столь же разнообразно и интересно, как и в вышерассмотренной книге. Статьи седьмого выпуска посвящены главным образом семантической и грамматической специфике диалектного слова в целом и отдельных лексических групп. В ряде статей определяется статус некоторых лексико-грамматических единиц в говорах: например, статья С.Ю.Адливанкина и Н.П.Потаповой "К вопросу о лексико-грамматическом статусе предикативных несогласуемых глагольных словоформ на -но, -то-то". Обращается внимание на язык произведений фольклора – статья Л.И.Новиковой "Явления функциональной омонимии в языке прикамских частушек".

В ряде статей анализируются диалектизмы в произведениях местных писателей как своеобразный материал для диалектологических исследований: например, статья Ф.Л.Скитовой и Л.А.Грузберг "Диалектизмы в произведениях местных писателей", статья Л.А.Грузберг, А.Н.Борисовой, А.М.Шварц "Диалектная лексика А.П.Ромашева".

Е.Н.Полякова, как и раньше, исследует язык отаропермских деловых памятников. Ее статья называется "К изучению гнезд однокоренных слов пермских памятников XVII – начала XVIII в.".

Специального внимания в названном выпуске заслуживают статьи, показывающие возможности освещения вопросов истории музыки по материалам диалектной речи (статья В.А.Альбинского, сотрудника музыкального педагогического института в Москве, "Древнерусский музыкальный термин возгудать в современных уральских говорах"), а также использование нотной транскрипции для записи и передачи интонации живой и разговорной диалектной речи (статья Т.А.Иноземцевой, преподавательницы средней школы села Гамово Пермской области, "Интонация в нотной транскрипции").

Краткое рассмотрение статей рецензируемого сборника показывает, что положительный научный потенциал пермских диалектологических исследований за последние годы не только сохраняется в полном объеме, но и значительно возрастает. И в этом тоже можно усматривать несомненную заслугу главного редактора сборников доцента Ф.Д.Скитовой.

Этой же исследовательнице принадлежит инициатива в издании несколько ранее начатой серии межвузовских сборников научных трудов "Литературный язык и народная речь". Выпуск I названной серии вышел в свет в Перми в 1977г. и содержит 10 статей. При этом состав редколлегии сборника кроме известных по предыдущим сборникам сотрудникам пополнился научными работниками из Ленинграда, в их числе можно назвать доктора филологических наук Л.С.Ковтун (Институт русского языка АН СССР), а также автора данной рецензии.

Узловая проблема, освещаемая в статьях сборника, – это вопросы взаимодействия русского языка и территориальных диалектов. Этому посвящена вступительная статья, написанная Ф.Л.Скитовой. Автор успешно продолжает изучать историю отдельных диалектизмов, переходящих в общелитературную лексику. Ее статья озаглавлена "Наименование частушек страдания в словарном запасе жителей Пермской области (к вопросу о признаках перехода областного слова в общелитературную лексику)". В этой работе приводятся интересные доказательства, что такие наименования

чаотушек, как страдания, припенки, матами, издавна присущие различным говорам, в 1920-х годах начали активно употребляться и оттуда перешли в общелитературное использование. Статья Ф.Л.Скитовой заслуживает внимания и потому, что ее выводы основываются на широко применяемом лингвистическом эксперименте, проводимом путем анкетирования.

К рассмотренной статье примыкает работа учителя Донецкой средней школы Ю.Л.Перепелкина "К вопросу о исполнении лексики русского литературного языка профессионально-местными словами. Неполадки". В статье показывается, что изучаемое слово с начала нынешнего века получило широкое распространение в лексике горняков Донецкого бассейна, откуда перешло в газетную печать и в техническую литературу. И лишь относительно недавно слово в более обобщенном значении стало употребляться повсеместно. В ряд таких статей может быть поставлена и написанная автором настоящих строк, в которой разбирается история слова работяга.

Из остальных работ сборника обратим внимание на работу Л.К.Андреевой (Владимирский педагогический институт) "О влиянии литературного языка на фразеологию говоров" и статью Т.В.Кирилловой (Калининский педагогический институт) "К изучению процессов изменения русских народных говоров под воздействием литературного языка". В последней основное внимание автора сосредоточено на изменениях фонетики и морфологии говоров.

И в рассматриваемом сборнике Т.И.Ерофеева продолжает разработку давно выбранной ею темы о территориальном варьировании уотной формы литературного языка. Е.Н.Полякова тоже остается верна овоей основной теме, исследуя лексику письменного языка и живой речи в пермских деловых памятниках XVII в.

Языковеды, работающие в Пермском педагогическом институте, в 1978-1979 гг. издали два сборника научных трудов под одним и тем же заглавием "Лингвистическое краеведение Прикамья".

В 19-ти статьях этих публикаций, из которых мы назовем наиболее для нас интересные, разрабатываются вопросы диалектологии Северного Урала, особенность языка местных деловых письменных памятников, созданных в Пермской области в XVII-XVIII вв., в опоставлении с явлениями общенационального письменного языка той же эпохи. Изучаются также диалектизмы в языке местных

писателей в качестве материала для диалектной лексикологии и лексикографии. Названным темам посвящены статьи, написанные совместно А.Н.Борисовой, Л.А.Грузберг, А.П.Шарц, Л.Е.Шербакова обращает внимание читателей на терминологию дождя в лексике пермских говоров. К.Н.Прокопьева исследует диалектную фразеологию в говорах Прикамья. И.А.Подикаев рассказывает о диалектных фразеологических единицах, обозначающих состояние человека. К.В.Бажутина рассматривает системные отношения между вариантами фразеологизмов на материале русского литературного языка и говоров Северного Прикамья. Среди других статей обращает на себя внимание финноугроведческая работа А.С.Кривошековой-Гантман "Некоторые вопросы развития коми-пермяцкого языка".

Несомненно, все статьи этих сборников обратят на себя внимание специалистов не только Прикамья, но и других регионов страны.

Не довольствуясь отдельными статьями, Т.И.Ерофеева и Е.Н.Полякова обобщили свои долголетние наблюдения в виде книги. В 1979 г. в Перми вышла книга Т.И. Ерофеевой "Локальная окрашенность литературной разговорной речи (Учебное пособие по спецкурсу)". В этой книге опубликованы многие материалы, появлявшиеся ранее в печати. Работа Т.И. Ерофеевой состоит из введения, четырех глав основного текста и краткого заключения. К монографии приложен библиографический перечень, насчитывающий 69 названий. В книге Т.И. Ерофеевой рассматриваются общая проблема локальной окрашенности литературной речи в русистике, локальные явления фонетического уровня в речи жителей Перми, владеющих русским литературным языком, подобные же явления лексического уровня и локальные явления в речи интеллигентных жителей Перми на уровне морфологии и синтаксиса. Можно признать монографию Т.И. Ерофеевой, написанную на безусловно актуальную тему, вносящей немало нового как в общее языкознание, так и в изучение русского языка и его говоров.

Вторая книга, изданная Пермским университетом в 1979 г., принадлежит перу доцента Е.Н.Поляковой. Ее труд называется "Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения". В монографии обобщены материалы, наблю-

дения и выводы, публиковавшиеся ее автором ранее в форме статей в упомянутых нами сборниках. В книге содержится введение, три главы основного текста, заключение. В приложении к работе даны: список использованных статей и книг (100 названий), список использованных словарей, словников и словарных карточек (50 названий), список использованных пермских памятников XVII – начала XVIII в. (20 названий опубликованных и неопубликованных собраний). К монографии присоединена схематическая карта Прикамья XVII в. Е.Н.Поляковой исследован язык документов уездных канцелярий Чердынской, Соликамской, Усольской, Кунгурской приказных изб, а также язык деловых бумаг из личных владений именинных людей Строгановых, центром которых был в то время г.Орел на Каме. В первой главе монографии дана детальная характеристика источников, обоснованы методы исследования и классификации лексики памятников. Во второй главе определяется метод исследования синонимов и анализируются синонимы в наблюдаемых по памятникам лексических системах. В третьей главе обобщаются итоги исследования синонимов в пермских деловых документах XVII – начала XVIII в. Объем монографии Е.Н.Поляковой 100 страниц. Книгу Е.Н.Поляковой можно считать отвечающей одной из актуальных задач современного русского языкоznания – изучению деловой письменной речи периода начала формирования национального русского языка, выступающего в качестве одного из главных признаков складывающейся русской нации.

Назовем еще монографическую оформленную работу А.А.Мошевой и А.И.Арапова "Изучение правописания имен прилагательных и существительных, имеющих в суффиксе -и- в условиях местного диалекта" (Пермь, 1980). Эта книга имеет двойную направленность. Во-первых, в ней обращается внимание на своеобразное явление в пермских говорах и в речи горожан, живущих в Прикамье, состоящее в удлинении звука -и- в тех словах, где литературный язык требует непротяженного произношения этого согласного: прилагательное голубиний, костяной, глиняные; существительные труженик, механик и т.п. Во-вторых, работа сосредоточивает внимание учителей на преодолении орфографических ошибок, связанных у учащихся с данным диалектным явлением. Для преодоления ошибок, вызванных этим, в книге приводятся обоснованные рекомендации

(как проводить уроки в связи с данными темами, как сочетать орфоэпическую работу с орфографической). В книге мы найдем специальные упражнения разного типа. К изданию приложены полные списки слов (имена прилагательные с суффиксами -ан-, -ян-, -ян-, имена существительные на -ник, -ница). Выразим уверенность, что книга окажет методическую помощь учителю.

В заключение нашего обзора мы можем признать, что научный коллектив пермских диалектологов за последние годы показал значительный территориальный, количественный и качественный рост своего научно-исследовательского потенциала. Пожелаем же нашим коллегам дальнейших успехов.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИБЫТЫЕ В СВОРНИКЕ

- ААЭ - Акты, обнаруженные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией.
- АГО - Архив Географического общества СССР (Ленинград).
- А.гражд.распр. - Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России /Сбор. и изд. А.Федотов-Чеховский. Киев, 1860-1863.
- АЕ - Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968.
- АМЭ - Архив Государственного музея этнографии народов СССР, фонд Геничева.
- Англ.д. - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т.2 /Изд. под ред. К.Н.Бестужева-Рюминой. - Сб. Русского исторического общества, т.38. СПб., 1823.
- АПД - Архив Сектора фольклора Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), г.Ленинград.
- арх. - архатческий.
- Арханг. лет. - Устюжский летописный свод (архангелогородской летописец) /Подгот. к печати и ред. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950.
- АФЗХ - Акты феодального земледелия и хозяйства XIV-XVI вв., ч.1 /Подг. к печати Л.В.Черепнин. М., 1951.
- АХУ - Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч.2,3. СПб., 1894-1908 (РИБ, т.14,25).
- АЮ - Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- БАН - Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
- БД - Беленски дамаскин. Ркп. № 718(445), 200 л. Народная библиотека в Софии.
- ВОКМ - Вологодский областной краеведческий музей.
- ВХК - Вотчинные хозяйствственные книги XVI в. М.; Л., 1979.
- ГАО - Государственный архив Архангельской области.
- ГАВО - Государственный архив Вологодской области.
- ГАЛО - Государственный архив Ленинградской области.
- Гильфердинг - Онежские быlinы, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 г., т.1. 4-е изд. М.; Л., 1949-1951.
- ГПБ - Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Грандилевский - Грандилевский А. Родина Михалла Васильевича Ломоносова: Областной крестьянский говор. - Сб. Отд. рус. яз. и словесности, т.83, № 5. СПб., 1907.

ДАИ-7 - Дополнения к Актам исторических, собранным и изданным Археографической комиссией, т.7. СПб., 1846-1875.

Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.1-IV. М., 1955.

диал. - диалектный.

ДКРЯ АН СССР - Диалектологическая карта русского языка. - в кн.: Русская диалектология. М., 1964 (вкладыш).

Дм. - Домострой по списку Общества истории и древностей Российских. - Чтения ОИДР, 1881, кн. 2, с.1-165.

Дог. Смол. с Ригой - Договор Смоленска о Ригой (I редакция). - В кн.: Памятники русского права, вып.2. М., 1953.

Дополнение - Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

ДП - Деловая письменность Вологодского края XVII - начала XVIII в. Вологда, 1979.

Др.об. - Дряновский сборник. Ркп. № 336 (523), 30 л. Народная библиотека в Софии.

Ерш-Ерш. - Повесть о Ерше Ершовиче. - В кн.: Адрианова-Петретц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937, с.157-162.

Жит.Ал.Нев. - Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913, с.33-48.

Жит.Ник. - Месяца сентября в 24 день житие и подвиги преподобного отца нашего Никандра пустынножителя, иже на Демяне езере жившаго Порховская области. - В кн.: Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. - Чтения ОИДР, 1908, кн.4, с.538-545.

Заб. - Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч.1. М., 1890.

Зап. прик. людей - Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII в. - Труды Отделения древнерусской литературы, 1956, XII, с.442-457.

КД - Котленский дамаскин. Ркп. № 13.5.18, 177 л. БАН.

КДРС - Картотека Сл.РЯ XI-XVII вв. Хранится в Ин-те русского языка АН СССР (Москва).

- Карша Данилов - Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. М., 1938.
- Кн. прих.-расх. Каз. пр.- Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613-1614. - РИБ. СПб., 1884, т.9, с.1-361.
- Ков. сб. - Кованьшики сборник. Ркп. № 13.6.16, 182 л. БАН.
- Крым. д. I - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымокою и ногайской ордами и с Турциею. Т.1. - Сб. Русского исторического о-ва, т. 41. СПб., 1884.
- К.сб. - Котленски сборник. Ркп. № 437 (630) 106 л. Народная библиотека в Софии.
- КСРТК - Картотека Словаря русских говоров Карелии и смежных районов сопредельных областей, хранится на кафедре русского языка Ленинградского ун-та.
- КСРНГ - Картотека СРНГ.
- Куликовский - Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЯОС - Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- ЛГИИ - Ленинградский государственный институт им. А.И. Герцена. лит. - литературный язык.
- ЛОИИ - Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
- ЛСГ - Лексико-семантическая группа.
- ЛЯ - литературный язык.
- междиял. - междиялективный.
- Ник. - Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря за 1567, 1581, 1601, 1603, 1604, 1606, 1607, 1608, 1610гг. - В кн.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т.1, вып.2. СПб., 1910.
- НЛ - Новгородская летопись.
- Новг. судн. гр. - Судная Новгородская грамота 1471 г. - ААЭ, т.1. СПб., 1836, № 92.
- Новг. рядн. XV в. - Шесть новгородских рядных XV в. - В кн.: АД.
- Новоторг.устав - Новоторговый устав 1667 г. - В кн.: Памятники русского права, вып.7. М., 1963.
- ОИДР - Общество истории и древностей российских при Московском университете.

Опыт - Опыт Областного великорусского словаря /Изд. Вторым отделением А.Н. СПб., 1852.

ОСГК - Опыт словаря говоров Калининской области /Кирилло-Борисовский Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А. Калинин, 1972.

Паз. об. - Сборник от XVIII в. писан в Пазарджик. Ркп. № 435 (635), 190 л. Народная библиотека в Софии.

ПД-1 - Пирдопски ламаскин. Ркп. № 341(432), 128 л. Народная библиотека в Софии.

ПД-2 - Пирдопски ламаскин. Ркп. № 335(433), 262 л. Народная библиотека в Софии.

Переп. Безобразова - Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И. Безобразова) /Изд. подг. С.И. Котков и Н.И. Тарбасова. М., 1965.

ПК-БМ - Приходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.

Пов. о чуд. ик. - Повесть о явлении чудотворных иконъ пресвятых владычицы во области града Пскова на Синичьи горь, иже нынъ зовома Святая гора. - В кн.: Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. - Чтения ОИДР, 1908, кн.4, с.552-561.

Пов. печ. мон. - Повесть о начале и основании Псковского Печерского монастыря. Псков, 1849.

Подвысоцкий - Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

Польск. д.ш. - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т.3. 1560-1571 гг.- Сб. Русского исторического о-ва, т.71. СПб., 1892.

ПОС - Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1-5. Л., 1967-1983.

Посл. Корн. - Послание Корнелия, инска Снетная горы, к сыну его, попу Иванну. - В кн.: Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Поковской земле. - Чтения ОИДР, 1908, кн.4, отд.3, с.527-532.

Посл. Новг. арх. Генн. м. Сим. 1496-1504 гг.- Послание Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону 1496-1504 г.- В кн.: Акты исторические, т.1. СПб., 1841, № 104.

Посольство Мир.-Засекина - Посольство в Персию Александра Федоровича Мирского-Засекина. - В кн.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией /Изд. под ред. Н.И. Веселовского, т.2. СПб.. 1832 (Труды Вост. отделения Рус. археол. о-ва, т.21), с.1-143.

ПРК-БМ - Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.

ПРИ-7 - Памятники русского права. Вып.7. М., 1963.

прост. - просторечный.

ПРС-ПМ - Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

ПСГ - Псковская судная грамота /Изд. Археогр. комисс. СПб., 1914.

ПС-ПМ - Приходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

РИБ - Русская историческая библиотека.

РК-ВМ - Расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.

РС-ПМ - Расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

РТП - Раоходные книги Тотемского соляного промысла.

Рус.-лив. а. - Русско-ливонские акты /Собр. К.Е.Напьероким; Изд. Археогр. комиссией. СПб., 1868.

РФВ - Русский филологический вестник.

Сакович - Сакович С.И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. М., 1966 (Книга записная мелочных товаров Московской большой таможни 1694 г.).

СГГД - Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. IV. М., 1828.

СГП - Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

СД - Свищовски дамаскин - Вългарски старини, кн. УП. София, 1923.

Сл. Забайк. - Эмисов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Сл. РЯ XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII веков, т. 1-9. М., 1975-1982.

Сл. отар. - Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби, т. 1. Томск, 1964; т. 2, 1965; т. 3, 1967.

Соф. вр. - Софийский временник по рукописи Публичной библиотеки /Изд. П.Стрёбёва. М., 1820-1821.

СРГЗ - То же, что Сл. Забайк.

СРГН - Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Срезневский - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1-3. СПб., 1893-1912.

СРНГ - Словарь русских народных говоров, т. 1-15. М.; Л., 1955-1979.

СРСГ - То же, что Сл. стар.

ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка, т. 1-17. М.; Л., 1948-1965.

- Ст. Еп. - Стоянова епистолия. Ркп. № 742(104), 83 л. Народная библиотека в Софии.
- Суворов - Суворов И. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1926 (Вологодская областная библиотека, машинопись).
- Суд. 1497 г. - Судебник 1497 г. - В кн.: Судебники XV-XVI вв. Подг. текстов Р.Б.Моллер и Л.В.Черепнина. М.; Л., 1952, с.19-34.
- Суд. 1550 г. - Судебник 1550 г. - Там же, с.135-177.
- Суд. 1589 г. - Судебник 1589 г. - Там же, с.349-414.
- Тет. сб. - Тетевенски сборник. Ркп. № 695 (117<sup>8</sup>), 63 л. Народная библиотека в Софии.
- ТК - Таможенные книги Московского государства XVII в., т.1-3. М.; Л., 1950-1951.
- Уст. Дв. гр. - Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича Дединяна 1397 г. - В кн.: Акты археографической комиссии, т.1. СПб., 1836, № 13.
- Уст. лет. - Устюженский летописный свод. Архангелогородской летописец /Подгот. к печати и ред. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950.
- Фасмер - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т.1-III. М., 1964-1973.
- Фенне - Tonnies Fenne's low German manual of spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.
- ЦГДА - Центральный государственный архив древних актов.
- Шляпин - Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, т.2. Великий Устюг, 1913.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков: Православно-русский лексический фонд, вып.1-9. М., 1974-1981.

## СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАЙОНОВ И ОБЛАСТЕЙ

Арх.	- Архангельская обл.
Баб.	- Бабаевский р-н Вологодской обл.
Бек.	- Бежаницкий р-н Псковской обл.
Белоз.	- Белозерский р-н Вологодской обл.
Белом.	- Беломорский р-н Карельской АССР
Бокс.	- Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
Валж.	- Валжинский р-н Вологодской обл.
Вл.	- Велаколукский р-н Псковской обл.
Волог.	- Вологодская обл.
Волх.	- Волховский р-н Ленинградской обл.
Вост. Сибирь	- Восточная Сибирь
Выт.	- Вытегорский р-н Вологодской обл.
Выш.	- Вышневолоцкий р-н Калининской обл.
Вят.	- Вятская губерния
Гд.	- Гдовский р-н Псковской обл.
Дед.	- Дедовичский р-н Псковской обл.
Дн.	- Дновский р-н Псковской обл.
Жар.	- Жарковский р-н Калининской обл.
Заон.	- Заонежский р-н Карельской АССР
Зап.	- Западнодвинский р-н Калининской обл.
Иркут.	- Иркутская обл.
Кад.	- Кадуйский р-н Вологодской обл.
Калин.	- Калининская обл.
Калуж.	- Калужская губерния
Камч.	- Камчатка
Кадн.	- Кадниковский р-н Вологодской обл.
Канц.	- Кандалакшский р-н Мурманской обл.
Карг.	- Каргопольский р-н Архангельской обл.
Карп.	- Карпогорский р-н Архангельской обл.
Кем.	- Кемский р-н Архангельской обл.
Кирил.	- Кирилловский р-н Вологодской обл.
Кириш.	- Киришский р-н Ленинградской обл.
Конд.	- Кондопожский р-н Карельской АССР
Кр.	- Красногородский р-н Псковской обл.
Куш.	- Кушалинский р-н Калининской обл.

- Лен.  
Лео.  
Лод.  
Локн.  
Лоух.  
Луж.  
Лук.  
Люнт.  
Ляд.  
  
Мако.  
Медв.  
Мурм.  
  
Нев.  
Нелид.  
Ноаг.  
Новосиб.  
Н.-Рж.  
Н.-Сок.  
  
Олон.  
Олен.  
Онеж.  
Оп.  
Ост.  
Остр.  
  
Палк.  
Пен.  
Перм.  
Пест.  
Печ.  
Пин.  
Плео.  
Поди.  
Порх.  
Прион.  
Пск.  
Пуд.  
Пуст.  
Пыт.  
Пушки.  
  
Ряз.  
  
Свердл.  
Себ.  
Сегеж.
- Ленинградская обл.
  - Лесной р-н Калининской обл.
  - Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
  - Локнинский р-н Псковской обл.
  - Лоухский р-н Карельской АССР
  - Лукский р-н Ленинградской обл.
  - Луковниковский р-н Калининской обл.
  - Любимский р-н Новгородской обл.
  - Лидский р-н Псковской обл.
  
  - Максатихинский р-н Калининской обл.
  - Медвежьеворский р-н Карельской АССР
  - Мурманская обл.
  
  - Невельский р-н Псковской обл.
  - Нелидовский р-н Калининской обл.
  - Новгородская обл.
  - Новосибирская обл.
  - Новоржевский р-н Псковской обл.
  - Новосокольнический р-н Псковской обл.
  
  - Олонецкая губерния
  - Оленинский р-н Калининской обл.
  - Онежский р-н Архангельской обл.
  - Опочецкий р-н Псковской обл.
  - Осташковский р-н Калининской обл.
  - Островский р-н Псковской обл.
  
  - Палкинский р-н Псковской обл.
  - Пеновский р-н Калининской обл.
  - Пермская обл.
  - Пестовский р-н Новгородской обл.
  - Печорский р-н Псковской обл.
  - бассейн р.Пинеги
  - Плесецкий р-н Архангельской обл.
  - Подпорожский р-н Ленинградской обл.
  - Порховский р-н Псковской обл.
  - Прионежский р-н Карельской АССР
  - Псковская обл. и Псковский р-н
  - Пудожский р-н Карельской АССР
  - Пустошкинский р-н Псковской обл.
  - Пыталовский р-н Псковской обл.
  - Пушкиногорский р-н Псковской обл.
  
  - Рязанская обл.
  
  - Свердловская обл.
  - Себежский р-н Псковской обл.
  - Сегежский р-н Карельской АССР

Сер.	- Середкинский р-н Псковской обл.
Сиб.	- Сибирь
Сл.	- Сланьковский р-н Псковской обл.
Слан.	- Сланцевский р-н Псковской обл.
Соленк.	- Солецкий р-н Новгородской обл.
Стр.	- Стругокрасненский р-н Псковской обл.
Тер.	- Терский р-н Мурманской обл.
Тихв.	- Тихвинский р-н Ленинградской обл.
Тор.	- Торопецкий р-н Псковской обл.
Уд.	- Удомельский р-н Калининской обл.
Уст.	- Устюженский р-н Вологодской обл.
Холм.	- Холмский р-н Новгородской обл.
Чаг.	- Чагодощенский р-н Вологодской обл.
Чер.	- Череповецкий р-н Вологодской обл.
Чуд.	- Чудовский р-н Новгородской обл.
Шекон.	- Шеконинский р-н Вологодской обл.
Якут.	- Якутия
Яросл.	- Ярославская обл.

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	3
<u>Демидова Г.И.</u> , (Ленингр. пед. ин-т). Склонение имен существительных в севернорусских и южнорусских диалектах (именительный падеж множественного числа)...	6
<u>Капорулина Л.В.</u> , <u>Герд А.С.</u> , (Ленингр. ун-т). К истории именного склонения в языке древнего Пскова .....	17
<u>Михайлова Л.П.</u> , <u>Черкасова Н.А.</u> , (Карел. пед. ин-т). Указательные слова о начальным э- в русских говорах Карелии и сопредельных областей .....	40
<u>Новикова Е.И.</u> , (Петрозав. ун-т). Безаффиконное словообразование имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей .....	58

<u>Чайкина Ю.И.</u> (Вологод. пед. ин-т). Названия лиц по ре- менсу и занятиям в деловой письменности русского Се- вера XVI-XVII вв. (на материале приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого мона- стырей) .....	63
<u>Судаков Г.В.</u> (Вологод. пед. ин-т). Лексические диалектиза- ции в северорусских актах XVI-XVII вв. (названия ру- кавиц) .....	75
<u>Мельская О.С.</u> (Ленингр. ун-т). Лексика псковского рынка начала XVII в. ....	84
<u>Черепанова О.А.</u> (Ленингр. ун-т). Щуликуни. Образ и слово	97
<u>Арзуманова Н.Г.</u> (Ленингр. ун-т). Взаимодействие лексико- семантической группы глаголов со значением 'быть, ударять' о глаголами других семантических классов	107
<u>Головина Э.Д.</u> (Киров. пед. ин-т). Внутрисловная вариан- тность в северорусской географической терминологии (на материале говоров Кировской области) .....	113
<u>Воронова Л.А.</u> , <u>Шадиро С.С.</u> (Карел. пед. ин-т). Заметки по северорусской фразеологии .....	121
<u>Трубинский В.И.</u> (Ленингр. ун-т). О распространителе <u>у +</u> <u>род.п.</u> в личных конструкциях с предикативным при- частием .....	127
<u>Белоусова Е.А.</u> (Ленингр. ун-т). Глагол <u>быть</u> в русских говорах Карелии .....	137
<u>Рускова М.Л.</u> (Ленингр. ун-т). Глагольные конструкции с предлогами <u>из</u> , <u>от</u> в северорусских и восточнобол- гарских памятниках письменности XVII-XVIII вв. ....	147
<u>Комягина Л.П.</u> (Арханг. пед. ин-т). Соотношение изоглосс и изопрагм на территории современной Архангельской области .....	155
<u>Лутовинова И.С.</u> (Ленингр. ун-т), <u>Меркулов Н.Ю.</u> (Калинин. ун-т). О лексических связях западных среднерусских говоров с северорусскими (на материале названий ку- шаний) .....	165
<u>Герд А.С.</u> (Ленингр. ун-т). К истории образования говоров Посвирья .....	174
<u>Мещерский Н.А.</u> (Ленингр. ун-т). О новых трудах пермских диалектологов .....	180
Сокращения, принятые в сборнике .....	191
Сокращенные обозначения районов и областей .....	197